

**ЛИЧНОСТЬ
МОРАЛЬ
ВОСПИТАНИЕ**

Серия художественно-публицистических
и научно-популярных изданий

ИНГА ПРЕЛОВСКАЯ

**ВОЗВЫШЕНИЕ
ЖЕЛАНИЙ,
ИЛИ
Как осуществить
себя**

Москва
Издательство
политической литературы
1986

- П71 Преловская Инга Сергеевна.**
 Возвышение желаний, или Как осуществить себя.— М.: Политиздат, 1986.— 288 с.— (Личность. Мораль. Воспитание).

Какие стремления нас достойны? Как закладывается нравственная основа личности, которая помогает людям идти к своим вершинам, полнее раскрыть свои способности, обрести активную жизненную позицию? Размышляя над этими вопросами, журналист Инга Преловская ведет с читателями разговор о подлинных ценностях в жизни молодого человека, о его гражданском и нравственном самоопределении.

Эти сложные и волнующие проблемы автор раскрывает на судьбах людей в их драматических и счастливых поворотах.

Рассчитана на массового читателя.

П 0302030800—261
 079(02)—86 78—86

ББК 87.717

Заведующий редакцией В. Я. Грибенко
 Редактор Ю. Н. Чернышева
 Младший редактор Л. В. Масленищикова
 Художник А. Д. Бечак
 Художественный редактор П. В. Меркулов
 Технический редактор Ю. А. Мухин

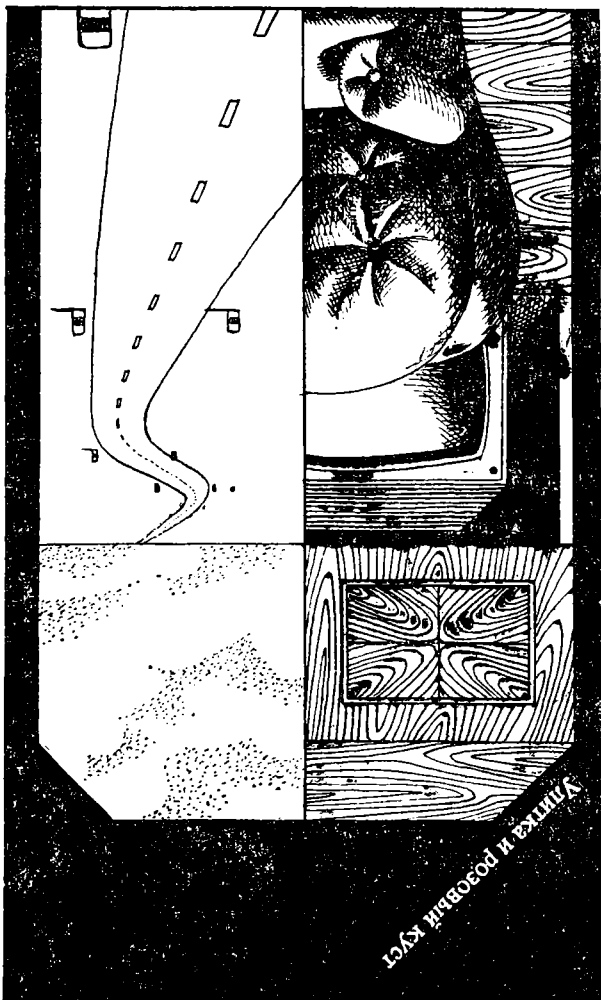
ИБ № 4745

Сдано в набор 21.05.86. Подписано в печать 12.08.86. А00127.
 Формат 70×90^{1/2}. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 10,53.
 Усл. кр.-отт. 10,97. Уч.-изд. л. 10,80. Тираж 200 000 экз.
 Заказ № 4847. Цена 45 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Трудового Красного Знамени
 типография издательства «Звезда».
 614600, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.

© ПОЛИТИЗДАТ, 1986 г.

Митка и розови кукл

У доброго волшебника нашего детства, мудрого и наблюдательного Кристиана Андерсена есть притча для взрослых «Улитка и розовый куст».

С ранней весны до первого снега цвел розовый куст и был счастлив, одаривая радостью все живое вокруг. А под его сенью пряталась в скорлупе садовая улитка, предаваясь в тиши одиночества раздумьям о смысле жизни. Она считала себя особой духовно возвышенной и с презрением отзывалась о неумолимой щедрости соседа, кичась своей отрешенностью от мирской суеты. Время унесло и тот куст, и ту улитку. Но под другим кустом другая улитка пребывает в тех же размышлениях. Аллегория прозрачна. За ней проблема, к которой люди возвращаются вновь и вновь. В чем истинная духовность человека — в интеллектуальном ли самоуглублении, в самоотдаче ли на благо ближнего? Жить для себя, замыкаясь в кругу личных интересов, или жить открыто — ради людей, ради Отечества, ради творчества. Много раз за три десятка лет своей журналистской работы, встречаясь с людьми в дни счастливые или трудные для них, я задумывалась: почему человек делает тот или иной выбор, какие желания укрепляют его духовные силы и дают подлинное

удовлетворение? Но в часы таких встреч видишь лишь короткий отрезок чужой жизни, как бы песколько кадров ее промелькнут перед тобой, и хочется узнать: а как же дальше сложатся судьбы, какими будут следствия сегодняшних событий и поступков? Повседневная работа, однако, торопит, и не всегда можешь встретиться с теми, о ком писала. Когда же все-таки удастся возвращаться к этим людям и уже на расстоянии сравнивать события разных лет, проступают и обнаруживаются связи и взаимодействия, которые прежде не замечались, соединяются концы и начала, сама жизнь негаданно отвечает на вопросы, которые волновали.

Толчком к этой книге как раз и послужило сопоставление позиций и судеб двух людей, почти ровесников, в пору их молодости и четверть века спустя.

Среди лесов и болот на краю Ленинградской области течет тихая речка Лидь. После войны студенты решили в летние каникулы построить на ней плотины для малых электростанций, чтобы дать свет окрестным деревням. Радуюсь возможности быть в то тяжелое время чем-то полезными стране, строили, разумеется, бесплатно, и эта стройка стала для нашего университетского поколения одним из возвышенных и поэтических воспоминаний юности. В тот самый район и поехала я однажды в командировку к молодому директору, только что получившему назначение в совхоз, объединивший треть района — более тридцати деревень. Поступки этого человека многих удивляли. Оставив успешно начатое научное исследование, в которое вложил много сил, вдруг согласился он отправиться на комсомольскую работу в сельский район.

Позже, будучи уже первым секретарем райкома комсомола, неожиданно сам вызвался ехать управляющим в дальнее отделение совхоза, отказавшись от благоустроенной городской квартиры, забрав с собой семью. И вот рискнул взяться за тяжелое, «невыигрышное» хозяйство: большие расстояния, плохие дороги, засоренные поля. Испокон веку бедная земля. Что же его побуждало к таким решениям? «Кому-то надо браться?» — отвечал он тогда вопросом на вопрос.

— Работа его любит, — шутили друзья. — Такой характер.

Рассказывали случай. Однажды весенним утром, когда каждая минута дорога, около десятка рабочих не вышло в поле. Агроном отделения примчалась в контору встревоженная: завтра хотят всем скопом идти на свои огороды. А в совхозном саду самовольно посадил картофель возчик, мужик права бесшабашного и сплы медвежьей, которого все в деревне побаивались, землю же под яблонями поделили кладовщик и бухгалтер. Днем управляющий — а он только приступил тогда к этой должности после райкома — чувствовал на себе испытующие взгляды. И, понимая, что уступка пошатнет с трудом налаживающийся порядок, решился на крайнюю меру. Поздно вечером вместе с соседом-трактористом сели они вдвоем на трактор, прицепили плуг и перепахали в саду картофель. Хозяин, кем-то предупрежденный, сжав кулаки, бросился к трактору, но управляющий не остался в спасительной машине, а спокойно пошел навстречу ему с тем сознанием правоты, которое в опасной ситуации одно и может отрезвить. Конечно, характер, но только ли?

Полная впечатлений от этой командировки, да еще подогреваемая воспоминаниями о нашей былой стройке, рассказывала я в гостях о молодом директоре, о том, что мне завидно стало, глядя на него. И тут-то мы столкнулись с приятелем студенческих лет, человеком способным и энергичным. В то время он уже вступил на научное поприще и, как все считали, подавал большие надежды.

— Чему тут завидовать? — проницательно встретил он мои восторги. — Суета! Создавать надо нечто такое, что останется, что свяжут с твоим именем. Самовыражение в творчестве — вот ради чего стоит жить. А для этого надобны время, спокойствие и независимость. Сверхзанятость духовно опустошает, мешает человеку оставаться самим собой. Ну что будет с этим директором через несколько лет в его глуши? Погрязнет в мелочах хозяйства, забудет о науке. Когда-нибудь еще пожалеет о том, что потерял.

Как часто бывает в споре, каждый остался при своем мнении. Прошли годы. И сама жизнь сопоставила уже не только позиции, но и судьбы, не истоки — итоги. Директор совхоза был и на партийной, и на хозяйственной работе, но не отрывался и от науки. Теперь руководит институтом. Сделал карьеру? Нет, это не то слово, когда думаешь о его жизни, в которой случались и поражения, но мужества на крутых поворотах он не терял. Есть люди, которые не боятся своих неудач, а с такой страстью отдаются работе, что забывают о себе, преданные интересам дела. И это, наверное, единственное, что не обманывает нас в конечном счете, потому что нравственное удовлетворение — успех, которому нет равных. Когда о человеке говорят,

что он состоялся, то имеют в виду не легкое продвижение по ступеням служебной лестницы, а осуществление заложенных в нем возможностей. Он-то как раз всюду и оставался человеком перспективно мыслящим, самостоятельным и непокладистым в лучшем смысле слова.

Встретилась я как-то и с бывшим приятелем, которого не видела долго. По-прежнему блистал он эрудицией, но научная его карьера как-то не задалась. Взялся когда-то за тему, что была, как говорится, на гребне волны и сулила верный успех, но в области науки, в которой он работал, произошли резкие перемены, тема потеряла актуальность. Он метался, менял работу в поисках золотой жилы. И что-то в нем надломилось, хотя преподает, печатается. Другой, может быть, был бы доволен этим, но он уязвлен. Не так представлял себе будущее. Делать ставку на успех, на свою исключительность — не на этом ли пути часто ждет неординарного человека разлад с самим собой? Ведь всегда вблизи будет кто-то, добившийся большего — положения, или известности, или наград. Сотня причин для разочарований и недовольства жизнью.

От встречи остался горький осадок. Наверное, мы всегда его ощущаем при мысли о чьих-то несбывшихся надеждах. Думалось, что много ему было дано. Ум, талант. Недостало нравственной стойкости, верности своему делу.

Задумываясь в отрочестве и юности о будущем, планируя его, мы вольно или невольно проектируем и себя, проигрывая в воображении привлекающие нас роли. Есть, однако, разные уровни желаний и выбора. Один — житейский, практический. Каждый из нас неизбежно решает для себя, куда пойти учиться, кем рабо-

тать, где устроиться. А над этим житейским рядом решений, касающихся быта, возвышается уровень запросов и желаний бытия. Где более всего понадобится моя готовность служить справедливости, добру, будущему, где смогу я принести больше пользы, в чем будет смысл моей жизни для общества?

Помните в «Былом и думах» у Герцена: «Сидело солнце, купола блестели, город стлался на необозримое пространство под горой, свежий ветерок подувал на нас, постояли мы, постояли, оперлись друг на друга и, вдруг обнявшись, присягнули, в виду всей Москвы, пожертвовать нашей жизнью на избранную нами борьбу». От клятвы друзей-подростков на Воробьевых горах — прямая к жизненному подвигу двух замечательных людей России. «...Через двадцать шесть лет я тропут до слез... — вспоминая эту клятву, писал Герцен, — она была свято искренна, это доказала вся жизнь наша».

Когда же наступает у людей время определения их жизненных позиций, время духовного взросления? В четырнадцать-пятнадцать лет подросток оказывается у серьезного рубежа — пора решать, продолжать ли учение в школе, за какую взяться рабочую профессию. И этот практический выбор уже имеет свою нравственную окраску. Одни исходят из своих возможностей и склонностей, другие — из соображений престижа, третьи — из материального расчета. Кто-то готов себя испытывать, не пугаясь трудностей, кто-то сразу ищет дорогу полегче.

В шестнадцать лет подростку вручают паспорт — перейден порог совершеннолетия. И как писал В. А. Сухомлинский в своих «Беседах об этике», обращаясь к юному читателю: «В шест-

надцать лет ты должен уже сознательно поставить перед собой вопрос: для чего я живу на свете? И дать на него ответ гражданина. В шестнадцать лет, оглянувшись назад, ты уже должен увидеть плоды своего труда, сделать первый итог своей жизни».

Начало этой книги и застанет человека накануне его первых важных решений у порога школы. Вопреки ходячей поговорке, судьбу все-таки выбирают. Занять ли позицию активную или удобную, проявлять мужество или трусить и лениться, не отступать, сталкиваясь с неправдой, или отходить в сторону — мы всю жизнь встречаемся с обстоятельствами, в которых совершаем нравственный выбор. И меня всегда интересовали те внутренние двигатели, те токи, которые побуждают людей ради справедливости, ради долга жертвовать удобствами, покоем, рисковать, входить в конфликты. Самоотвержение, самоограничение, самоотдача — все это от себя. Но что же тогда для себя? Осуществление себя па высшем пределе возможностей? Как же закладывается та нравственная основа, которая помогает людям идти к своим вершинам?

От пробуждения любознательности, интереса к труду — к раскрытию таланта, к творчеству, от проявления заботы о близких — к сознательной самоотдаче для общего блага, от сознания ответственности перед теми, кто рядом, — к стойкости в борьбе за наши принципы. Человек мужает, возвышаясь в своих стремлениях, поднимаясь в своем мироощущении до совпадения собственных «хочу» и общественного «надо». Главы книги и отражают эти грани становления личности, ее формирования в школе, в семье,

на работе, в среде единомышленников, в противоборстве с косностью.

Я не претендую на широкие обобщения, но сознаю ценность тех крупиц опыта, которые собрала долгие годы, занимаясь проблемами воспитания молодежи.

Время раздвигает рамки нашего видения, меняет акценты, наводит на сравнения, выявляет истинные ценности. И это острее всего ощущается в моменты переломные и в жизни отдельных людей, и в жизни общества.

Каждое время ищет своих героев. Ключевым для нас, определяющим крутой перелом в развитии страны, становится слово, на весь мир прозвучавшее с трибуны партийного съезда, — ускорение. Динамизм утверждается как норма бытия. Ломка стереотипов, отживших представлений, очищение от ржавчины идет и в хозяйственном механизме, и в мышлении людей. Стратегию ускорения партия прямо связывает с повышением роли человека, призывая нас к творчеству, новаторству. У нашего времени особый спрос на людей одаренных и самоотверженных, предприимчивых и честных, особая нравственная чувствительность. Каких бы успехов ни достигала техника, какой бы массовый характер ни приобретало «впитывание» разнообразной информации, без глубины чувств, без самостоятельности мысли, без нравственной опоры человек мельчает и опустошается. Да и сама техника опасна без контроля совести.

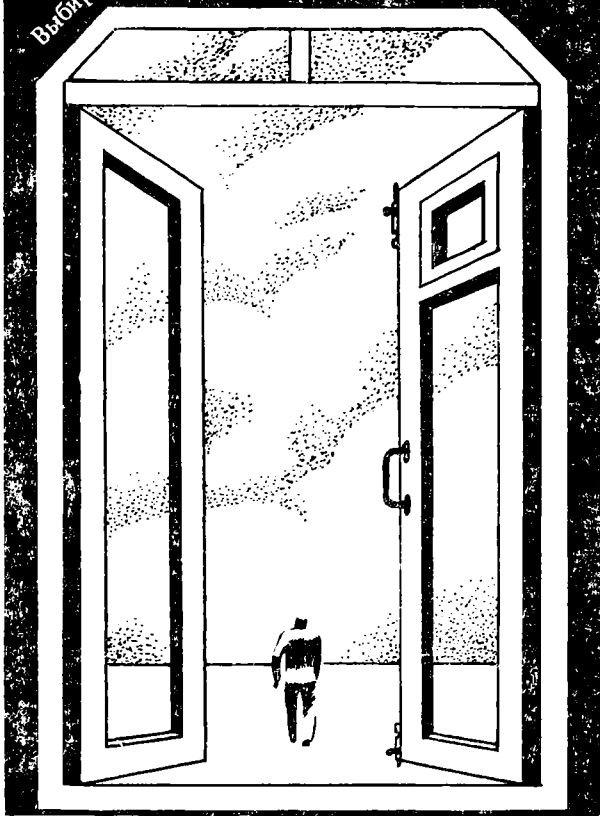
Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев, размышляя о культуре и современности, со всей решительностью высказался так: «Культура — это нравственность прежде всего». Мы все чаще обращаемся к чести, совести, достоинству, дол-

гу личности, касаемся ли производства, семьи, нашего отношения к истории или к природе. С мыслью академика перекликается в моем сознании и мысль сибирского рабочего Алексея Ивановича Свиридонова, Героя Социалистического Труда из Братска.

— Есть такой технический показатель — надежность, — заметил он. — Так вот для меня это и главный показатель в оценке людей.

Речь и пойдет дальше о том, как раскрыть себя для людей, для общества, о воспитании тех потребностей, которые делают людей нравственно надежными в наш динамичный век.

Выбирая судьбу

ПИСЬМО НЕЗНАКОМОМУ ЧЕЛОВЕКУ

Однажды я столкнулась с целым потоком писем от подростков с их вопросами и сомнениями, как не прозевать то главное, что в тебе заложено, угадать свое призвание. И наконец, можно ли себя «сделать»? Я растерялась: «Да что я, дельфийская пифия, что ли? Как могу предсказать, что из них выйдет? Откуда мне знать, какие у них дарования?»

Читала эти письма, перечитывала, стараясь представить себе обстоятельства, побудившие этих молодых людей взяться за перо.

«В школе меня считали трудным подростком, — рассказывал автор письма, которого в общезнании, по его словам, прозвали «мрачным Гамлетом». — С тех пор прошло два года, а я еще не знаю, чего хочу от жизни, чего надо достичь, чтобы стать полноценным Человеком. Учиться? Но еще не забылась школа, да и боюсь ошибиться в выборе вуза. Хотя столько интереснейших занятий вокруг. Много читаю, люблю кино. Но там живут люди правдивые, отзывчивые, а жизнь земная гораздо сложнее, противоречивее. У меня нет любимого дела, оттого и жить-то неинтересно. Мне кажется, я вишу в воздухе, нет опоры под ногами, нет дружеской, верной руки. Хотелось бы услышать совет, что

мне делать?..» Но что посоветуешь, не познакомившись с адресатом? И вот с Ирой, автором одного из писем, задевших меня, представилась возможность повидаться. Она написала: «Не знаю, по правде сказать, зачем я вообще пишу, на что надеюсь, но все-таки что-то заставляет сесть и писать, и не другу, не подруге, а вам, незнакомому человеку. А скорее всего заставляют писать меня отчаяние и одиночество, с которыми мне первый раз приходится столкнуться так близко.

Я не люблю жаловаться, потому что не хочу, чтобы меня жалели, просто я сейчас нахожусь в таком положении, что приходится забывать о гордости и приходится искать у кого-либо совета, потому что я так запуталась, что и не знаю, как мне быть. Кончила я девять классов школы. Теперь учусь в вечерней школе и работаю. Стыдно признаться, но мне не хочется учиться. Хочется быстрее встать на ноги.

Один месяц работала временно на почте, потом устроилась постоянно на завод грампластинок. Отработала три месяца и ушла. Я хочу каждый день отдавать своей работе частичку души, идти на работу не как на каторгу, а как на праздник. Короче говоря, хочу любить свою работу. Но где она? Две недели я шатаюсь в прямом смысле слова в поисках этой «любимой» работы и ничего, ну совершенно ничего не нахожу.

...Не могу я больше верить в романтику, не могу больше верить в себя, потому что узнала себе «цену»: слишком она невысокая. И в людей, кажется, тоже больше не верю. И вот сижу дома. И ничто, ну ничто меня сейчас не интересует, кроме книг, в которых я ищу ответы

на свои вопросы, а ведь жизнь шире и умнее книг...

В общем, качусь я под откос, и, кажется, без задержек... Возможно, я и не отправлю это письмо. Стыдно за себя. И кому я нужна? Кому какое дело до меня?..»

В Ленинграде, где жила Ира, я решила ее навестить. Она вошла лишь за несколько минут до меня. Мать как раз накрывала стол к обеду.

— Вы не из школы? — засуетилась молодая, симпатичная женщина, когда я сказала, что пришла к Ире.— Ирочка болела,— добавила она, настороженно глядя на меня.— В больничном написали: «ОРЗ», а был самый настоящий грипп.

Тут же выяснилось, что живут мать с дочерью вдвоем, Ира устроилась работать на фабрику игрушек, и ей там понравилось. И хотя она пропустила в вечерней школе почти месяц, но, пока болела, усиленно занималась. Никакой особой тревожности у матери я не заметила. У Иры, кажется, тоже прошло первое смущение. Она с аппетитом съела суп и второе. Потом мы вместе пили чай с домашним вареньем. С первых же мгновений почувствовалось, что ни в материнской ласке, ни в заботе Ире не отказано. Достаточно было увидеть, как мать на нее смотрела, как кормила, как взволновалась при моем появлении и как обрадовалась, узнав, что с ним не связаны никакие неприятности для дочери.

Решив, очевидно, что разговаривать нам с Ирой легче будет вдвоем, мать, убрав со стола, деликатно удалилась, мимоходом заметив, что побудет у соседки. И мы с Ирой без особой за-

минки разговорились. Ира не скрывает изумления, что ее письмо вызвало такую реакцию: она никак не ожидала, что кто-нибудь может приехать к ней. Даже испугалась: что же она такого написала?

— У меня, правда, было кошмарное настроение. Хотелось перед кем-то выговориться, — призналась она.

— А маме?

— Она бы все еще в три раза преувеличила. Разволновалась, кинулась бы в школу, на фабрику. Стала бы меня утешать, уговаривать. Она так за меня боится. А мне еще просто подумать надо, что делать.

— А почему вы, Ира, ушли из дневной школы? Обстоятельства?

— Вообще-то у меня с сердцем неважно, хотя вид такой «цветущий», как говорят. Иначе, сами понимаете, мне бы в вечернюю не разрешили перейти.

— Но ведь работать и учиться вдвойне трудно?

— Конечно, трудно. Но жить легче. Я и в вечернюю-то перешла, потому что выгляжу, как взрослая. Один мальчишка так и сказал: «Во бабица в девятом «Б»!» Я каждую секунду это чувствовала. Думаете, приятно?

— А что вам понравилось на новой работе?

Она вдруг широко улыбнулась:

— Куклы! Меня на кукольное производство взяли.

— Какая же будет специальность?

— Профессию надо выбирать. Но если откровенно, я пока еще не решила, что буду в жизни делать. Не знаю своих способностей. Я рисовать любила. Один мой рисунок даже на выстав-

ку попал, — вздохнула Ира и тихонько приподняла газету, под которой лежали школьные учебники.

Не буду вдаваться в подробности нашего двухчасового разговора.

Ира говорила о себе искренно: не фантазировала, не манерничала, как иногда бывает в таких случаях. Не с кем посоветоваться — вот беда. Нет взрослого умного друга, который готов был бы взвешивать и обсуждать ее проблемы, не навязывая, однако, решений. Исповедоваться легче человеку объективному и в то же время знающему тебя. Вот если бы был такой учитель!

Мне показалось тогда: типичная «взрослая девочка». Типичный возрастной конфликт. В общем-то ничего страшного. Ищет себя. Письмо написала в «черную» минуту.

Но когда все эти письма от подростков ложились рядом, возникало беспокойство. У каждого были свои сомнения, страхи, колебания, каждый жаждал ответа. И тогда стала выстраиваться цепочка, которая и повела за собой мою мысль.

Что, если человек, свернув со своей дороги из-за разных случайных обстоятельств, рано или поздно в самом деле спохватится, что по собственной неосторожности и боязливости прожил не свой, а какой-то чужой, урезанный, упрощенный вариант жизни? Если поймет, что сам себя обокрал. Приходилось ведь и с этим сталкиваться: с непоправимостью даже не ошибки, а бездействия. Мог, а не сделал — не поехал, не поступил, не решился, не попробовал. Вечным червячком сосущая тревожная мысль: а если б попробовал?

Ну не вышло бы — и ладно! Не было бы обидно. А если б вышло? Именно это ведь и тяжело себе простить.

Размышляя над письмами подростков, я попыталась поставить себя на их место.

Оказывается, с течением лет я кое-что забыла. И вот, роюсь в собственных давних письмах и бумагах, нашла большой безымянный конверт, из которого выпали сухой плоский пион, сохранивший лишь едва заметный розоватый оттенок, старая телеграмма и вырванный из тетрадки листок в косую линейку.

Телеграмма была от отца. Всего три слова без знаков препинания. С военной категоричностью он отвечал на мой суматошный вопрос, заданный впопыхах в последний истекающий день: «Постунай исторический папа». Пион мне вручили на выпускном вечере вместе с аттестатом. А на листке из тетрадки я начертила, вернувшись домой с вечера, расходящиеся веером линии — гадала, куда же мне все-таки пойти учиться. Медицина, журналистика, история... Фиолетовые буквы с нажимом. Сразу представилась чернильница-непроливайка, деревянная ручка со стальным пером — письменный набор моей ученической поры. Чего только тогда не воображала я о себе! И еще удивляюсь «ребяческим» вопросам!

В одном из ранних набросков Льва Толстого «История вчерашнего дня» поразила меня однажды такая мысль:

«Задать себе цель никак нельзя. Это я пробовал, сколько раз, и не выходило. Надо не выдумывать ее, но найти такую, которая бы была сообразна с наклонностями человека, которая бы и прежде существовала, но которую я только бы

сознал». Мысль выстраданная. Толстой говорит тут о сознании человеком своего предназначения в мире. А это больше, чем выбор профессии.

Нельзя придумать себя, сделать себя по чьему-то проекту, надо себя найти, сообразно своим склонностям и способностям. Развивать и совершенствовать то, что в тебе заложено. Жаль, что мы не все это понимаем, когда выбираем свою стезю. Но что значит — заложено? Отчего возникает подчас разлад между умом и сердцем при выборе пути?

«Признаться, у меня не все было гладко,— писала Оля Гурилева из Казахстана. — Когда я, окончив десять классов, поступала в институт, то все свои мечты связала с ним, все свои планы, все. И вдруг: «Стоп». Не прошла. Завалила первый же экзамен — сочинение. Тогда мне показалось, что дальше полный провал, тень. Я пролежала целый день на кровати. Я не жила — существовала. Но прошло время. И теперь мне кажется, что все было к лучшему. У меня есть возможность проверить себя на деле. И я рада этому. В девятом классе после вечера «Выбор профессии», я еще смутно знала, чего хочу, но уже что-то во мне заворошилось: буду воспитателем в детском саду. Нет, не заведующей, не методистом. Просто буду заниматься с детьми. И вот, мне кажется, я добилась того, чего хотела. Пусть не прошла в институт. Буду поступать на заочное. Пока работаю няней. Но непременно буду воспитателем. Сколько преград я уже прошла! И отговоры, и запреты. Теперь родные и знакомые говорят: «Молодец!» А раньше: «Куда ты идешь?», «Разве тебе нервы не дороги?» Не знаю, может быть, это зависит от характера, но я должна быть там, где трудно.

Не хотят идти работать в детские сады. Значит, мое место здесь...»

Оля написала это письмо не столько мне лично, сколько своим сверстницам, с которыми в свою очередь я вела переписку.

В Олином письме — радость преодоления. Первого самостоятельного выбора, оправдавшего себя. Радость человека, который твердо встал на ноги, ни на кого не надеясь. Открытие в себе самой запаса жизнестойкости, смелости, способности ориентироваться в трудных обстоятельствах.

Вопрос «кем быть?» непременно переплетается с другим — «каким быть?». Тут, собственно, и проходит грань нравственного выбора. Тут чаще всего и родители в своем страхе за детей совершают ошибки, принимая за них решения. Опасность, однако, не только в том, что взрослые могут ошибиться, а в том, что они избавляют взрослеющих детей от выбора, который те сами должны прочувствовать, продумать, осмыслить, которым, если хотите, им надо «переболеть», потому что, принимая крупные ответственные решения, вырабатывают люди жизненную позицию, волю, умение противостоять трудностям. Одно дело — подводить к решениям, выдвигать и взвешивать аргументы «за» и «против», другое — решать за детей, настаивать, «брать игру на себя», как говорят в спорте.

Вспоминая собственные промахи и неудачи, взрослые склонны перестраховаться, когда совершают выбор их дети.

Что лучше — синица в руках или журавль в небе? Рискнуть, попробовать, предъявив себе максимум требований, предполагающих и мак-

симум собственных усилий, или же ограничиться в жизни спокойной программой-минимум? Пойти проторенной дорогой или осмелиться поискать свое место? Сына тянет авиация, а родители изо всех сил бьются, уговаривают его поступить в технологический институт. Почему? Да просто потому, что этот вуз в родном городе, на соседней улице, и хочется оставить ребенка дольше под родительским присмотром. Но мелочный присмотр за человеком семнадцати лет только раздражает и отталкивает его от старших. Окрыляет же вера в его силы, поддержка его самостоятельности.

Вспоминаю встречи с немолодой женщиной, приехавшей из-под Воркуты.

Была она в отчаянии, сама тяжело больна, а единственный сын только что сделал, на ее взгляд, неразумный шаг — оставил институт, в котором проучился уже два года. Учился он в Одессе, должен был стать инженером, но в институте понял: будущая профессия ему совершенно чужда, склонности у него гуманитарные. С увлечением занимался философией, читал литературу по психологии. И, окончив два курса, забрал из института документы и поехал в Ленинград поступать на факультет психологии. Но документы у него не приняли, не было соответствующего разрешения из Министерства высшего образования. И Володя решил поработать пока в леспромхозе, отслужить свой срок в армии, а там вновь попробовать счастья.

Мать показала его письмо из Ленинграда, посланное ей, когда стало ясно, что он потерпел неудачу. Володя объяснял, что теперь, когда он осознал свое призвание, продолжать изучение профессии, к которой не чувствует ни тяги, ни

способностей, считает самообманом и обманом других. Инженер, убеждал он мать, не может механически выполнять свою работу, от него требуется больше чем усердие — живая мысль. И раз он понял свою бесполезность для инженерного дела, лучше, честно признавшись себе в этом, искать другое. Матери хотелось уговорить сына вернуться в Одессу, но она боялась, что в институте, из которого он ушел, его уже не восстановят. А я усомнилась, надо ли уговаривать его возвращаться на путь, в котором он разочаровался.

Володе удалось помочь. Пошел навстречу и министр, и ректор университета в Ленинграде. На втором курсе факультета психологии оказалось место, и Володю в порядке исключения, с потерей года, перевели из вуза в вуз, обязав в течение семестра сдать экзамены за первый курс.

Володя экзамены своевременно сдал и вполне успешно продолжал учиться на факультете психологии. В истории этой при всей ее исключительности прослеживается, однако, своя закономерность. Решившись взяться за то, в чем более всего может принести пользу, человек старался не отступать от этого пути, оставаться на уровне тех нравственных требований, которые к себе сам предъявил.

С тех пор прошло немало времени. Но я регулярно раза два в год получаю от Владимира Михайловича вести. Семь лет от преподавал психологию управления в институте повышения квалификации. Теперь работает в больнице психологом. Занимается исследованием больных, индивидуальной психотерапией. «Работой в главном доволен, — пишет он. — Дело инте-

ресное и нужное. Несмотря на то что при переходе потерял в деньгах, не жалею. Преподавание все же дальше от практики, от жизни. Непосредственная помощь людям мне принесит больше удовольствия, и похоже на то, что (по мнению окружающих) мне это удастся». Однажды мы с Владимиром Михайловичем наконец повидались. Я была рада, что впечатление о нем, сложившееся по переписке, подтвердилось: интеллигентный, увлеченный своим делом человек.

Кого-то, может быть, и разочарует его профессиональная карьера, покажется слишком обыкновенной. Но Владимир Михайлович внушает уважение бескомпромиссным подходом к себе, стремлением к полной самоотдаче в работе.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ЛИ ОН — ПУТЬ К ПРОФЕССИИ?

Я часто езжу по одному и тому же маршруту — от дома до школы № 201 имени Зои и Александра Космодемьянских: сестра и брат учились в ней до войны.

Третий этаж. Кабинет литературы. Им ведаст не одно десятилетие Зинаида Николаевна Кулакова, заслуженная учительница, кавалер ордена Ленина, известная московская словесница, у которой учились и учатся не только дети, но и многие ее коллеги. Я тоже хожу к ней учиться — искусству воспитания Человека, если выражаться высоким слогом.

Хожу на спектакли, которые она ставит со своими учениками, и на обсуждения премьер Центрального детского театра, подружившегося со школой с ее легкой руки. Не хочется пропустить и школьный вечер поэзии.

Заглядываю к ней на уроки по Чернышевскому, по Толстому, по Достоевскому. Люблю забежать на часок после уроков, почитать сочинения ее ребят. И особенно сочинения на темы, непривычные для школы: рецензии на художественные выставки, телефильмы о жизни сверстников или рассуждения о том, например, что дает их уму и сердцу научно-художественная фантастика...

Кулакова, бывает, и сама приглашает познакомиться с тем, что наводит на размышления.

Помогая ученикам выбрать свое место в жизни, в 201-й школе провели такую работу: предложили ребятам написать сочинения о профессии кого-либо из близких им людей, тех, кто считает свою трудовую жизнь сложившейся удачно, счастливо. Форму сочинения можно было избрать по своему усмотрению: интервью, рассказ о человеке, запись его рассказа о себе. Нашлись родители, столь заинтересовавшиеся темой, что и сами написали свои соображения о выборе профессии. Все сочинения поступили в кабинет профориентации, который создали в школе. Каждый мог прийти и прочитать их. Получилась целая энциклопедия профессий. Но это было неглавное. Школа патолкнула ребят и взрослых на серьезные разговоры о том, что дает человеку работа и как сопрягается она с его судьбой, — разговоры, которых подросткам так не хватает.

Я прочла больше сотни сочинений и расскажу о выводах, сделанных для себя старшеклассниками в их размышлениях о судьбах близких.

Встал, в сущности, вопрос: какие же потребности удовлетворяет человек в своем труде? Потребность в самовыражении. На нее указали те,

кого притягивают профессии, ориентированные на интеллектуальное творчество. Других привлекает деятельность, связанная с волевыми усилиями, риском, приключениями, необычными обстоятельствами. Это влечение можно, наверное, назвать потребностью в самоутверждении.

Современные ребята не склонны скрывать и то, что их интересуют материальные возможности, которые дает профессия, — иметь житейские блага, обрести самостоятельность. Наконец, потребность приносить пользу обществу. И вот что показалось мне неожиданным: хотя именно об этой высокой потребности в школе постоянно твердят, осознается она в практическом преломлении труднее всего. То, что может гордиться своим трудом, скажем, строитель БАМа, воспринимается ребятами как само собой разумеющееся. Но то, что глубокое удовлетворение и радость человеку может приносить самая обыкновенная, заурядная работа, оказалось для них открытием.

Когда все сочинения сложили вместе, выяснилось, что они дают пищу для серьезных раздумий перед выбором профессии, вносят поправки в привычный ход рассуждений, заставляют пересмотреть устоявшиеся общепринятые мнения.

Ведь чаще всего, положив перед собой чистый лист бумаги, ребята начинали свои рассуждения с повтора расхожих утверждений: «Важно не ошибиться, потому что ошибка одной минуты составляет несчастье целой жизни», «Убеждена, что невозможно приносить максимальную пользу, если ты не увлечен работой», «Проблема в том, чтоб попасть точно в яблочко...»

Бесспорно? На первый взгляд да. Так обычно говорят. Так и написали многие. Но вот что любопытно: выдвинутый вначале тезис опрокидывался приведенными дальше примерами. В самом деле, что значит «не ошибиться»? И что вообще считать ошибкой?

Встречаются, конечно, люди, которые чуть ли не с самого детства испытывают тягу к какому-то делу. Отец Наташи, радиоинженер, еще мальчиком собирал простейшие радиоприемники, построил свой передатчик, занимался радиоспортом. Выбирая, он знал, чего хочет, и всю жизнь занимается любимым делом. Тройродная сестра Ани, Вероника, была вожатой у октябрят, водила их на каток, придумывала игры. Она еще в четвертом классе решила стать учителем. Даже неудача на конкурсных экзаменах в пединститут ее не смутила. Поступила старшей пионервожатой в школу. В конце концов добилась своего. Теперь — учитель истории.

Однако не у всех склонности, а тем более способности проявлялись столь отчетливо. Да и как угадать заранее, что ты, например, будешь толковым прорабом?

Сколько разнообразных профессий только у своих родителей назвали ученики одной лишь школы: швея, инженер по электронным приборам, инженер-строитель очистных сооружений, юрист, фрезеровщик, продавец спортивных товаров, ткачиха, специалист по луговым травам, шофер такси, хирург, экономист-математик, медсестра, военный моряк и т. д. Легко ли, оказавшись перед выбором в свои семнадцать лет, попасть «точно в яблочко»? И есть ли, как многим из нас это представляется в юности, предназначенность человека к одной конкретной

профессии, в которой он только и может достичь своего потолка? Не наивно ли такое представление? И хотя принято говорить об единственности выбора, судьбы счастливых людей это не подтверждали.

Полина Сергеевна, бабушка Ларисы, сказала внучке, что принадлежит «к поколению, представители которого часто не выбирали себе профессию, а шли работать туда, куда звала Родина». У нее было шесть профессий: работала в больнице, была ткачихой, потом партийная организация направила ее на работу в органы милиции... Что же давало удовлетворение? Сознание, что выполняет работу, в которой страна особенно нуждается. И жизнь свою Полина Сергеевна искренне считает удавшейся, счастливой.

Мишина мама после института работала в НИИ, собиралась посвятить себя научной деятельности, но позже совершила крутой поворот в жизни, стала инженером-химиком. Крушение иллюзий? Ничуть не бывало. «Меня восхищает, с какой неутомимостью мама работает в своей лаборатории. Недавно окончила курсы английского языка, покупает много новых книг по химии, биологии, выписывает специальные журналы, чтобы знать новости. Не представляю, откуда у нее столько энергии, трудолюбия. Она самый жизнерадостный человек, которого я знаю». До армии иные из взрослых получили в ПТУ или техникуме одну профессию, после службы в армии выбрали другую. Пробы и ошибки? Примеривание себя к работе и работы к себе? Огорчительны ли такие перемены? Это бывает по-разному, но чаще всего без драматических последствий.

«Если вы удачно выберете труд и вложите в него всю свою душу, то счастье само вас отыщет», — писал К. Ушинский, слова которого часто цитировали в сочинениях. И вот, вдумываясь в них, я заметила, как от первого «если» в этом тезисе акцент постепенно перемещался в сознании ребят ко второму — «если вложите... свою душу». Рождалась новая мысль: счастлив тот, кто нашел свою профессию — пусть не сразу, пусть в поисках — но потом уже полностью отдался своему делу.

Ведь как раз сознание единственности выбора порождает порой ощущение катастрофы из-за неудачи на конкурсах в избранные вузы, училища, техникумы. И тревогу эту чаще всего внушают взрослые. По наблюдениям новосибирских социологов, проводивших многолетнее обширное исследование, уровень удовлетворенности у тех, кто не прошел в свое время в вуз по конкурсу и избрал рабочие профессии, не ниже, а подчас выше, чем у прежних «удачников».

Да и наша система образования не имеет тупиков: ни одна цепочка преемственности учебных заведений не обрывается, не преграждает путь вперед, и огромная масса людей использует это преимущество. Главное — понять, что искать не страшно, а ошибки, даже если они и совершены, исправимы. Были бы воля и желание.

Что же в первую очередь приносит человеку удовлетворение в труде? Творчество, сразу же пишут ребята, романтика. И вот тут ставят точку.

Однако взрослые, глубоко преданные своим романтическим профессиям, предупреждают:

легкой работы не бывает. Озарениям открытий предшествует долгая черновая подготовка, признается ученый. Риску сопутствует еще и изнурительный труд. Испытатель водил автомобиль в Душанбе при 40-градусной жаре, под Читой — при 43-градусном морозе, в Батуми — при 100-процентной влажности.

Творчество, романтичность профессии — престижны, но их ореол по стереотипу сопровождает специальности уникальные или по крайней мере далеко не самые распространенные. А ведь токарей, ткачих, животноводов, учителей, инженеров требуется больше, чем дикторов телевидения, космонавтов, дипломатов или нейрохирургов.

Отец Татьяны свою рабочую жизнь начал в шестнадцать лет учеником токаря. После армии вернулся на свой завод. Его избрали секретарем цехового партбюро, депутатом районного Совета. Свои знания и опыт он передал не одному поколению молодых рабочих. Что же делает его счастливым? Уважение людей, сознание своей нужности.

Не навязывая ученикам готовые образцы жизненного успеха, школа предложила им самим поразмыслить над дорогами людей, удовлетворенных своим трудом и своим местом в обществе, предложила им выбор вариантов. И, сравнивая судьбы таких людей, ребята заметили закономерность: все они получают прежде всего высокое нравственное удовлетворение.

Нередко говорят, что юность — время свободное от стереотипов, человек смотрит на мир «свежими и новыми очами». Но это лишь отчасти верно. Он хочет смотреть по-своему, но с

первых же шагов не может не усваивать массу готовых представлений о вещах, и ему еще предстоит эти представления осмыслить, проверить собственным опытом, прежде чем выработать свои убеждения, свое отношение к миру. И когда мы говорим, что подростка надо «перевести из сферы потребления в сферу созидания», то это касается не только участия его в труде, но и выработки им собственного отношения к жизни.

Как свидетельствуют социологи, за время от начала шестидесятых до начала восьмидесятых годов произошел известный сдвиг в отношении молодежи к выбору профессии. Сдвиг в сторону «реализма». Происходит как бы своеобразное повзросление семнадцатилетних. Подростки более трезво оценивают потребности общества в тех или иных профессиях и материальные преимущества, которые они сулят. Есть в этом явлении и то, что радует: повышение престижа массовых рабочих профессий, а также медицины, педагогики. Но есть и тенденции, заставляющие призадуматься. Уменьшилась привлекательность сложного умственного труда в сферах, важных для научно-технического прогресса: в области математики, физики, инженерного творчества. Скачком вырос по сравнению с тем, что было двадцать лет назад, престиж профессий в сфере обслуживания и торговли. Хотя профессии эти нужные, такой крутой рост их привлекательности наводит на мысль и о потребительских побуждениях этого выбора. А поскольку собственный опыт семнадцатилетних ограничен, очевидно влияние, которое оказывает на них среда. Заманчиво то, чему больше оказывают внимания, что ценится окружающими,

предстает для них в выгодном свете. Нынешний «передовик потребления» не очень-то стесняется демонстрировать свое материальное преуспевание. А ведь «подпольный миллионер» Корейко, известный персонаж Ильфа и Петрова, старался не выделяться среди других сослужащих. Нельзя не видеть то, что эгоизм и корысть готовы воспользоваться любой уступкой общественного мнения.

Кем быть? Вопрос этот лишь кажется сугубо личным, но на самом деле интересы личности и общества в решении его тесно переплетаются.

Производство постоянно нуждается у нас в рабочих руках, и насущная потребность возникает у него в специалистах массовых профессий, да еще часто там, где тяжелее работа и суровее условия,— на Севере и на Востоке, на строительстве электростанций и заводов, на прокладке дорог в тайге. И комсомольская путевка становится для тысяч молодых людей символом их гражданского поступка. Сознавая общественную необходимость как личный долг, человек выбирает тот край земли, где в нем нуждаются, осваивает необходимую там профессию, хотя ему легче и проще было бы остаться дома. Нравственный выбор? Безусловно. И если вдуматься, нравственное начало есть во всех самых важных наших решениях, и прежде всего в тех, которые связаны с выбором своего дела в жизни. Но соотносим ли мы требования общества к той или иной профессии со своими способностями, склонностями и качествами характера?

В начале марта, когда зимняя сессия была уже позади, я сидела однажды на кафедре ма-

тематики кораблестроительного института. И вот туда пришли на переэкзаменовку несколько студентов. Дважды срезавшиеся на экзамене по высшей алгебре, эти первокурсники пытались штурмовать ее в последний раз. После двухчасовых мытарств преподаватель наконец поставил одному из них спасительную тройку. Я спросила парня, как он учился в школе, и оказалось, что математика ему всегда давалась с великим трудом. Зачем же выбрал специальность, где без нее ни шагу? «Как-нибудь выучусь», — последовал ответ. А преподаватель покачал головой. Какой, дескать, из него выйдет инженер? Отвлекаясь от причин, по которым вуз не избавляется от всех таких студентов, беру другую сторону: сам-то человек почему не хочет разглядеть себя? А ведь есть у него наверняка к чему-то способности, которые и надо бы было развивать. Откуда берутся педагоги, которые не любят детей, медсестры, не склонные к состраданию, художники без воображения и агрономы, не желающие ехать в деревню? Случайные люди в своем деле, они волей-неволей наносят ему ущерб.

Решения, в которых смыкаются интересы человека с интересами других людей, должны быть нравственно осмыслены. Чтобы применять свои способности с наибольшей пользой для общества, важно, чтобы человек чувствовал и свою ответственность перед ним. «Желай мочь должное», — написал в одном из своих философских сонетов Леонардо да Винчи. Эти слова и теперь звучат современно.

Мне кажется, что, стараясь помочь людям открыть свое призвание, мы склонны углуб-

ляться в технологию профессий или расписывать их значение, недооценивая нравственные уроки, которые можно извлечь из жизни людей, их избравших. Но тут-то и отражаются возможности профессии как призвания, как предназначения.

Как-то в ленинградском журнале «Нева» в одной из статей я обратила внимание на выдержку из сочинения десятиклассницы. Она писала:

«Сегодня к нам на урок литературы приехал рабочий, о котором можно сказать, что он личность: и умение по-настоящему работать, и те взлеты человеческого сознания, и то понимание человеческой нравственности, которые доступны только талантливому человеку. Зачем он пришел на урок? Чтобы поделиться впечатлениями? Или потому, что ему самому необходимо общение с людьми нового поколения? Он пришел для того, чтобы дать нам нравственный урок, урок жизни. Такого урока нет в программе. И на нем не ставят оценок. Их позже поставит нам жизнь...»

Зная немало таких людей, чувствую искренность рассказа этой девочки. В судьбе — осуществление человека. Ее воспринимаешь не только умом, но и сердцем. Друзья как-то прислали мне из Ленинграда новое справочное издание — «Рабочую энциклопедию», книгу в своем роде примечательную. В ней — своеобразный портрет ленинградского рабочего класса: краткие биографии нескольких сот тех, кто делал революцию, кто в блокаду, падая от голода, ковал оружие фронту, ударников и стахановцев прошедших пятилеток и тех, кто ныне составляет ядро рабочей гвардии.

Перелистывая книгу, я вспоминала встречи, оставившие глубокое впечатление, давние и недавние. Евгений Францевич Савич с Кировского завода. Одарен он был от природы необычайной смекалкой, истинным даром изобретателя. Подростком придя на завод, он через короткое время стал выполнять особо сложные работы. О нем ходили легенды. Но вот достоверный случай. Во время блокады потребовалось срочно выполнить операции высочайшей точности. Выбор пал на Савича. Проработал он не одну смену подряд и не мог уже стоять на ногах. Но, преодолевая усталость, попросил только, чтоб его поддерживали с обеих сторон, и продолжал работу, пока не закончил. Такая была сила воли и сознание ответственности.

Или взять другую судьбу — Афанасия Прокопьевича Михалева, дважды Героя Социалистического Труда, знаменитого бригадира слесарей-сборщиков Ижорского завода. Неожиданным было его решение не на пенсию пойти, когда приблизился срок, а взяться за хлопотную работу мастера-наставника в СПТУ. Ради чего?

Афанасий Прокопьевич ответил мне на этот вопрос, начав издали. Отец его, Прокопий Георгиевич, разметчик, был среди тех, кто изготавливал первый советский блюминг. Тогда это было огромным производственным достижением, о котором писали с гордостью и восторгом. И для сына не было проблемы, куда пойти учиться, где работать. Без сомнений последовал семейной традиции. Подростки его поколения еще застали на заводе тех, кто вел в октябре семнадцатого ижорские броневики к

Смольному, а учили их энтузиасты первых пятилеток, реконструировавшие завод. Но и на собственные их плечи неожиданно пала суровая ответственность. В сорок первом пришлось им заменять взрослых у станков и станов. И они оказались способными к самостоятельности. В эвакуацию Михалев ехать отказался и с училищем, и с матерью. В армию его в неполных шестнадцать лет не взяли. Работал на заводе. И когда линия фронта подошла вплотную к заводу, попросился в ударный батальон ижорцев. Был связистом, разведчиком. И первой из многих наград, которые Михалев в своей жизни заслужил, стала медаль «За отвагу», а уж следующей — «За трудовое отличие».

Учителя истории непременно показывают нынешним ребятам стенд «Колпинские орлята», и школьники запоминают фотографию Михалева той поры, когда он был еще их сверстником.

— Сегодняшние подростки, — говорил Михалев, — взрослеют медленнее, чем выросли мы. Им дана возможность не спеша получить образование. Но хочется, чтоб они были такими же целеустремленными в работе, как наше поколение. Что для этого нужно? Люди растут, принимая на себя ответственность.

Поэтому и захватила его идея создать в учебных группах училища бригады из ребят, связывающие их узами взаимных обязанностей. Разговаривали мы с ним вскоре после утверждения основных направлений школьной реформы и, естественно, коснулись того, как развивать у молодых те нравственные качества, которые необходимы для самоутверждения на работе, в коллективе.

Известный советский психолог академик А. Н. Леонтьев высказал в свое время справедливую мысль: «Личность не может развиваться в рамках потребления, ее развитие необходимо предполагает смещение потребностей на созидание, которое не знает границ». Как же, однако, происходит это самое смещение?

Я спросила у Михалева, что он говорил ребятам о своей работе?

— Рассказывал, почему я не променял бы ее ни на какую другую,— ответил он.— Родители часто стараются внушить детям отвращение к физическому труду как к второстепенному. И тут заложена большая неправда. Разве талант работать руками — а он у людей проявляется в разной степени — чем-то ниже таланта учить, петь, лечить? Тяжелая работа? Но разве есть легкая работа, если к ней относиться по-честному. И я говорю своим ребятам: не бойтесь никакой работы. Думаю, что со временем исчезнет и разделение труда на престижный и непрестижный. Но эту объективную общественную тенденцию мы по инерции просто еще не воспринимаем в той мере, в какой она уже обнаруживает себя. В цене не сама по себе профессия или должность, а умение мастерски работать.

И, размышляя о подростках, которых привела на предприятия школьная реформа, он высказывал озабоченность прежде всего тем, чтоб не поддавались производственники соблазну бросать их на подсобную случайную работу. Потому что нет горше унижения для новичка, чем ощущение, что он лишний там, куда пришел.

ЧУВСТВО СПРАВЕДЛИВОСТИ

Направить подростков в цех, в поле, на ферму, дать им работу — этого еще мало для трудового воспитания. Человеку нужны и забота, и справедливое отношение к нему. Отношения в труде, собственно, и воспитывают.

Лето восемьдесят четвертого выдалось на Украине засушливым. Пастбища выгорели. В самом жарком месяце того лета, августе, подростки Толя Мироненко, шестнадцати лет, и Сережа Вилков, тринадцати, пасли стадо молодняка. С ними и случилась беда. Голодные телки ринулись однажды на кукурузное поле, и ребята не смогли с ними справиться целых три часа. На другой день не один десяток животных пришлось забить — объелись кукурузы. Огромный убыток. Совхоз обратился с иском в суд. И только тогда выяснилось, что работали подростки без старшего, режим труда, который установлен для несовершеннолетних, не соблюдался. Пасли вдвоем столько скота, сколько лишь троим взрослым было бы под силу. А неподалеку располагался лагерь труда и отдыха старшекласников. Там царил идеальный порядок — в строгом соответствии с духом реформы, трудовым законодательством. Рабочий день — четыре или шесть часов в зависимости от возраста ребят, ни минуты простоев, заработок начислялся со скрупулезной точностью. Разумно чередовались разные работы. И дирекция совхоза, и районные власти, и школа не спускали с лагеря глаз. А на таких же подростков, только пришедших поработать в совхоз самотеком, никто не обращал внимания. В плоть и кровь многих хозяйственников еще не вошли

потребность и привычка окружать ребят на работе деловой доброжелательностью. Этот подход еще внедрять и внедрять.

Мне надолго запомнилась командировка в один южный город по письму Антонины Егоровны Белоусовой. Ее сын Виктор сразу после окончания школы пошел на крупный современный завод, и мать, всю жизнь работавшая на кустарной кроватной фабрике, была довольна. В школьной характеристике Виктору написали: «Проявил склонность к технике, увлекается радиodelом... Растет хорошим человеком. Начатое дело умеет довести до конца, энергичный, уравновешенный, рассудительный, прямолинейный, бесхитростный, общительный. Любит, когда ему доверяют. Трудолюбивый, работу выполняет с удовольствием, не зная усталости...»

Решение Виктора стать рабочим в глазах всех было таким же зрелым и естественным, как стремление в институт его младшего брата Жени — участника олимпиад, окончившего заочную школу при московском Физтехе. И каким же странным контрастом к школьной характеристике выглядела другая — та, которую дал Виктору Белоусову на заседании парткома завода начальник цеха: «Приходилось каждую неделю приглашать Белоусова и Кучера на беседу. У них были бесконечные перекуры, наплевательское отношение к работе... Девчата на той же операции, где был Белоусов, делают в 4—5 раз больше. А он ленился... Воспитан отвратительно».

Что же могло произойти за те шесть месяцев, что проработал Виктор на заводе?

Ученическую зарплату — рублей шестьдесят в месяц — он приносил домой копейка в ко-

пейку. На скромный заработок матери втроем жить было нелегко, хотя сыновья и старались в каникулы ей помогать. В ноябре Виктору присвоили разряд. Его первую получку дома отметили как торжество — тортом. Видя, что сын расстроен малостью суммы, мать утешила: будешь стараться — придет умение, а с ним и заработок. Шестого января был день его второй получки. Придя домой, мать застала его лежащим на диване лицом к стенке, «будто закаменел». «Что стряслось?» Он показал на стол: «Вот...» На скатерти лежали пятнадцать копеек. «Не может быть!» — вскинулась Антонина Егоровна. «Не я один, — угрюмо ответил он. — Кучер и Желковский после аванса еще в долгу остались». — «С мастером говорил?» — «Сколько заработали, столько и получили, — что он еще скажет?» — «К начальнику цеха идите», — настаивала мать. «Не буду я перед ним возникать...» — угрюмо возразил Виктор.

Антонина Егоровна рассердилась на сына. На другой день встретила на улице мать другого подростка — Марию Павловну Сивко, работавшую санитаркой, и они вместе поехали на завод. Виктор Сивко принес домой двадцать восемь копеек.

Начальник отдела кадров встретил женщин раздраженно: сначала-де надо получше детей воспитывать, а потом жаловаться. Белоусова даже расплакалась от обиды. Но все-таки пригласил он в отдел работника расчетного сектора и мастера. Только объяснить, в чем дело, те не смогли. Мастер сказал матери, что ему и в голову не приходило, что Белоусов нуждается в деньгах.

Спустя две недели Белоусова вместе с другими четырьмя рабочими перевели в механоштамповочный цех, куда идти ему вовсе не хотелось. Приходил с завода мрачный: то на один участок поставят, то на другой — не успевает хоть чуть-чуть освоиться. «Лучше подсобником пойду до армии», — заявил матери.

Антонина Егоровна вконец расстроилась, думала сыну помочь, а вышло как нельзя хуже. Кинулась в завком: велели написать письмо. Написала — нет ответа. Пошла в облпрофсовет. Только благодаря его вмешательству спустя месяц после бесплодного хождения матерей в отдел кадров заплатили наконец Белоусову положенный ему заработок. Выяснилось при проверке, что мастер РСУ «забыл» подросткам выписать деньги, заработанные ими на строительстве пионерлагеря. А что касается перевода Виктора в другой цех, ответили Антонине Егоровне, все сделано по закону. Специальность одна. Получалось: формально — да, правы, а по сути — черство, неразумно поступили.

Не дотянув двух месяцев до совершеннолетия, Виктор ушел с завода. И Антонине Егоровне заявил, что никогда туда больше не вернется, хотя его увлечение техникой, казалось бы, предопределяло путь к той профессии, которая заводу нужна. Шли дни, недели, но смириться Антонина Егоровна не могла. «Никак не забуду эту обиду. Вспомню, и не могу спокойно жить. Я работаю на своей фабрике двадцать три года и хочу, чтобы сын тоже не ходил с места на место, а пришел бы из армии в свой цех. Как мне ни трудно материально, но еще труднее морально. Сыну деньги вернули, а другим

ребятам? Молчат — и все довольны. Мне тяжело, что мой сын ушел с завода, не доработав до армии считанных недель. Прошу, пожалуйста, помогите вернуть ему веру в людей...» — так писала она в своем письме.

Две матери ходили в отдел кадров, постучались чуть ли не во все заводские двери. Побеспокоили решительно всех, кого только можно было, — от мастера до директора завода... И после всего этого шума оказалось, что грубые ошибки, видные с первого же взгляда, не исправлены. А что же комиссия? Увы, источник информации у нее был единственный — те, на кого жаловались. Удивительно ли, что перемены свелись только к тому, что на портрете «возмутителя спокойствия» Виктора Белоусова сгустились темные краски.

— Чего же он не попросил от души, чтоб я его на участке оставил? — удивлялся начальник цеха, когда мы говорили о Белоусове.

В том-то и дело, что человеческий откровенный разговор возможен, если у новичка есть уверенность, что его захотят выслушать и понять. А уж это зависит от старших по возрасту и по положению. В том и была беда, что не мог Белоусов обратиться ни к мастеру, ни к начальнику — ни с вопросом, ни с сомнением, ни с просьбой. В школе — да, мог прийти к директору. Парень бойкий. Здесь же не хотел «возникать». А вы думаете, Сивко не знал, что ему не заплатили деньги? Спросил табельщицу, а она ему в ответ: «Обходился — и еще обойдешься». И — самое страшное — дальше не пошел. Видел, что обсчитывают, но обратиться к начальству не решился. Хотя, казалось бы, неробкий. Честный, прямой, открытый, по мнению

всех. «Послушный», — сказал мастер. Горький опыт «дерзкого» Белоусова оказался поучительным и... опасным для формирующейся личности.

Вот он, тот нравственный ущерб, который мелочью не назовешь, — примирение с несправедливостью, затаенная обида, страх. Но ведь рабочий должен чувствовать себя хозяином на производстве. Нет, не из-за пятиалтынного стучала Антонина Егоровна во все двери, не зря хлопотала даже тогда, когда стало ясно, что ее сын на этот завод не вернется.

С Виктором мы много разговаривали тогда. Непосредственный, доброжелательный, он оказался к тому же из тех, кто размышляет о жизни. Показал он мне свою комнатку, заваленную справочниками, схемами, инструментом. Гитару, к которой приделал электроусилитель. Пластинки. Были тут и Микаэл Таривердиев, и Иоганн Себастьян Бах. Заходили к Виктору товарищи, и чувствовалось радушие этого неприхотливого дома и то, что мать среди ребят не просто хозяйка — друг, человек, который не растратил в трудной своей жизни ни бодрости, ни веры. В день моего отъезда Виктор получил долгожданную повестку из военкомата и был несказанно рад, что уходит на службу в армию.

С Антониной Егоровной мы после этой истории долго не теряли связи. Женя, младший брат Виктора, поступил в один из московских вузов и вместе с матерью заходил ко мне. Виктор, вернувшись из армии, все-таки стал квалифицированным рабочим, хотя и на другом заводе. Только специальность у него не та, к которой стремился вначале. Женя окончил институт.

Хороших сыновей воспитала Антонина Егоровна. Не зря боролась она так настойчиво за справедливость и хотела утвердить в них убежденность в том, что нельзя нигде и никогда ронять свое человеческое достоинство, смириться перед неправдой.

Антонина Егоровна, по своей психологии настоящий рабочий человек, заняла в этих обстоятельствах бескомпромиссную гражданскую позицию.

Именно на такой позиции твердо стоял Василий Александрович Сухомлинский. Он писал: «Нельзя добиваться согласия юношей и девушек с тем, против чего восстает их рассудок, требовать признания вины, которой они за собой не чувствуют, советовать осуждать то, в чем они не видят ничего порочного, подсказывать им действия, против которых они возражают внутренне. Через годы отрочества и юности воспитанник не только должен пронести свою совесть незапятнанной, но и осознать, что он может противостоять в борьбе за нравственную чистоту, за высокие коммунистические идеи».

И ВЫРОС НА ПУСТЫРЕ САД

Сказав, что у любви к труду корни уходят глубоко, не сделаю открытия. Растить ее, однако, тонкое педагогическое искусство, хотя и кажется, что в хорошей семье, в хорошей школе, в хорошем коллективе все происходит будто бы само собой, и потому мы чаще всего не удосуживаемся искать тут причинные связи. Но они есть, действуют и в определенных обстоятельствах наглядно обнаруживают себя ед-

ва ли не с первого беглого знакомства. По крайней мере, я увидела это в Халданской школе в центре Азербайджана. Однажды проездом попала я в нее на несколько часов и сразу решила, что непременно приеду сюда еще раз, чтоб познакомиться с ней всерьез. Случай такой выдался через пару лет, когда директор школы Загид оглы Гамаль Шоюбов стал уже народным учителем СССР. Это человек фантастической энергии и неистощимой душевной доброты. Школу он принял в совершенном упадке, когда среди учителей не было согласия, среди учеников — усердия, а в хозяйстве — устройства. И за два десятилетия он не только поднял ее на ноги, но и сделал знаменитой.

На пыльном пустыре вырос город роз в буквальном смысле слова. Но рассказ мой не столько об этом чудесном превращении, сколько о принципах, которые Шоюбов проводит в жизнь, приучая ребят к труду.

Всякому, кто работал с детьми, известно, как тяжело наладить дисциплину, если от нее отвыкли. Что делать? Устраивать глобальные проверки, наказывать учеников, вызывать родителей? Собственно, это первое, что приходит в голову.

Нет, сказал себе Шоюбов, все это меры сиюминутные, а если задуматься о завтрашнем дне, заглянуть вглубь? Как добиться того, чтобы, проснувшись, ребенок обрадовался при мысли, что пойдет в школу, а когда кончатся уроки, не захотел бы из нее уходить? Шоюбова осенила простая как будто бы мысль: а что, если попробовать расширить в глазах ребят само это понятие — школа? Разве школа — это только уроки? А наблюдения над природой?

А спорт? А разнообразные игры? Школа, думал Шоюбов, может дать ребятам то, чего они хотят и чего у них нет. Поразить их воображение, дать выход энергии. Халданским ребятам негде поиграть в футбол, выкупаться в жару, отдохнуть в прохладной тени. Все это может дать им школа, если захотеть. А где еще, как не в школе, смогут они увидеть, как рождается телепередача или создается новый сорт растений? Кто раскроет им двери в большой мир и наполнит их жизнь ожиданием завтрашней радости, кто даст ее? Школа. И еще раз школа! Именно она может взрастить у детей те новые потребности духа, о которых они еще сами не подозревают.

Загид Гамилович развернул перед учителями головокружительную программу строительства новой школьной жизни. Строительства как в прямом, так и в образном значении этого слова. Он предложил коллегам помечтать. И в мечтах предстала школа — детский город. Школа-сад. Школа — спортивный комплекс. Школа-клуб. Школа — самостоятельное и доходное хозяйство, в котором детям можно давать разнообразные рабочие и творческие навыки, учить их жить в дружном коллективе, пожиная плоды, выращенные своими руками. Картина рисовалась по халданским масштабам грандиозная. Картина прекрасная, но, теперь не страшно в том признаться, показавшаяся многим утопической. Сразу возник деловой вопрос: где взять деньги? Шоюбова он, однако, не смутил. Ответ был тоже деловой — заработать. Не на все, конечно. Забегая вперед, скажу, что новое здание школы построило, разумеется, государство. Но строительство это ускорилось

именно потому, что не прошли мимо глаз окружающих перемены, которые стали совершаться в Халдане. Верна ведь старая пословица: «Под лежащий камень вода не течет».

В документальном кино нередко за считанные секунды видим мы в сменяющихся кадрах, как преображался на протяжении лет облик улицы, площади, города. Вот и представьте себе, как в кино, одну за другой сменяющиеся картины, разделенные полутора десятком лет.

Школа на краю прокаленного южным солнцем, обдуваемого сухими ветрами старинного села. Разнотипные одноэтажные строения, унылый двор, упирающийся в остаток дамбы. Насыпной вал весь в щетине пересохшей травы. За валом — кочковатое болото, вокруг — пустыри. Так было раньше.

И вот что стало. Асфальтированная просторная площадка перед трехэтажной школой окаймлена чайными розами, стеной тополей и акаций — площадь Дружбы. На флагштоке взвиваются в дни праздников флаги всех союзных республик. В плотном кольце деревьев изумрудно сияет большое спортивное поле с лентой беговой дорожки по краю. За ним географическая площадка и площадки для игр. Тир. Плавательный бассейн. Огромный сад из абрикосов и гранатов. Зеленый питомник, где выращиваются саженцы деревьев. Оранжерея. Розарий. Впрочем, розы цветут и на клумбах, и на кустах во всем великолепии красок и оттенков. Цветут с весны до поздней осени. Земной рай. Есть где отдохнуть и поработать, подумать и поиграть.

Вдоль насыпного вала тянется тенистая аллея, одна из первых, которые тут проложили.

Аллея ведет к обелиску Славы, поставленному в честь учеников Халданской школы, ушедших на фронт во время войны. Сам Шоюбов был среди них. И когда-то этот вал, отгораживавший школьную территорию от болотистой речной низины, насыпали его сверстники. Не все из них вернулись с фронта, но их труд вложен был в эту землю, и потому именно здесь пролегла аллея Памяти.

В былые времена среди пустыря росло лишь одно большое дерево — раскидистый трехсотлетний платан. Теперь ему отвели почетную роль — под ветвями платана расположены длинные столы и скамьи. Под его сенью встречают гостей, проводят пионерские сборы, литературные вечера. Неподалеку от него устроили уютный и милый чайный уголок: столами и стульями служат шлифованные пеньки. А в нижней части территории — фонтаны. Когда жара, вода здесь благословенна!

«Завтрашняя радость» — введенное Макаренко педагогическое понятие. Это та цель, которая окрыляет и побуждает к действию. С идеями завтрашней радости в школе познакомили и родителей, и ребят.

Началось все с субботников, на них выходили и учителя во главе с директором, и ребята с их родными. Убирали и обрабатывали территорию, сажали кусты и деревья.

Завели на участке лесной питомник. Саженыцы стали одной из первых статей дохода школы и материальной опорой преобразовательной деятельности. Позже доход стали давать не только питомник, но и сад, и розарий, и теплица, и ферма. В хозяйственном обороте десятки тысяч рублей.

Когда я приезжала в эту школу в ноябре, на лимонных деревьях в коридоре первого этажа висели крупные золотые плоды. А вокруг школы пышно доцветали последние розы.

— И никто из вас не сорвет цветка? — спросила я у маленькой девочки.

— Зачем? — удивилась она моему странному вопросу.

Парты в школе не красили несколько лет, а на них ни царапины.

— Неужели так всегда было? — спросила я Шоюбова. Он покачал головой.

Когда впервые посадили подле школы розы, осталось их немного. Кто-то ночью выкопал кустики. Посадили снова — и снова многие кустики исчезли. Что сделал директор? Он сказал ребятам: пусть все, кто хочет посадить у себя цветы, придут завтра в школу, здесь с ними бесплатно поделится тем, что имеют. И раздал по дворам столько, сколько смог. Досталось каждому, кто пришел в школу, по три-четыре кустика. И люди видели, что больше школа отдать уже не может. Представьте себе, кражи прекратились. А спустя год школа вновь поделилась с селом черенками роз.

Во все, что имеет школа, вложен и вкладывается труд ребят. Разумеется, в разветвленном хозяйстве есть штатные работники, ответственные за разные участки. Но их немного. Работают ребята строго отмеренные часы, выполняют посильные задания.

Труд в радость — это основное условие. Ребятам предоставлена хотя и контролируемая, но самостоятельность. В школьных бригадах — самоуправление.

Труд сопряжен с учением и творчеством, опытничеством, наблюдениями над природой, изобретательством.

Труд соединен с красотой. Забота о саде, о цветах приносит и эстетическое наслаждение. Я увидела рядом с птицефермой вольеры для павлинов, для певчих птиц. По существу, зоологический уголок.

Плоды труда идут на общее благо. А что такое общее благо — в Халдане дети видят наглядно. В школе создан собственный телецентр. На собственные средства школа приобрела автобус, построила теплицу, которая всю зиму кормит ребят овощами. Склонности и способности свои ребята обнаруживают в делах, в работе. Где же еще лучше их проверить! Любители физики — хозяева в телецентре, те, кто интересуется сельским хозяйством, биологией, — на опытных делянках, в саду, в питомнике, кто увлечен языками — в интерклубе...

Наконец, школа постоянно дает людям высокий нравственный пример. Несколько лет назад близ нее начали прокладку дороги. И Шоюбов тотчас поднял на ноги общественность, чтобы успеть построить под дорогой подземный переход, пока строители ее не передвинулись на другой участок. Откликнулись и родители, и учителя, и старшекласники. Два лета трудились энтузиасты. Успели справиться своевременно. Дети ходят в школу через бетонированный 33-метровый тоннель. А ведь можно было это и не предусмотреть. Шоюбов предусмотрел. Поэтому ни разу не было дорожных травм.

С такой же безотлагательностью, напором и энергией действовала школа, когда случилась

беда — в одночасье сгорел дом учителя Юсуфа Юсуфова. Семья его выскочила из огня кто в чем был. Четверо детей остались без крова. Школа не пожалела средств, чтобы помочь Юсуфovu. Приобрела строительные материалы, домашнюю утварь, купила одежду. Школу поддерживали колхоз, сельсовет. Быстро построили учителю новый дом. Случилось все несколько лет назад, а люди передают эту историю из уст в уста и теперь. С великим почтением к школе. Добро помнится.

Судьба каждого из нас вписывается в историю семьи, села, города, своего народа. Но как открыть детям эту истину?

Среди погибших халданцев был человек первым на селе получивший высшее образование — директор школы Сулейман Мамедов. Шоюбов — его ученик. Они переписывались в годы войны. Учитель писал с Украинского фронта, ученик — с Белорусского. На Украине Мамедов и погиб. Шоюбов, отлежав полгода в госпитале, дошел до Берлина. Ученик долго искал могилу учителя. Нашел спустя четверть века после Победы. Помог случай. Но случай находит тех, кто его упорно ищет. И вот в село Песочное Хмельницкой области, где находится братская могила сорока девяти воинов, один из которых — Мамедов, снарядили делегацию из Халданской школы. В ней были учителя, ученики, сын погибшего. Встреча всем запомнилась: хлеб-соль, оркестр, митинг.

...У обелиска Славы в Халданской школе по торжественным дням проводятся пионерские линейки, стоит почетный караул.

Шоюбов опирается в своих воспитательных действиях на то лучшее, что есть в каждом

ребенке. Он убежден, что при здоровом нравственном росте души дурное гложет и отмирает само. Лишь бы поддержать юную душу в ее борениях, поощрить добрые начала. Даже в трудных случаях Шоюбов верен своему принципу и добивается успеха. Добивается потому, что благотворен сам климат Халданской школы с ее культом труда, красоты и уважения к человеку.

Вот почему с открытым сердцем принял Загид Гамилович идеи школьной реформы. Они совпали с тем, что он сам вынашивал в душе и осуществляет в жизни.

У него уже давно созрел план объединения в один комплекс детского сада, общеобразовательной, музыкальной, спортивной школ и профессионально-технического обучения. План этот Шоюбов постепенно выполняет. Детский сад построен и уже включен в комплекс. Больше стало профессий, к которым школа готовит. Выросло количество сельскохозяйственной техники в ее пользовании, появилась своя животноводческая ферма. Приобрел Шоюбов и музыкальные инструменты, реконструирует помещение для музыкальной школы. Загид Гамилович был делегатом XXVII съезда партии и чувствовал себя счастливым. По тому пути развития школы, который указан в Программе партии, Халданская школа уже идет.

Среди бывших ее учеников — механизаторы и учителя, полеводы и инженеры, животноводы и врачи. И кем бы ни стали выпускники, их благодарность школе велика уже за то, что она научила их главному — работать. А если приобрел человек крепкие рабочие навыки, то они помогают ему в любом деле.

В Калужской области вместе с секретарем райкома партии Валентиной Андреевной поехала я на комсомольско-молодежную ферму колхоза «Родина». Уже не первый год, сменяя друг друга, работали здесь выпускницы одной из средних школ Мосальска — городские девушки. Район в хозяйственном отношении тяжелый, остро не хватает рабочих рук, особенно в животноводстве. Валентина Андреевна рассказывала мне, что от выпускников не скрывают трудностей, с которыми им предстоит встретиться, разговор идет начистоту. Выпускников-горожан призывают помочь району — год поработать в колхозе. И уже сложилась традиция: выпускники откликаются на этот призыв — идут кто в доярки, кто в механизаторы, откладывая на год свои собственные планы. Родители этих ребят живут в самом Мосальске. Дети уезжают из дома. Среди них дети учителей, врачей, работников разных районных учреждений — словом, людей, которым нужды района лично близки. Но решение работать в колхозе ребята принимают сами. Для них это проблема гражданского и нравственного выбора.

Погода была солнечная, ветреная. Но к ферме мы с Валентиной Андреевной добирались не напрямиком, а в обход бугров засохшей грязи.

— Здесь бы кругом заасфальтировать, дорогу проложить, цветники разбить, как это делается в лучших хозяйствах, — вздохнула Валентина Андреевна. — И работу бы вести по смедам, как на заводе. Только силенок у нас пока маловато. Отстаем и в культуре труда, и в его организации.

Действительно, механизация на ферме оказалась примитивной, такой ее уровень уже не удовлетворяет современных операторов машинного доения.

С девушками, закапчивавшими свой год на ферме, встретились мы в общежитии, которое оборудовал для них колхоз.

Оторвавшись от учебников и домашних дел, уселись они рядком на большой мягкий диван. Приветливые, симпатичные девчата с модной стрижкой, кто в джинсах, кто в легком халатике. Ни тени смущения или робости не обнаруживая, разговор вели искренне, без «охов» и «ахов».

Чем стал для них в жизни прошедший год? Жертвенным или поучительным? Была ли от них польза колхозу? Довольны ли собой сами? Не жалеют ли о своем выборе? Что намерены делать дальше?

Год был для них нелегким. Это они не скрывают. И хотя пришли на ферму подготовленными в учебно-производственном комбинате, владея рабочими навыками, режим труда оказался утомительным. Сказать, что освоились с ним, нельзя. Разве, пожалуй, приспособились. Самой необходимой вещью в доме стал будильник. Без него пропали бы, особенно зимой. Была бы двухсменка — совсем другая жизнь.

Считают, что за год повзрослели вдвое. Теперь не боятся никакой работы. На вещи смотрят более трезво и разумно. Моральное удовлетворение, безусловно, чувствуют. В грязь лицом не ударили — работали добросовестно, хотя, чтоб район их набрал силу. А пока собираются учиться.

Свету Гарманову я заметила среди них сразу, в первые же минуты знакомства. Хрупкая на вид девушка с тонкими чертами лица и спокойным внимательным взглядом. Она и на вопросы отвечала неспешно и коротко, точно и обдуманно выражая свою мысль.

Школу окончила Света с золотой медалью. Мечтала ехать в Москву поступать в химико-технологический институт — Менделеевку. Ее золотая медаль была единственной во всем школьном выпуске. И если бы она сразу поехала в Москву, ребята бы это поняли. Никто не мог бы ее осудить: лучшая ученица, из года в год круглая отличница. Ей ли откладывать поступление в вуз?

Но Света ни на какой компромисс не пошла, исключений для себя не допустила. Всем классом в колхоз — и она в колхоз. На ферме работала весь год так, что стала одним из лучших молодых животноводов района, обогнала даже и многих опытных доярок. А группу коров взяла себе побольше, чем у других девчат.

— Умница! Труженица! — отозвалась о Свете заведующая фермой Юлия Николаевна Рогова.

Работой девочек она была довольна. Режим соблюдали строго, к каждой корове старались найти свой подход. Когда были перебои с водой, сами ее таскали. Регулярно ходили за хвоей, подкармливая коров витаминами.

Света за год изменила свои дальнейшие намерения. Решила выбрать профессию полезную тут, в этом районе. Что повлияло на ее решение? Душевная боль, которую она испытывает при мысли, что близкие ее сердцу родные места обезлюдели. В колхозе она это не просто

поняла, а почувствовала как нечто свое, личное. И потому желание стать химиком-ученым сменилось желанием быть химиком-учителем. Именно учителем, воспитателем, чтобы передавать детям любовь к этому краю. Деятельную любовь. Сама Света вкусила радость от такой любви. Ее новое намерение благословил и райком партии. В хозяйстве решили ей дать направление в институт и материально поддерживать, пока учится.

Конечно, не от легкой жизни складывалась в Мосальском районе эта традиция: выпускникам городских школ идти на год в колхозы. Есть тут и «за» и «против». Но сам по себе шаг, на который эти ребята добровольно идут, гражданские мотивы первого в их жизни взрослого поступка, безусловно, внушают глубокое уважение.

Относятся, однако, к этой практике по-разному. В Калужском облоно говорили мне о мосальском опыте как о примере умелого трудового и нравственного воспитания ребят. Но услышала я и другое суждение от людей авторитетных: «Так сегодня не решить проблему...» Это мнение высказывали и хозяйственники и родители. К выбору сельской профессии, как и к любому выбору, ребят надо готовить постепенно. Нужны перемены в селе, в сельском труде и быте, рассуждали они. Конечно, для этого требуется целая система продуманных действий. Воспитывает сама практика преобразований. Когда люди в них участвуют, видят перспективу завтрашнего дня деревни, то у них появляется и желание прочно связать с ней свою профессию, свое будущее. Подтверждали эти мысли и впечатления, которые вынесла я из

поездки в Нерехтский район Костромской области.

Тот же мотив, которым руководствовалась Света Гарманова, решив вернуться в родные места, я встречала и у нерехтских ребят, оставшихся работать в своем селе. Однако условия, в которых делали они свой выбор, объективно отличались от мосальских, что весьма важно. И потому об этом хочу сказать подробнее.

...Когда поезд тронулся, я все оглядывалась, запоминая Бабаево, — россыпь новеньких голубых и коричневых щитовых домов на еще голлом возвышенном склоне. Березки, недавно принявшиеся, издали не были видны. Проезжающий, наверное, не замечает этого места: из окна вагона для постороннего глаза тут пока мало привлекательного. Не то что по другую сторону полотна, где на пригорке за старинным селом раскинулся живописный парк. Красиво, но строится там больше негде. И центр колхоза переместился в Бабаево, где и возвышается теперь двухэтажное здание клуба-конторы среди чистого поля. Старое и новое. Пейзаж запомнился, потому что перекликался с мыслями о будущем здешних мест.

Бабаево строится с большим размахом, превращаясь в полном смысле слова в село молодежное.

— Молодым людям надо помочь в выборе судьбы не декларациями, а делом, — веско сказал председатель колхоза «Мир» Иван Васильевич Бобылев. — Важно только, чтоб молодежь понимала: ликвидировать трудности будем мы сами.

Он уверен, что работу в деревне можно организовать так, как в городе: чтобы выходные —

регулярно, чтоб в поле не с рассвета дотемна, а посменно, чтоб механизаторам — полное техобслуживание.

В колхозе у каждого восьмого — специальное образование, минимум среднее. Людей увлекает перспектива роста, считает председатель.

Я познакомилась с молодыми семьями. Когда Валерий Андреев ушел в армию, его одноклассница Люба Гношина поступила в сельхозтехникум. По распределению работала в другой области. Переписывались, а вернулся Валерий — поженились. Решили обосноваться в родном селе. И года не прожили у свекрови, как получили от колхоза дом. Двухкомнатная квартира сияет свежескрашенными полами, голубыми обоями, полированной мебелью. Обжитой уют, хотя семейная жизнь, по существу, только начинается. Люба работает учетчицей на ферме, Валерий — шофером. У Юрия Лазарева (он на год старше Андреева) тоже по-городскому обставлена современная квартира. Я спросила: помогают ли молодым родители? Юрий удивился: зачем? Он, оказалось, получает в среднем больше двухсот рублей в месяц, а жена — больше полтораста. Галина — бригадир полеводческой бригады, агроном. Но техникума ей показалось мало. Учится заочно в сельскохозяйственном институте.

Колхоз выстроил новый клуб, открыл спортивные секции.

— Скоро у нас в Бабаеве будет и парк, и стадион, и торговый центр. Приезжайте! — приглашали молодые колхозники.

Что побуждало родителей прежде поддерживать стремление детей ехать в город? Забота о том, чтобы молодые крепко встали на ноги:

получили хорошую профессию, обеспечили себе приличный заработок, воспользовались благами городского быта и культуры. А теперь и родное село открыло молодежи обнадеживающий вид на будущее. И родители начали перестраиваться. Кому же хочется расставаться и жить с детьми врозь? Бобылев в своей агитации сумел задеть самые чувствительные струны души у старшего поколения. Правда, как и в городе, молодые предпочитают жить отдельно от родителей, своим домом, но семейные устои сохраняются прочно. За всем этим не просто выбор сельской профессии, но и укоренение нравственных связей с отчей землей.

— Приверженность к сельским профессиям воспитывает у ребят прежде всего школа, — сказал мне Бобылев.

Действительно, в колхоз ежегодно вливается половина выпускников Неверовской средней школы.

В колхозе «Мир» четыре полеводческие бригады. Ученическую не в шутку, а всерьез называют пятой. В ее ведении полторы сотни гектаров пашни. Это уже не игра, а серьезная ответственная работа, к которой ученики относятся по-взрослому. Бригада действует круглый год. По заданиям сельскохозяйственного института ученики занимаются опытничеством.

Директор Неверовской школы Александр Дмитриевич Крылов, выпускник МВТУ, работал инженером на заводе, но вернулся домой из большого города. Ревностный поборник производственного обучения, он всерьез взялся за его организацию. В школе — первоклассные кабинеты. Отличная библиотека. «Школа должна прививать ребятам высокую современную

культуру труда — умственного и физического», — убежден Александр Дмитриевич.

Крылов, хоть и сам из учительской семьи, поначалу учителем быть не собирался, был хорошим инженером на хорошем предприятии. Что же потянуло его в родное село? Дать на такие вопросы однозначный ответ — значит неизбежно что-то упростить. Но запомнилось, как молча подвел меня Крылов к обелиску, на котором около четырех сотен фамилий мужчин, что ушли из этого старинного русского села защищать родную землю и полегли за нее. Сказать, что село вполне оправилось от той великой потери, и сегодня еще нельзя. Очень нужны здесь молодые усердные работники, и что особенно важно, корнями связанные с этой землей, невременные на ней. Вернулся Крылов с мечтой не просто работать, вернулся преобразователем. И в том, что в Неверовской школе новейшее оборудование, — его заслуга. А точнее сказать — дело его собственных рук.

Каждый поступок учителя, каждый шаг, каждое слово, даже помимо его воли, воздействует на учеников в нравственном смысле созидательно или разрушительно. Недаром говорят, что учитель не только профессия, но и образ жизни.

Александр Дмитриевич полагает, что к выбору профессии человека готовит вся его предшествующая жизнь: и труд, и нравственный опыт, который ребята приобретают, и их гражданское сознание. Чем более осмысленным, взвешенным, продуманным, подготовленным оказывается выбор, тем он прочнее и надежнее.

На том сельском примере, о котором я рассказываю, это, мне кажется, весьма явно. От-

нюдь не сладкую жизнь выбирают ребята, но они видят заботу о себе, видят, как меняются к лучшему условия труда и быта в их колхозе, и с детства начинают замечать, что зависит это от усилий каждого человека. Оставаясь в селе, они не на жертву идут, а на дело пусть и нелегкое, но перспективное.

И была понятна озабоченность и Бобылева и Крылова, когда девушки — выпускницы Неверовской школы, решившие было целой группой пойти на ферму, заколебались. Собирались кто в сельские учителя, кто в медицину, потом вдруг все решили — на ферму. А когда поговорили обстоятельно с председателем, задумались. Бобылев, собственно, и хотел, чтобы не торопились они принять коллективное обязывающее решение. Нет ничего хуже для молодого человека — взяться за гуж, а потом отступить. Речь ведь идет о работе всерьез и надолго. Председателя беспокоило и то, что общежитие еще не готово и двухсменка на ферме только вводится. Как бы сразу не разочаровать выпускниц. И когда, все обдумав, две девушки дали твердое согласие, он искренне обрадовался. Остальных уговаривать не стал: «Пусть жизнь агитирует!» И откровенно говоря, осторожность его мне показалась небеспочвенной, даже при благополучном положении колхоза и с надоями, и с заработком, и с жильем.

Молодежь вносит в свой труд знания, культуру, почерк современности. И хотя в новом деревенском пейзаже еще не все краски радуют глаз, но высокое гуманное начало в нем, несомненно, есть. Ведь выбор своего места в жизни прямо связан у молодых с ответом на вопрос, как они хотят жить.

В той же 201-й московской школе, где размышляли ребята над рассказами близких об их профессиях, однажды осенью намечался диспут о роли общественного мнения в их жизни. Готовясь к нему, старшеклассники отвечали на вопросы анкеты, писали сочинения и выпустили стенную газету. Я приехала в школу накануне диспута. Подготовка к событию бывает нередко интереснее, чем оно само.

Зинаиду Николаевну Кулакову, непривычно хмурую, застала в литературном кабинете за проверкой ученических работ.

Заполненные анкеты лежали на подоконнике у ее стола, как всегда заваленного сочинениями и книгами, которые она принесла к урокам.

— Мнения сильно разошлись, — кивнула Зинаида Николаевна на стопки с анкетами. — Ну да сами увидите! А пока идет урок и нет толпы в коридоре, посмотрите-ка стенную газету моего девятого «А». Ребята решились вывесить ее на обозрение всей школе. С их стороны это поступок!

Газета была составлена из нескольких листов ватмана с заметками и карикатурами. В подзаголовке ее значилось: «Девятому «А» посвящается, или Выносим сор из избы».

Девятый «А» класс — с литературным уклоном, сборный. Ребята, увлеченные литературой, поступили в него из разных школ и вместе прочились еще совсем мало.

«...Но за этот короткий срок, — писала газета, — произошло сразу несколько неприятных событий. Две девочки из нашего класса С. и К. решили, по их словам, примерить новую им-

портную куртку одной восьмиклассницы, когда в раздевалке никого не было. Но, увидев нянечку, испугались и, положив куртку в сумку, унесли ее домой. Придя в школу на следующий день, девочки попытались повесить куртку на место, но нянечка им помешала. На первый же урок к нам пришел директор. Это было во вторник. В тот день у нас классный час, и мы решили разобрать этот проступок. К общему мнению класс не пришел. Вопрос о наказании решил сам директор. Девочкам объявлен строгий выговор с занесением в личное дело».

Событие второе. «Новый ученик нашего класса познакомился с восьмиклассницей и дал поносить ей свои часы. Но его родители потребовали вернуть их домой. Он спросил о них у девочки, и тогда ее приятели его избили. Об этом класс узнал, но никого не заинтересовало это происшествие».

Событие третье. «Выпускники подарили нам красивое махровое полотенце, чтоб дежурные могли вытирать им руки. Неожиданно полотенце пропало и до сих пор не найдено».

Событие четвертое. «Дежурная из нашего класса И. ударила по лицу ученицу пятого класса...»

«У некоторых, наверное, возникнет вопрос: для чего эта газета? Ведь не только у девятого «А» есть трудности, у других, наверное, тоже не все идет гладко. Но мы хотим на собственном опыте научить других ребят жить и работать так, чтоб не «погрязнуть» в болоте, не опуститься до «последней черты».

— Что это за история с курткой,— спросила я Зинанду Николаевну,— шалость или неудавшаяся попытка кражи?

— Не хочу ни гадать, ни допытываться, — решительно парировала она мой вопрос. — Согласитесь, даже если это и шалость, то далеко ли от нее до беды? Самое важное для меня — это реакция ребят, их оценка безответственности поступка. Они боятся острых углов, откровенного и твердого выражения своей позиции. Не в сочинениях, конечно, — на словах решительно хоть отбавляй, — а в жизни.

Ее огорчило, что, заполняя анкеты, принципиальность ребята поставили далеко не на первое место среди тех качеств, которые определяют авторитет учеников в классе.

— Расклад очень пестрый, есть над чем думать, — заметила она.

Забившись в уголок кабинета, я углубилась в сочинения. Все темы так или иначе касались проблемы нравственных ценностей человека: «Что такое совесть?», «Жить как надо» и «жить как хочется» — что означают эти понятия?», «Какая разница между самолюбием и себялюбием?», «Чем опасно современное мещанство?», «Может ли эгоист быть порядочным человеком?», «Посредственностью рождаются или становятся?»

Сочинения эти ребята писали на уроке. Заглядывать в книги не могли. Писали кратко, по существу.

Естественно, что с особым вниманием я прочла те из них, которые подали участники скандальных происшествий.

Одна из виновниц злополучной истории с курткой писала: «Совесть позволяет человеку самому оценивать свои поступки. Но даже если у человека нет совести, муки совести все же будут». Другая приравнивала эгоизм к непоря-

дочности. В сочинении ученицы, ударившей пятиклассницу, я отметила для себя рассуждение: «Эгоистом можно назвать человека, которого не волнуют чужие горести. Эгоисту ничего не стоит растоптать другого человека»...

Высокий, крепкий мальчик, который, говорят, видел, как обижали его незадачливого сверстника, высказался так: «Эгоист сам себя характеризует: «Моя хата с краю — ничего не знаю». Эгоист замкнут в своей нравственной «скорлупе». Ее, конечно, можно разрушить, но нужны усилия и самого эгоиста и окружающих».

Я показала эти выдержки из сочинений Зинаиде Николаевне. Она улыбнулась:

— Не могу пока поручиться, пытались ли они примерить слова, которые пишут, к собственным поступкам.

Я задумалась: что же меня смутило? Неужели ребята рассуждают на бумаге о высоких материях в одной плоскости, а о своем поведении — в другой? Любопытно, что те, кто не лучшим образом проявил себя, в осуждении дурных человеческих поступков у других оказались весьма строги и категоричны. Но, может быть, я придираюсь? Логика-то в их рассуждениях все-таки собственная.

Один пишет: «Я склонен думать, что эгоист не может быть порядочным человеком. Ведь порядочный человек должен уважать людей». А другой рассуждает совсем наоборот: «Так как каждый из нас в некотором роде эгоист, то и хорошим человеком эгоист может быть». Третья называет эгоистами и тургеневского Базарова, и ученого, который, «не желая ни с кем считаться, борется за судьбу своего открытия на благо людям»...

Сколько же у них еще путаницы, в которой надо разобраться!

Рассуждая о явлениях жизни, о нравственности в свои шестнадцать лет, ребята легко воспаряют к облакам. Но как только приходится привести житейские примеры, упираются в мелкие факты: «Девочки заболтались и не уступили место пожилому мужчине в метро», «Дежурные забыли выключить свет в классе». И вот уже громкий вывод: «Порядочный человек так бы не поступил...»

Да, совсем это непростой переход от литературных обобщений к фактам окружающей действительности. Бедность житейского опыта наших детей тут сразу становится очевидной.

Задумываясь об этом, еще и еще раз остро ощущаешь глубокий смысл, заложенный в требованиях школьной реформы, касающихся и трудового обучения, и воспитания. «Надо, чтобы в школе не только говорили на темы коммунистической морали, а учили ребят строить в соответствии с ней свое поведение».

С первых дней работы в своем новом девятом классе Кулакова начала атаку на золотые украшения у учениц. Человек пять появилось в школе с золотыми сережками.

Мелочи? Пустяки? Стоит ли придавать им значение? Не ханжество ли возражать против них? По мнению Кулаковой, не мелочи. Вот только какие аргументы «против» могут стать убедительными? Проще всего — запретить. Но это не в ее стиле.

На одном из уроков Кулакова спросила ребят, когда и почему начали люди носить металлические украшения. Класс этого не знал. Ответила: при переходе из каменного века в железный.

Металл был дорог, и потому носить его стало престижно. О знатности погребенных можно судить по количеству металла в захоронениях. Зачем надевают в школу золотые серьги и кольца? По той же причине. Престижно носить то, что не все имеют и могут иметь.

— Так или не так? — спросила у ребят.

Класс промолчал. Сознаться в столь низменных побуждениях никто, естественно, не захотел. Тогда она продолжала со свойственной ей обезоруживающей откровенностью. Сочетается ли золото со школьной формой? Нет, поскольку форма по сути своей демократична и ставит учеников в равное положение. Зачем тогда золото? Какие личные преимущества одних перед другими оно отражает? Куплено родителями. Выходит, что вы стремитесь продемонстрировать, как хорошо зарабатывают ваши родители? Или вам хочется вызвать зависть у тех, у кого нет украшений?

Но тут она смиловилась, допустив, что никто из ребят обо всем этом просто никогда не задумывался. Золотое поветрие сникло в считанные дни. Серьги стали вызывать насмешливые взгляды класса. И в сочинениях, и в анкетах о том, что определяет авторитет ученика в классе, я заметила полное отсутствие интереса к «вещной» проблеме. По крайней мере, боязнь его обнаруживать. Зинаида Николаевна подтвердила: «Пока что удалось «выбить» из них «тряпичное начало». Не вызывало у ребят интереса и положение родителей. Замечу, что в 201-й школе утвердилось правило не пользоваться возможностями родителей, кем бы они ни были. Золотое правило. Ребята чувствуют свое равенство, когда и родители равны перед школой,

когда только личные заслуги ученика повышают его авторитет в глазах окружающих.

Но разграничивать в сознании подростков представление о потребностях разумных и неразумных отнюдь не так просто. Сделаем тут некоторое отступление. То, что двадцать лет назад казалось нам роскошью, теперь стало привычным. И то, что сегодня для нас заманчиво и малодоступно, завтра может войти в обиход, как вошли цветные телевизоры или автомобили. Если вещь облегчает жизнь человека, экономит его время, расширяет возможности для духовного развития, если она удобна, то, какой бы дорогой ни была, разве не оправдана потребность в ней? Но легко представить себе оппонента, который с иронической мпной спросит: «Хорошо, а личный самолет разве не сэкономил бы время? Удобство! А собственная дача на Крымском побережье? Впрочем, еще больший комфорт одна дача на юге, другая поближе к столице... И почему бы нет? Написала же некая наивная школьница из четвертого класса, что хотела бы иметь собственный лес и собственную речку. Лет двадцать назад ребенку бы это и в голову не пришло...»

Может ли вообще ставиться предел материальным потребностям? Есть ли для них нравственный ограничитель? О том, какие материальные потребности человека разумны, пельзя судить, отвлекаясь от уровня экономического и культурного развития общества, от реальных условий его жизни. Потребности растут по мере их удовлетворения. Но о потребностях людей мы судим и с позиции морали. А коммунистическая мораль «несовместима с эгоизмом, себялюбием и своекорыстием, гармонично сочетает общена-

родные, коллективные и личные интересы». Наша мораль утверждает «простоту и скромность в личной и общественной жизни» как нормы поведения. И если нам сегодня, пожалуй, трудно представить, у каждого ли в XXI веке будет набор личных роботов-помощников, то невозможность построить миллионы личных дач на Балтийском побережье или в Крыму очевидна и сейчас. В нашем обществе, без сомнения, будут все более развиваться коллективные формы пользования наиболее ценными благами.

Ну, например, нужно ли затрачивать столько общественного труда, чтобы у каждого в доме были полные собрания сочинений всех классиков, тысячи книг? Не более ли мудро иметь доступную и богатую сеть библиотек? И в том, что возникло движение передавать часть книг из личных собраний в библиотеки, — добрый знак на будущее. Люди дарят обществу и коллекции картин, представляющих музейную ценность.

Чем активнее деятельность человека в интересах общества, тем разумнее и богаче его потребности. А потребности неразумные, потребности в сверхнеобходимом часто продиктованы тщеславием, алчностью, мещанским снобизмом. И стремление удовлетворить их на самом деле обедняет личность, а порой толкает человека на действия против совести.

Потребление превращается в потребительство, когда обладание теми или иными благами оказывается самоцелью, знаком преуспевания. Лев Толстой называл при этом самым страшным соблазном расхожее самооправдание лукавым доводом: все так делают. Тут двойная неправда.

И потому, что не все, и потому, что сам человек позволяет себе смотреть вслед лишь тем, кого объединяет под таким «все».

Однако с подростками нелегко вести об этом разговоры, так как потребительские позиции, обнаженные в семье, на людях обычно благопристойно скрываются за правильными словами.

— Взрослым людям часто кажется, — размышляла Зинаида Николаевна, — что школьная жизнь ребят теплична и в своей основе другой быть не может. Но тепличной делаем ее мы сами, когда предъявляем к ученикам требования не по взрослому счету.

И потому сама Кулакова не обходит острых углов.

На диспуте ребят задел вопрос: кого считать посредственностью? Талантлив ли человек от природы, зависит ли только от него самого, пойдет этот талант в рост или нет?

«В каждом из нас заложены природой способность мыслить, талант или склонность. И долг каждого — развить их. Только не серость! — решительно заявила в сочинении Маша. — Посредственности! Проснитесь от сна безразличия, вы ведь недаром называетесь людьми!» Эти ее слова процитировали вслух.

Ребята сходились на том, что «посредственность — это прежде всего нравственная глухота, серость не только умственная, но и душевная».

И хуже всего, рассуждали они, если бездуховность посредственного человека сочетается с его болезненным самолюбием. Тогда посредственность старается принизить значение личностей. У каждого человека есть хорошие задатки, и самое страшное преступление зарывать в землю свой талант. Работать над собой, жить

не только узкими личными заботами, а интересами общества — вот цель человека.

Но почему тогда так по-разному ответили ребята на вопрос, реагирует ли их коллектив на дурные поступки, ведь в жизни класса были конфликты, которые они открыто обсуждали?

— Мне иногда кажется,— заметила Кулакова на диспуте,— что между вашими рассуждениями о нравственных проблемах и вашими оценками реальных поступков тех, кто рядом с вами,— глухая стена. Ошибаюсь я или нет? А может быть, вы просто считаете, что ваша жизнь слишком несерьезна, чтобы прикладывать к ней мерки высоких нравственных понятий?

Один из лучших учеников, авторитетный в классе Володя Карпов, попытался объяснить эту ситуацию: «Мы еще плохо знаем друг друга. Нужны общественные дела, которые бы нас сплотили».

— Не так все просто,— возразила Зинаида Николаевна.— Разве нужно хорошо знать друг друга, чтоб себя самого осудить за дурной поступок? Вы думаете, что я хоть секунду считала, что кто-то из вас украл полотенце? Ни секунды. Кто-то вытер им пол, стол, сапоги, потом... выбросил. А мужества сознаться в этом нет, хотя страдает весь класс. Ведь сам факт пропажи для всех постыдный. Вы писали сочинения о совести. Но никто из вас не сказал, что совесть действенна, когда у человека есть мужество. И общественное мнение есть там, где совесть опирается на мужество. Вы критиковали Базарова, но у него можно поучиться мужеству действовать по совести. Вы же пока стараетесь уклониться в сторону, когда надо выразить свою позицию.

— Почему? Мы хорошо работали в трудовом лагере! — раздался голос с места.

— А кто из вас возмутился, когда ваш товарищ ударил пятиклассницу? Пустяк это или нет? — ответила Кулакова.

— В нашем классе еще своей позиции нет, не сложился коллектив, — в конце концов согласились девятиклассники.

Из года в год старается Зинаида Николаевна вызвать у своих учеников духовную потребность в самовоспитании.

Как-то она подарила мне сборник телесценариев со своей большой вступительной статьей «Нравственный закон внутри нас», в которой писала: «...все зависит от нас, от меры нашей серьезности и такта в делах воспитания, от нашей готовности и умения дружить с растущим человеком, считаться с особенностями его личности и его возраста, быть до конца искренним в общении с ним, не скаречничать в отношении времени и душевных затрат — того и другого подросток требует много!» Сама она этих затрат не жалеет.

Не раз задумывалась, почему у одних учителей литературу «проходят», а у нее в литературу «вживаются». Очевидно, потому, что Зинаида Николаевна помогает ребятам находить в книгах те вопросы и те ответы, которые им самим жизненно необходимы.

Иногда слышишь, что шестнадцатилетним недоступно постижение великой толстовской эпопеи, но, бывая не один год на уроках Кулаковой, убеждалась в том, какой интеллектуальный скачок делают ее ученики, вникая в жизнь героев «Войны и мира».

В юности человек склонен судить о вещах с наивным максимализмом, не замечая противоречий, объема за плоскостью. Погружение в толстовскую диалектику души оказывается открытием сложности духовной жизни человека.

На этих уроках часто вспыхивают споры. Могли Николай Ростов стать мыслящей личностью и что ему помешало? С чего начинается нравственная деградация Бориса Друбецкого? Обаятельный Долохов — дурной человек или нет? Любовь к Наташе — счастье или несчастье для князя Андрея? Ребята начинают понимать, как противоречиво и трудно могут развиваться характеры, чувства. Задумываются над вечно острой проблемой преодоления индивидуализма. Совсем не обязательно, что на каждый вопрос будет найден исчерпывающий ответ. Но там, где такой ответ прежде казался бы простым: да — нет, черное — белое, теперь видится жизнь в богатстве ее красок и оттенков.

«Жизнь поставит моих учеников лицом к лицу с трудными вопросами, — говорит Зинаида Николаевна, — так пусть не боятся они сопоставлять себя с героями великих книг. Пусть не боятся масштабов сравнения. Чем бесстрашнее юность, тем увереннее человек почувствует себя в зрелости».

За годы нашего с ней знакомства уже не одно поколение учеников прошло через ее литературный кабинет. И когда они возвращаются сюда, чтоб, повзрослев, с ней встретиться, их радует, что здесь не изменяют памяти тех, кто учил и учился. Рядом с портретами Льва Толстого и Маяковского фотография основательницы этого кабинета московской словесницы Марии Дмит-

риевны Сосницкой. В шкафах бесчисленные пособия по литературе и искусству, сделанные руками учеников, дневники их поездок по пушкинским, тургеневским, тютчевским местам, костюмы к спектаклям, которые они ставили и которые передаются, как в семье, младшим по наследству. Но самое важное, что здесь находишь неизменно, — атмосфера радостного общения людей, жаждущих осмыслить жизнь в ее сегодняшних проблемах и противоречиях. И вот самое последнее впечатление весны восемьдесят шестого. Старшеклассники обсуждают премьеру Центрального детского театра — спектакль, в котором, по их собственному мнению, «отрицательные герои более отрицательны, чем в жизни», «конфликт доведен до крайности», а «краски сгущены». Но это ребят не смущает, потому что в нем находят они урок правды, а зло, в обычной жизни закамуфлированное, видится как сквозь увеличительное стекло.

Обсуждая спектакль, ребята рассуждали о вещах, отнюдь не отвлеченных, о том, как бороться с жестокостью, с равнодушием, с черствым прагматизмом.

Они не соглашались со сложившимся у нас стереотипом — представлением об инфантильности современных подростков. Инфантильны? Как бы не так! Одни, напротив, слишком умудрены расчетливостью. Других она возмущает все активнее.

В спектакле действовали неглупые и скользкие приспособленцы. С одной стороны, у них статейки о комсомольской дружбе, которые они писали в газету, хорошие отметки и примерное поведение в классе, с другой — презрение к сверстникам, у которых нет «фирменных» ве-

щей, заносчивые притязания, циничное стремление к карьере и барские замашки.

На обсуждении спектакля был задан вопрос: занимаются ли, по мнению аудитории, школьные супермены общественной работой, состоят ли в комсомоле? Аудитория ни на секунду не усомнилась: «Характеристики-то им понадобятся». И все должно быть «в ажуре». Лицемерием и опасны умные мещане, исподволь оказывая на окружающих тлетворное воздействие.

Старшеклассники высказывались самокритично: «Воспитывать себя не умеем. Ждем, пусть взрослые взволнуются? Их ошибки — их и вина? Нет! Человек сам за себя ответствен и сам себя тоже воспитывает». И самое главное: «Опора честности — общественное мнение. стыдно быть соглашателями». Этот урок спектакля ребята принимали искренне, признавая тревожность поставленных в нем проблем и свою причастность к их разрешению.

Зинаида Николаевна могла быть довольна. В том, что ребята восприняли нравственный урок, данный театром, сказывалось воздействие и ее уроков. Но она не из тех, кто успокаивается.

— Еще и еще раз повторю вам: меня волнует не столько максимализм их суждений, — говорит она, — сколько непоследовательность, нерешительность в тех обстоятельствах, когда надо давать отпор злу. Болезненно боятся унижить себя, столкнувшись с грубостью, хамством. Убеждаю их в том, что человеческое достоинство унижается не критикой того, что в нас дурно, а нашим попустительством, нашим смирением перед злом.

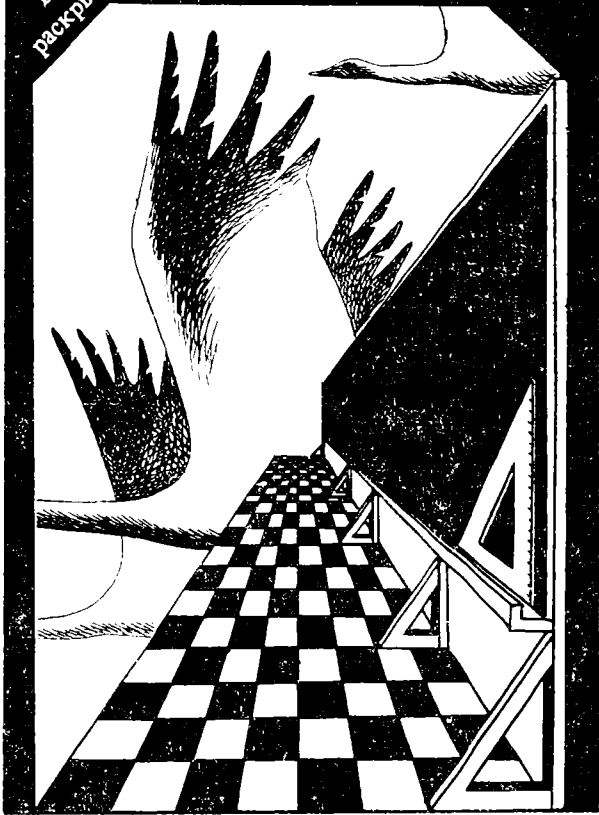
— Какие вопросы из тех, что ребята затронули, вам еще предстоит с ними обсудить?— спросила я.

— Вечные вопросы. Посредственностью никто из них быть не хочет. Но что значит не упустить свои возможности? Не бояться рисковать? Или действовать по принципу «тише едешь — дальше будешь»? Обыкновенный удел — это удел посредственности или норма жизни? Талант сам себя проявит или его надо раскрыть? И еще: как бороться с двоедушием?

— А ответы будут категорическими?

— Ни в коем случае,— улыбается Зинаида Николаевна.— Мы будем с ними думать.

За журавлем
в небо, или Как
раскрываются дарования

МЕСТО ДЛЯ ГЕНИЯ ВАКАНТНО

Среди многочисленных дел, которыми до конца своей жизни занимался дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и шести Государственных премий СССР академик Кикоин, была работа над очередными изданиями школьного учебника физики и редактирование «Кванта» — физико-математического журнала для юношества.

Однажды я спросила Исаака Константиновича, что побуждает его, столь занятого наукой, так много сил отдавать школьникам?

Он улыбнулся:

— Как-то я сказал, что, будучи эгоистом, хочу, чтоб дело, которым занимаюсь, попало в руки людей способных и самоотверженных. Но таких людей надо воспитывать со школьной скамьи... Между прочим, среди причин, по которым японская промышленность стала обгонять американскую, американцы называют более рациональное соотношение тех, кто производит, и тех, кто думает, как лучше производить. В Японии число думающих в этом соотношении стало больше, чем в США. В наш век мыслящий работник нужен во всех сферах жизни, и именно школа должна заложить фундамент его подготовки.

Кикоина волновало то, что начал падать интерес школьников к точным наукам, снизились конкурсы в технические вузы.

И тогда я коснулась проблемы, о которой пишу здесь:

— Стимулом к приобретению знаний может быть и потребность трудиться, которая, как у вас, становится первой жизненной потребностью, но стимулом может быть и желание продвигнуться, сделать карьеру...

— Мне всегда претила инфантильность некоторых молодых людей. Претили иждивенческие, карьеристские, мещанские настроения в их среде, — сказал академик. — Никакими ухищрениями подлинного успеха в жизни не добьешься. Его приносит только одно — работа. Работа с радостью, с увлечением. А способность к продуктивной деятельности определяется не только особенностями мышления, но и терпением, трудолюбием.

Сам Кикоин, безусловно, принадлежал к числу людей, работоспособности и таланту которых можно искренне позавидовать. Человек, у которого позади была большая жизнь в науке, ученый-физик, не раз увенчанный лаврами, учитель многих достойных учеников. Что же побуждало его изо дня в день трудиться, не расслабляясь, не давая себе передышки?

Он был убежден, что истоки наших жизненных успехов и поражений — в той шкале требований, которую мы сами определяем для себя на пороге жизни.

Мне приходилось с ним встречаться в разные времена года: осенью, зимой, летом. Но время беседы оставалось неизменным. Режим жизни этого человека, повседневно и напряженно рабо-

тавшего, издавна был четко спланирован. Кончая дела в институте на два часа раньше, чем обычно, он ровне в шесть входил в свой домашний кабинет, и два часа были в нашем распоряжении.

Деловая строгая обстановка. На письменном столе — всегда свежие газеты и журналы, научные книги, оттиски статей, гранки. Ничего лишнего. Разве что громоздкий чернильный прибор, бесполезный, но красивый. В тяжелых рамах — старинные пейзажи: зимний лес, тронутый приближением весны, радуга над лугом. А на книжном шкафу и на этажерке — подарки к юбилеям: от друзей, от института, от заводов. Искусный макет Исаакиевского собора сразу связывался не только с именем хозяина, но и с тем, что как физик он сложился в Ленинграде. Модель установки с головой и лапами тигра — термоядерный исследовательский газовый реактор — ТИГР. Глядя на символические модели, можно было если не узнать, то вообразить сферу деятельности хозяина. Подарки свидетельствовали и о его умении ценить юмор. Под стеклянным колпаком, согнувшись и расставив острые колени, сидела кукла, изображающая высокую, худощавую фигуру академика. На стене — дружеский шарж на него. Над головой нимб — орбита с вращающимися электронами. В руке — «Археология». Увлечение расшифровкой древних кумранских свитков, проливших свет на истоки христианства, не ускользнуло от коллег.

Исаак Константинович был всегда любезен, непосредствен и отзывчив в общении. А в беседах наших мы часто возвращались к одной теме: что может определить успех человека в его деятельности?

— Говорят, хорошее начало — наполовину выигранное сражение. А если применить это к жизни: от чего зависит, на ваш взгляд, успешное начало?

— Нельзя терять времени,— говорил Исаак Константинович.— Старт, как в спорте, надо брать энергично, используя все преимущества возраста: нерастроченные силы, здоровье, свободу от бытовых вериг, свежесть и остроту восприятия вещей. И когда, как не в молодости, бескорыстно отдаваться на волю чистого, ничем не замутненного интереса к знаниям?

Я просила Кикоина оглянуться на его собственную молодость, чтоб дать советы тем, кто молод.

«Не советуй угодное, советуй лучшее».— этому пожеланию одного из семи мудрецов древности академик в свою очередь обещал следовать.

— Благодаря чему ваше собственное призвание определилось рано?

— Прежде всего благодаря самостоятельности в выборе занятий. Меня никто не понукал и не ограничивал,— вспоминал Кикоин.— Нашей школе в Пскове достались в наследство от мужской гимназии и реального училища их библиотеки и оборудование кабинетов. Штатной единицы библиотекаря у школы не было. А мой отец преподавал в ней математику, и мне в тринадцать лет доверили заведование библиотекой. Напротив нее находился физический кабинет. Я взялся ремонтировать в нем приборы и прилип к кабинету и библиотеке, пропадал в них до ночи. Запоем читал книги по физике и химии, разобрался в дифференциальном и интегральном исчислениях.

— Что же, на ваш взгляд, главное в учении?

— Интерес к нему. Обучение приносит свои плоды тем, кто к нему расположен. Это глубокая истина. Занятия из-под палки неизбежно сводятся к школярству, а не учению в истинном смысле этого понятия.

Дети любознательны по природе. И если школьник на каком-то этапе теряет желание учиться, виноваты в этом мы, взрослые. Это беда, и надо думать, как с ней справиться. Процесс познания может доставлять наслаждение, если активно работает мысль человека. Сопоставляя факты, находишь их неожиданные взаимосвязи, извлекая в ходе исследования новое знание.

Кикоин не раз вспоминал шутку знаменитого математика Анри Пуанкаре, сказавшего однажды, что элементарную математику человек забывает, окончив школу, а высшую — окончив университет. Конечно, заметил академик, это преувеличение, но доля истины тут есть. Что остается после того, как забыты многие конкретные вопросы? Понимание существа законов науки. Культура мышления. Способность гибко, нестандартно подходить к явлениям знакомым и неизвестным. Навыки умственного труда, отшлифованные обучением. И пусть не покажется, что этого мало. Это самое важное.

Я показала академику письма родителей, которые ратовали за сокращение школьной программы, за упрощение курсов. Прочитав письма, Кикоин покачал головой:

— Учить так, чтоб от ученика не требовать затрат энергии, ума и сил, как хотелось бы иным из нас, — утешительная утопия. Недаром говорят: корень учения горек, а плоды его слад-

ки. Серьезное учение — производительный умственный труд. Производительный — потому что дает основу всякой работе, основу, без которой никуда не сдвинешься. И недаром же приходится репетиторством возмещать иным то, что недодает школа.

Родители когда-то разумно поощрили мое желание дважды перейти через класс. И потому я учился с неослабевающей нагрузкой. А привычка к напряженным занятиям в жизни неценима.

— Но часто родители, опираясь на свой жизненный опыт и желая детям благополучия, советуют не перенапрягаться, не гнаться за журавлем в небе, а довольствоваться синицей в руках, — заметила я.

— Советы надо обдумывать, но решать — самостоятельно.

И Исаак Константинович рассказал, как, следуя совету отца, поступил после школы в землемерное училище. Отец надеялся, что дальше сын пойдет в межевой институт. Профессия землемера была в то время почетной и хорошо оплачиваемой. Учась в землемерном, он даже на практике хорошо подрабатывал и в правоте отца ничуть не сомневался. Начало двадцатых годов было суровое, голодное. Кругом безработица. А рассчитывать он мог только на себя. И хотя «синица» сулила судьбу, как тогда всем казалось, материально безбедную, он погнался за своим «журавлем». Прочел в газете статью об открытии нового физико-механического факультета в Ленинградском политехническом институте и сразу понял: вот то, что ему нужно. Факультет давал университетский объем подготовки по физике и математике и в то же время

инженерное образование. Этот выбор отвечал всем его устремлениям, и отец смирился.

• — Создается впечатление, что все у вас складывалось беспрепятственно? — задала я не совсем корректный вопрос.

Он усмехнулся:

— Когда оглядываешься назад с вершины прожитых лет, дорога кажется более гладкой, чем была. Первое же препятствие возникло при моем поступлении в институт. Губернии по разнарядке было дано два места на физмех политехнического. Экзамены я успешно сдал в Пскове и был уверен, что принят. Однако, приехав в Ленинград за несколько дней до занятий, обнаружил, что фамилии моей в списке зачисленных нет. Произошла путаница с документами, но попытки разъяснить недоразумение ни к чему не привели. И тут секретарь приемной комиссии, милая девушка, подсказала мне последний шанс: просить разрешения сдать все пять экзаменов в оставшийся день. Председатель приемной комиссии удовлетворил мою просьбу, подумав, что эта авантюра все равно не удастся. Но я был настроен совершить невозможное. К изумлению строгого математика Кузьмина, молниеносно называл ему ответы задач из задачника Бычкова, которые он предлагал. Чуда, правда, не было. Я эти задачи решал с учениками, которых репетировал, и помнил ответы. Физику я знал сверх всякой программы. Долгая практика в школьном кабинете помогла легко выполнить лабораторное задание по химии. А вот на сочинении едва не «провалился». Спасла сообразительность, ну, и чуть-чуть... удача. Кстати, замечал не раз: если настойчиво пробиваешься к цели, в конце концов повезет.

— Молодые люди теперь часто сетуют, что долго остаются в «мальчишках». Школа, пять-шесть курсов в институте, да если еще и аспирантура — около двадцати лет ученичества. В молодых специалистах ходят тридцатилетние. Но ведь юные годы хорошо бы использовать более плодотворно.

— Не вижу проблемы, — возразил Кикоин. — Если человек пришел в вуз хорошо подготовленным, увлечен наукой, то что ему мешает включиться в работу кафедры, скажем, на втором курсе?

— А как вы получили свой первый научный результат? Задачу вы нашли для себя сами или ее дал руководитель?

— С потолка идеи не берут, — сказал Исаак Константинович. — В науке труднее всего как раз поставить проблему. Лабораторией, в которую я пришел студентом, руководил серьезный молодой ученый, а задачу он мне передал, поставленную университетским профессором, известным химиком, — определить различия в свойствах изомерных соединений платины. Мой руководитель советовал обратиться к их магнитным свойствам. Но намагниченность соединений платины очень мала, в несколько десятков миллионов раз слабее, чем у железа. Требовались магнитные весы раз в сто чувствительнее существовавших, а у меня в руках был только школьный электромагнит. Вот тут понадобилось думать самостоятельно. В конце концов я собрал весы типа горизонтального маятника и выяснил, что магнитные свойства изомерных соединений платины разные. Заказчик был доволен, работу опубликовали. Учился я тогда на втором курсе. В то время появилась квантовая электронная

теория металлов. Я ею заинтересовался. Стал читать литературу, увлекся изучением гальваномангнитных явлений. Крупные немецкие физики Нернст и Друде утверждали, что в жидких металлах нет гальваномангнитных явлений. Новая теория вступала с этим в противоречие. И вот свойство молодости: я имел наглость не поверить классикам, хотя их утверждение не подвергалось тогда сомнению. Нернст проводил опыты с висмутом. Друде — со ртутью. Но оба неудачно выбрали вещества. У расплавленного висмута гальваномангнитные явления в десять тысяч раз меньше, чем у твердого. Эта аномалия и ввела Нернста в заблуждение. Друде не проверил, что у ртути и в твердом виде гальваномангнитные явления едва заметны. Я взял для экспериментов щелочные металлы — сплавы натрия и калия. И хотя измерения производить было трудно, показал, что электронные свойства металла обнаруживаются и в жидком состоянии.

— Вы работали и учились?

— Был студентом и работал в ЛФТИ. Год — бесплатно. А когда показал свою небеспольность, зачислили в штат. Но это не было исключением для Ленинградского физико-технического института, где под крылом академика А. Ф. Иоффе сформировалась школа талантливых физиков.

Рано начали свою жизнь в науке академики Н. Н. Семенов, П. Л. Капица, Ю. Б. Харитон. Академик Я. Б. Зельдович пришел в ЛФТИ семнадцати лет. Не имея высшего образования, он в двадцать два года защитил кандидатскую (тогда такое оказалось возможно), а в двадцать пять — докторскую диссертацию. А Л. Д. Лан-

дау четырнадцати лет поступил в университет, семнадцати его окончил, в восемнадцать опубликовал первую научную работу, а в двадцать четыре года, успев к тому времени побывать в аспирантуре ЛФТИ, уже возглавлял теоретический отдел Украинского физико-технического института в Харькове.

— И вам было, кажется, всего двадцать пять лет, когда вы обнаружили фотомагнитоэлектрический эффект, который носит в физике ваше имя?

— Вначале даже Иоффе не поверил в реальность этого явления, пока я не продемонстрировал его на опыте.

В науке часто ищут одно, а открывают другое. Правда, для этого приходится все-таки упорно искать, не жалея труда. Человек, выбирающий науку, должен знать, что это «крестный» путь, если хочешь быть полезным,— Кикоин подчеркивал это не раз.— В ЛФТИ требовалось самоотверженное и преданное служение делу. Не поощрялось хождение по путям проторенным. Наш руководитель говорил, что монету надо искать не под фонарем, а там, где она потеряна. Он судил о работе каждой лаборатории, каждого сотрудника по результатам, еженедельно о них справляясь, и стыдно было ничего не иметь. Отбывание часов в счет не шло. На всякого рода лишения и нехватки ссылаться не приходилось. Общественное мнение бескомпромиссно оценивало вклад каждого, и в институте не приживались люди малоодаренные, с ленцой. Они уходили сами. Я тогда проделывал за год две-три существенные экспериментальные работы и в институте проводил не менее шестнадцати часов в сутки.

— Но не обеднялась ли жизнь таким самоограничением?

— Я убежден в необходимости самоограничения, — твердо сказал Кикоин. — Не только в развлечениях, но и в работе не стоишь, мне кажется, разбрасываться. Времени всегда в обрез. Не буду лукавить, в театр ходил, наверное, раз в год. Спортом занимался умеренно, хотя любил греблю, велосипед. А вообще-то искренне не понимаю тех, для кого работа и отдых полярны по своей сути.

— Насколько я представляю себе, вы умели подчиняться приказу необходимости, подавляя свои желания. Должно быть, следует смолоду приучить себя к этому, если стремишься чего-то достичь в науке?

Но Исаак Константинович с моим предположением не согласился.

— Заниматься в науке надо тем, что нравится. Без удовольствия, без азарта, без вдохновения ничего не получится. Из-под палки открытия не совершают.

— Но неужели вам не приходилось круто менять занятия, потому что так было нужно?

— Приходилось, но это никогда не было против моего желания, — еще раз подтвердил свой ответ Кикоин.

Он вспоминал, что, когда началась война и понадобились противотанковые мины, он и его сотрудники по лаборатории в Свердловске взялись за это с огромным энтузиазмом. Как могло быть иначе? В 1943 году он стал работать с Игорем Васильевичем Курчатовым над так называемым урановым проектом. И опять было сознание чрезвычайной важности для страны того дела, к которому они приступали. Уже ста-

ло ясно, что за границей ведутся засекреченные исследования ядерной проблемы.

— А когда я говорю, что ученый должен заниматься тем, чем хочет, я имею в виду другие ситуации,— уточнил он.— Ученый видит перспективную идею, видит ее часто там, где другие еще ничего не видят. Может быть, он и ошибается, но все-таки стоит поверить в его интуицию. Такое «хочу» основано на знании предмета, понимании того, где стоит вести поиск, на предощущении успеха. Я за то, чтобы поощрять желание ученого упорно работать над тем, к чему его тянет.

— Приходилось ли вам настаивать на этом?

— Да, и не раз. Встречаются категории людей, которые всячески увертываются от альтернативных решений, предпочитая переложить ответственность на других. Нередко это и люди молодые. Соблазн отсидеться в стороне от борьбы, конечно, есть. Вряд ли хочется, отрываясь от работы, трепать себе нервы, портить отношения. Но я полагаю, что такая позиция заведомо ведет к поражению. Ведь у борьбы есть свои законы. Не поздно что-то сделать, когда процесс обратим. А боязливые люди чаще всего машут кулаками после драки. И особенно стыдно бывает, когда люди талантливые уступают позиции людям малоодаренным и напористым.

В середине тридцатых годов ЛФТИ высадил свои «десанты» для создания и укрепления научных центров в Сибири, на Урале, на Украине. Я с группой сотрудников ЛФТИ поехал работать в Свердловск. Сформировавшиеся в институте, стоявшем на самых передовых позициях науки, мы были зрелыми учеными и знали, что кому надо делать. А нам стали предлагать част-

ные темы, связанные с сиюминутными мелкими нуждами. Я этому воспротивился. Обстановка сложилась остроконфликтная. Года полтора надо мной висела туча. Но мы тогда сумели доказать, что можем по большому счету быть полезными промышленности.

Сам Кикоин никогда не отходил от крупных, перспективных задач производства, требовавших вмешательства науки.

За год до войны был пущен на Урале алюминиевый завод — УАЗ. Там возникла необходимость проводить измерения тока в шинах колоссальных размеров. Существовавшие способы не годились. Кикоин предложил определять ток по окружающему магнитному полю, которое измерить было нетрудно. В сорок втором году ему за это была присуждена Государственная премия. На опыте долголетней совместной работы с производственниками он убедился в том, что отставание «чистой» науки неизбежно тормозит и прогресс.

— Время от времени, — говорил он, — я слышу, что вот когда физики «поднавалились» на технику, то удалось в почти немислимо короткие сроки поднять даже такую глыбу, как урановый проект. Но ведь ничего не вышло бы, если бы ученые, взявшиеся за него, не были широко образованными физиками, работавшими на переднем крае науки. Счастье страны, что она имела к тому моменту таких всесторонне подготовленных людей в области теории. И хотя нам пришлось осваивать производство, это стало посильным при той научной культуре, которую мы имели.

Я заметила, что охотнее, чем о научных своих успехах, Кикоин говорил о событиях и обстоя-

тельстввах, требовавших от людей нравственного мужества. Одно из ценнейших качеств, отличающих крупного деятеля, — способность видеть перспективу, жить не только сегодняшними интересами и заботами, но уметь их соединять, а то и подчинять задачам завтрашнего дня, хотя это качество, безусловно, и осложняет жизнь того, кому оно присуще. Часто нужна бывает не только особая дальновидность, но и смелость и стойкость, чтобы прокладывать новый путь, расчищать место для деятельности, плоды которой созреют, может быть, не скоро.

К этому типу людей, без сомнения, принадлежал Игорь Васильевич Курчатов, к которому Кикоин питал особую симпатию.

Исаак Константинович рассказывал:

— В начале тридцатых годов, когда одно за другим последовали открытия в ядерной физике, Курчатов решительно переключил на нее свою лабораторию. Шел на это, отдавая себе отчет, что встретится с сопротивлением «авторитетов», в том числе тех, кто и теорию относительности, и квантовую механику числил по ведомству идеалистической буржуазной физики. Это было опасное сопротивление. Да и начинать пришлось почти что с нуля. В радиевом институте тогда никак не могли запустить первый у нас циклотрон с метровыми полюсами магнита, пока Курчатов со всей энергией не взялся за эту работу. И за полтора года (кратчайший срок!) лаборатория, которой руководил он в Физтехе, вышла на мировой уровень. А в сорок втором ему было поручено дать свои предложения по развертыванию практических работ над урановым проектом. Я оказался в составе той небольшой группы ученых, которых собрал Игорь

Васильевич в самом начале, и работал с ним на протяжении всей этой грандиозной эпопеи. Мне были поручены проблемы немаловажные, но не связанные непосредственно с физикой ядра. В шутку Курчатов называл их «пузырьковой физикой», а обо мне говорил: «Ты у нас специалист по пузырькам». Помню, не получалась у нас промышленная установка. В три часа ночи ложились. А в девять утра снова начинали работать. И хорошо, что уже имели с юных лет привычку к работе с перегрузками.

— Но скажите, не приводило ли это к истощению запаса научных идей, к кризисам?

— Нет, мне кажется, что как раз напротив: для человека, привыкшего творчески напряженно работать, кризисное состояние противоестественно. Интересных идей, как правило, больше, чем можешь осуществить. — А помолчав, добавил: — Если же человек способен всю жпзнь тянуть ниточку одной лишь идеи, это не творческий работник. Он может быть лишь исполнителем.

— Какими же качествами должен обладать молодой человек, с которым вам лично хотелось бы сотрудничать? — спросила я академика.

— Мои требования к ученикам всегда были очень простыми. Во-первых, надо иметь голову. Во-вторых, быть преданным делу, в-третьих, я предпочитаю работать с людьми, порядочными во всех отношениях. Люблю, чтобы молодой человек предлагал что-то сам. Я всегда готов был идти навстречу и в том случае, если его предложение не подходило мне по тематике. Желание — великий двигатель человека. А вкус самостоятельности возбуждает творческую энергию. Мне самому должно быть интересно то, чем за-

нялся мой ученик. Он и меня может чему-то научить. А если нет сотворчества, то зачем мы нужны друг другу?

— Вы, разумеется, слышали прощическую фразу: «Ученым можешь ты не быть, а кандидатом быть обязан». Стремление побыстрее получить степень снижает или, напротив, по ваш взгляд, ускоряет творческую активность молодых?

— Моя позиция выработалась в молодости. Надо стремиться к получению серьезных научных результатов, а не ставить самоцелью ученую степень.

Кикоин рассказал, что, когда в 1934 году ввели научные степени и звания, многие из сотрудников ЛФТИ не хотели защищаться, жаль было времени. Но директор института оказался несумолим.

— Встретив меня, он мимоходом сказал, что пора защищать докторскую,— с юмором описывал Исаак Константинович собственные ухищрения.— Я возразил: мол, мне это не надо. Он отпарировал: «А мне надо, поскольку я оппонент». Я думал: забудет. Не забыл. Через какое-то время защита состоялась, но оппонент в своем выступлении столь сильно отклонился в сторону от моей работы, что мне показалось, уж не провалился ли я. Часа два спустя после защиты, когда я, закрывшись в лаборатории, работал, кто-то тихо, но настойчиво постучал в дверь. Открыв, я опешил. Иоффе пришел меня поздравить с докторской степенью.

За прошедшие полвека наше отношение к научным степеням, конечно, изменилось. Но молодым людям, с которыми работаю, я повторяю: занимайтесь наукой, а диссертация будет

естественно вырастать из этих занятий. И я не ошибался в своих учениках.

Диссертабельными часто называют темы, в которых нет риска, а заранее известно: результат надежен, можно рассчитать время на его получение. Но наука не может продвигаться вперед без риска, без поисков новых путей и методов. Когда же и прокладывать новые пути, как не в молодости?

— Однако соблазнов выбрать путь «протоптанней и легче», увы, немало.

— Многие стараются разрабатывать в науке небольшие делюнки и становятся слишком узкими специалистами. Но этак можно и «выдохнуться». Я всегда советовал ученикам и младшим коллегам, чтоб они не слишком «сужались» в своих научных интересах. Сам я многие годы занимался серьезными прикладными задачами физики, связанными с промышленностью. Но никогда не позволял себе «расслабиться», отойти от общих вопросов науки. Общая культура, широкий профиль имеют огромное значение и для инженера. Приведу такой пример. Американская компания «Дженерал электрик» привлекла однажды к работе известного ученого Ленгмюра. Он прошел по заводским лабораториям. А через две недели ему оформили два патента: один — на газонаполненную лампочку, а другой — на атомарно-водородную горелку. Выяснилось, что первые же его предложения дали ежедневную экономию в полмиллиона долларов. А узким специалистам эти идеи просто не могли прийти в голову.

Я задала тогда Исааку Константиновичу вопрос, рассчитанный на тех, кто выбирает свою дорогу.

— Говорят, ученому очень важно вовремя родиться. Подходящее ли сейчас время для будущего гения?

Он задумался и ответил с полной серьезностью:

— Коснусь самой близкой мне среды. Ядерная физика накопила огромный эмпирический материал, требующий обобщения, и в ней можно ждать больших событий. Должен явиться ученый масштаба Бора, масштаба Менделеева, чтобы совершить крупный шаг вперед. Место для гения вакантно.

«АРШИНОМ ОБЩИМ НЕ ИЗМЕРИТЬ»

Есть ходячая истина: «Талант пробьет себе дорогу». Но в жизни так получается не всегда. И старание подвести своими требованиями человека под общий знаменатель наносит ущерб порой не только его способностям, но и характеру, нравственному становлению.

В юности, как никогда, остра жажда судьбы необыкновенной, потребность оставить свой след на земле.

Боюсь не смерти я. О, нет!
Боюсь исчезнуть совершенно.
Хочу, чтоб труд мой вдохновенный
Когда-нибудь увидел свет.

Юноше, написавшему эти строки, еще не исполнилось шестнадцати. Кто знал тогда, что Михаилу Лермонтову суждено было за малый срок стать великим поэтом? А сколько людей на пороге судьбы думает о том же! И разве не это страстное стремление к действию, к труду,

к достижениям рождает личность незаурядную? Юношеский пламень высветил немало ярких судеб.

Спросите кого угодно, нужны ли стране талантливые люди, одаренные способностями напряженно и плодотворно работать на производстве, в искусстве, в науке, изобретать нечто новое в технике, продвигать их вперед? Утвердительный ответ очевиден. Спросите, надо ли пробуждать у человека потребность полнее раскрыть себя, подняться до высшей отметки своих способностей? Никто спорить не станет. Но стоит поставить вопрос иначе: надо ли таланты искать и растить со школьных лет, как мнения начнут расходиться. Скептики засомневаются, а есть ли точная мера определения юных дарований? Не повредят ли ребятам «оранжерейные» условия? Вопрос между тем весомый, глубокий. И потому, что наше общество, гуманное по самой своей природе, стремится помочь каждому человеку проявить свои способности в полной мере. И потому, что таланты и дарования людей, обращенные на пользу общества, несомненное его достояние. Но в спорах порой минуют главного арбитра — практику.

Должна ли школа работать в расчете на среднестатистического ученика? Нет, конечно же скажет любой современный учитель. Школа стремится выявлять склонности и способности ребят, не стирая, не обезличивая их индивидуальности. Принцип ясен. Но осуществлять его нелегко. Что тут зависит от школы, от учителя, от самого ученика? Как увидеть, не пропустить ростки дарования, таланта, обратив самого человека к вечному вопросу о собственных возможностях?

В декабре 1983 года отмечалось двадцатилетие московской физико-математической школы-интерната, одной из школ, почти одновременно созданных при крупных университетах по инициативе наших выдающихся ученых — математиков и физиков — М. А. Лаврентьева, А. Н. Колмогорова, И. К. Кикоина и других.

Дата не юбилейная, но скромные торжества по этому поводу, как водится, все же были. И мне посчастливилось попасть на встречу, думается, отнюдь не ординарную. С академиком Андреем Николаевичем Колмогоровым, одним из основателей московской школы-интерната, выдающимся математиком нашего времени, в приватной обстановке встретилась группа бывших воспитанников, а ныне докторов физико-математических наук. Андрей Николаевич после тяжелой болезни не ходок на большие и шумные заседания, и встретились с ним молодые математики в уютной квартире одного из москвичей. Хозяева дома радушно позаботились о том, чтоб обстановка за столом была приятной и непринужденной. Это легко было сделать, тем паче что собрались вместе питомцы одной школы, люди одной профессии, близкие по возрасту, по успехам в науке, а потому если и не лично, то заочно друг другу почти все известные. Светла же их вместе потребность как-то выразить свою благодарность человеку, оказавшему прямое влияние на их судьбу. В свою очередь и Андрею Николаевичу приятно было с ними пообщаться. Приветливые хозяева дома потчевали гостей пирогами и сладостями. Андрея Николаевича усадили в торец стола на почетное место, но он отнюдь не чувствовал себя «свадебным генералом», шутил, с искренним участием

расспрашивал собравшихся о том, как определялись пути их собственные и всех тех, кого он заметил еще в школе.

У восьми математиков, пришедших на эту встречу, судьбы оказались схожими. Подростками приехали в Москву из разных мест: Бугуруслана, Майкопа, Таганрога, из Белоруссии, Подмосковья. Ступеньками, которые привели их в школу-интернат, стали победы на математических олимпиадах школьников. Научную самостоятельность все, как один, проявили в возрасте весьма юном. Ю. В. Матияевич на первом году аспирантуры решил десятую проблему Гильберта, над которой ученые бились десятилетиями. Есть теоремы, носящие имена А. Н. Варченко и С. М. Воронина... Докторские диссертации все защитили в двадцать восемь — тридцать с небольшим лет. Работают в крупных научно-исследовательских центрах и университетах. Половина в Математическом институте имени В. А. Стеклова АН СССР. И вот вместе с А. Н. Колмогоровым молодые доктора размышляли о том, что помогает быстрому становлению человека в науке.

Увлечение математикой, если поискать его истоки, у каждого началось как бы само собой. Недаром говорится, что склонность — первый признак способности. Александр Варченко легко и с удовольствием решал задачи. Сергей Воронин брал в городской библиотеке Бугуруслана книжки по математике. Ленинградец Юрий Матияевич встретился в школе с незаурядной учительницей и девятиклассником уже ходил на лекции в университет, штудировал серьезную математическую литературу. Позволяли условия. В то самое время, считают они, когда у подрост-

ка просыпается интерес к определенной сфере знаний, важно его поддержать и направить, развивать.

Самоопределение и для талантливого человека — процесс нелегкий. Это самоанализ и самопроверка: что тебе легко дается, а что трудно? К чему чувствуешь влечение и к чему совсем не тянет? В чем преуспеваешь по сравнению с другими и в чем отстаешь? Это преодоление себя: своей лени, своей слабости, своей неуверенности, своего нетерпения — всего того, что мешают. Не всякий может пойти на жертвы ради упорного труда.

Что же побуждает человека к усиленным занятиям? Кто и как может поддержать в нем эту потребность?

Александр Николаевич Варченко признался, что никакой ориентации в пятнадцать лет у него еще не было. Учился в музыкальной школе в Майкопе. Математику не выделял среди других предметов, хотя она давалась ему легко. Интерес к математике углубился лишь после первых побед на олимпиадах. Олимпиады открыли ему глаза на самого себя. Он узнал, что решает трудные задачи лучше своих сверстников. Успех на олимпиадах привел его в школу-интернат, а уже интернат выявил профессиональные способности к математике. Не будь всех этих обстоятельств, он мог бы сделать и другой выбор. Он сказал: «Боюсь, менее удачный. Счастлив, что этого не случилось».

Евгений Витальевич Щепин учился под Москвой. Математикой занимался охотно. Часто забегал вперед, разбираясь в какой-нибудь теме. И вот тут, он считает, было важно поддержать проснувшийся интерес, обратить на него внима-

ние. Женю Щепина заметили. Он стал победителем городской олимпиады в Пушкине и получил рекомендацию в школу-интернат при университете. На втором туре конкурса из ста пятидесяти человек должны были отобрать семь. Девятиклассник Щепин попал в их число. Этот момент в своей судьбе Евгений Витальевич считает переломным. Как и Варченко, о профессии математика Щепин до интерната не помышлял. Для этого нужна была иная атмосфера, чем в той школе, где он учился, решительный толчок вперед. Сильные ученики этой школы стремились в местный лесотехнический институт. Поступать на мехмат в МГУ Щепину, как ему кажется, не будь его олимпиадного успеха, и в голову бы не пришло. Когда Щепин вспоминал об этом во время встречи, Андрей Николаевич Колмогоров перебил его:

— И никогда бы не узнали, что природа одарила вас задатками подлинного математического таланта.

С точки зрения Колмогорова, определить пусть не талант (это редкость), но глубокую склонность и способность к усиленной и полезной работе в математике можно у подростков именно лет с пятнадцати. В двенадцать—пятнадцать лет девочки, например, легко забывают в математике мальчиков. Позднее происходит чаще обратное. Мальчишка двенадцати лет гоняет мяч и не склонен задумываться, а позже выясняется, что у него светлая голова. И пятнадцать-шестнадцать лет — действительно тот рубеж, на котором человеку пора заглянуть в себя, чтобы определить, к чему он склонен и способен. Как раз подходит и конец учения в неполной средней школе. Вот тут особенно ну-

жен зоркий глаз учителя. Между тем с наиболее способными учениками работать трудно. У них больше вопросов, на которые непросто ответить, им приходится придумывать нестандартные задания, выходить с ними за рамки программы.

Щепину в школе все давалось легко, он скучал и томился без дела. А это, в сущности, опасно. Нет нагрузки — не формируются и рабочие навыки: самодисциплина, организованность, без которых талант — дар бесполезный. Он убежден, что способности умственные, как и физические, угасают, если их не тренировать. Это приводит к самодовольству, расслабляет. А у него в характере с детства была какая-то спортивная жилка. Мальчишкой со страстью начал «болеть» футболом. И от скуки наверняка увлекся бы чем-то вне школы, потому что голова требовала занятий.

Придя в интернат, он неожиданно обнаружил, что многие превосходят его в математике. Всегдашний первый ученик, Щепин начал с троек. Это заставило мобилизоваться. Как губка впитывал в себя знания. Учился радостно, взахлеб. На какое-то время совершенно забыл про самолюбие. За один год вырос на несколько лет, словно плотину прорвало, и все сдвинулось с места.

В интернате, вспоминали ученые, было какое-то коллективное упоение учением. Можно было ночью вскочить и объявить, что нашел доказательство. Школьная математика однообразна, а в интернате их ввели в современную математику, и перед ними раскрылось разнообразие ее идей и методов рассуждения.

Итак, весьма существенное наблюдение: нельзя держать «быстрых разумом Невтонов»

на голодном пайке. Талант требует пищи для своего развития.

Слушая ученых, я вспоминала свой давний спор с автором одной из статей, отрицательно оценивавших целенаправленную работу со способными школьниками. «При современном состоянии науки,— уверенно заявлял скептик,— никто (если у этого «никто» есть элементарная скромность) не в состоянии сказать что-либо достоверное относительно того, как выращивать таланты. Если школьник отлично решает задачи, предлагаемые ему в школе (а это тот единственный признак, по которому сегодня отбирают в математические школы), то это не гарантия, что из него в будущем вырастет человек, способный сказать новое слово в науке. Способных отлично решать задачи (в средних школах и на мехматах) во много крат больше, чем людей, которые впоследствии внесли бы весомый вклад в математическую науку...» «Нелицемерный судья — время оценит это в ближайшие годы... Гипертрофия культа знания,— утверждал он при этом,— идет в ущерб формированию Человека. Фабрикует роботов, эгоистов, морально искалеченных молодых людей».

Этот суровый критик работы с ребятами, активно рвущимися к высотам знания, увлеченными той или иной наукой, выражал далеко не единичную точку зрения, а взгляд, распространенный даже среди части педагогов, хотя и не опирающийся на изученный опыт. Как жаль поэтому, что не удосуживаются такие скептики выслушивать тех молодых ученых, которые учились в математических классах, а теперь плодотворно работают в сфере своей науки и уже сказали в ней новое слово. А ведь заметили их и

помогли приобщиться к науке, ставшей призванием, как раз по тому признаку, что они успешнее других решали задачи. Задачи не стереотипные, а требующие сообразительности, логики, склонности к сложным умозаключениям. Признак необходимый, хотя, конечно, недостаточный для того, чтобы предсказать будущее со стопроцентной гарантией.

Будущее зависит ведь не только от дарования человека, но и от его воли, трудолюбия, готовности всецело отдаться избранному делу. Андрей Николаевич Колмогоров высказался по этому поводу так:

— Во время летних сборов победителей математических олимпиад в течение нескольких недель возникала возможность познакомиться с ребятами более пристально. Узнать не только, как быстро они решают задачи, но и как думают, насколько богаты и оригинальны у них ассоциации, глубока способность сосредоточиваться.

По мнению Колмогорова, предсказать с большой вероятностью пригодность человека к самостоятельной исследовательской работе можно в условиях лишь достаточно близких к этой работе. И не столько предсказать, подчеркивал он, сколько развить эту способность в общении и соревновании со столь же увлеченными и работоспособными сверстниками. Не потому ли нередко из «одного гнезда» выпархивают люди с ярко развившимися дарованиями? И если приглядеться, выяснится: то ли рядом оказался талантливый учитель, то ли несколько великолепных учителей, то ли сильным индивидуальностям повезло расти и формироваться вместе. В одной из бесед с Колмогоровым я спросила

Андрея Николаевича, происходило ли с ним самим нечто подобное. Он сказал, что учился в весьма прогрессивной по тому времени частной гимназии, где преподавали радикально настроенные интеллигенты. Математикой поэтому смог заниматься на класс вперед, чем другими предметами. Его близкими друзьями были братья Селиверстовы, погибшие в годы войны. Один из них увлекался историей, другой, по словам Андрея Николаевича, был весьма одаренным математиком. Г. П. Селиверстов стал позже товарищем Колмогорова по университету, они вместе занимались теорией тригонометрических рядов и опубликовали две совместные работы. И такое юношеское сотворчество считает академик бесценным.

Развитие происходит наиболее успешно, когда человек работает, мобилизуя все свои интеллектуальные силы. Ему необходимо держать себя в определенном тонусе. Как в спорте, потенциальные способности постепенно выявляются и разворачиваются в ходе упорных тренировок. Продуктивный умственный труд очень тяжелый. Подчас венцом огромных усилий оказывается горчайшее разочарование, и важно иметь мужество начинать снова, искать иной путь. Помогают воля, организованность. И если у человека возбужден интерес к учению, тогда эти качества сами вырабатываются в процессе усиленных занятий.

У людей, изучающих иностранный язык, есть психологический барьер, который нелегко преодолеть: заговорить, не боясь ошибок, не вспоминая судорожно о падежах, временах и спряжениях. Преодолеть робость, скованность, зажатость, обрести свободу действия. И хотя в

этом сравнении есть натяжка, можно сказать, что, выйдя из школы-интерната, будущие ученые уже могли изъясняться на языке математики. И, конечно, это помогло тем из них, кто и дальше был готов много работать, без метаний найти себя в науке. А для ученого важно не терять времени, пока молод, голова свежа и можешь работать с очень высокой интенсивностью.

Как это происходило, например, с Евгением Витальевичем Щепиным? На первом курсе, во время зимних каникул, он купил книгу известных французских математиков Бурбаки «Общая топология». Многого не понимал, однако старался дойти до всего сам, не обращаясь к учебникам; и оказалось, что математической интуиции, а в известной мере и культуры у него было уже достаточно для того, чтобы самостоятельно, хоть и ощупью, пробираться в эту новую для него область математики. Увлекло сопротивление незнакомого материала. И во втором семестре он пошел на спецкурс по общей топологии к академику Павлу Сергеевичу Александрову, который и стал его учителем. «Эта часть математики,— рассказывал Щепин,— наука молодая, передний край ее расположен сравнительно близко, и я быстро продвинулся к нему, работая с неослабевающим напряжением и удовольствием. Меня не приходилось подталкивать к работе, только лишь направлять и поддерживать. Павел Сергеевич был в этом отношении прекрасным учителем. Он умел радоваться малейшему успеху учеников, а своей заинтересованностью невольно торопил, не давал передышки, и я, наверное, не смог бы сделать всего того, что сделал, если бы не его внимание».

Юрий Владимирович Матиясевич защитил докторскую диссертацию очень рано — в двадцать четыре года. А результат, который ему удалось получить, сразу сделал известным его имя в науке.

Год перед университетом в математическом интернате значил для него так много, что уже на втором курсе он имел достаточно опыта и знаний, чтобы взяться за те проблемы, которые легли затем в основу кандидатской и докторской диссертаций. К решению, давшему ему докторскую степень, хотя и получено оно было сразу после окончания университета, шел Юрий Владимирович четыре года. И если не бросил это безнадежное, как многие полагали, занятие, то, по его словам, сказалась приобретенная за благовременно привычка думать, не отступая.

«Безусловно, никто из нас не всемогущ; человеческая свобода имеет свои пределы,— сказал в письме молодому человеку Андре Моруа.— Она живет на границе возможностей и желания... И поскольку «возможности наши зависят от того, на что мы дерзнем», нужно, не задумываясь об их ограниченности, быть всегда в форме».

Матиясевич не случайно напомнил на сборе бывших воспитанников интерната о надписи на мемориальной доске в лицее: «Здесь воспитывался А. С. Пушкин». «Не учился, а воспитывался», — подчеркнул Юрий Владимирович, заметив, что интернат как раз и воспитывал у своих питомцев любовь к науке, бескорыстное стремление не к карьере, а к знанию, к творчеству. А эта любовь прививается людям смолоду.

Ускорение, заданное в школьные годы, дало каждому из них неоценимый выигрыш во вре-

мени. Кто-то из участников встречи привел слова одного из академиков, обращенные к участникам всесоюзной олимпиады школьников: «Вам дают тут на решение задач пять часов, а в серьезной математике на одну задачу расходуется пять тысяч часов...» Повезло этим людям? Безусловно. Но хорошо бы такое «везение» планировать.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ КОРНЯ, ИЛИ ОТКУДА В БЕЛОРЕЦКЕ СТОЛЬКО ВУНДЕРКИНДОВ?

Нередко слышишь: старшеклассники мечтают скорее вырваться из школы. А что может сделать учитель, чтобы ученики шли к нему на урок, как на праздник? Чтобы они работали в полную меру способностей? Чтобы шалопаи и искатель приключений, едва не угодившие на учет в милицию, самозабвенно увлеклись наукой? Чтобы, расставшись со школой, ученики продолжали тянуться к учителю?

Сознаю, что человек, который сумел по-своему ответить на эти вопросы, в своей работе постоянно выходит за рамки общепринятого, его легко в том упрекнуть. Сознаю и то, что он был бы уязвим, если бы не очевидные успехи его учеников.

Есть в Башкирии живописный городок Белорецк, выросший подле одного из старых уральских заводов. Небольшой городок. Всего десять средних школ. А в МГУ на механико-математическом факультете в восемьдесят третьем году училось около трех десятков белоречан. И этот год не исключение.

Учатся студенты из Белоречка в МИФИ, Физтехе, МВТУ, МАИ, Ленинградском университете. Среди призеров российской и всесоюзной олимпиад школьников по математике почти непременно встретите белоречан. Прямо-таки питомник юных дарований. Если посчитать в процентах к населению, то скромный Белоречек по числу своих студентов в самых известных вузах страны обставит города куда как посолоннее. Не правда ли, любопытное явление? А ведь репетиторство в Белоречке корнем не пустило. Корень — в учителе математики.

Опять математика. «Что за страсть к этому предмету?» — спросит читатель. Да, математика — предмет, на котором воспитывается культура мышления, кем бы человек ни стал в будущем. Краеугольный камень инженерного образования в век НТР. Одна из самых трудных для ребят наук, бич многих школьников. А Роман Григорьевич Хазанкин увлекает этой наукой самых обычных учеников, хотя растить будущих математиков-профессионалов он своей целью не ставит. Мне даже кажется, что, будь он учителем по другому предмету, эффект был бы тот же. Так что речь пойдет не только о математике.

Игорь Копылов, поступивший в аспирантуру мехмата МГУ осенью восьмидесят третьего года, и Костя Возий, с отличием окончивший тот же факультет, выпускник факультета прикладной математики МИИТа Александр Зайцев и окончившие в восьмидесят четвертом МИФИ Юрий Хомяков и Сергей Колесников — первые питомцы Романа Григорьевича Хазанкина, первые ласточки Белоречка в столице. С уроков математики в классе с ее усиленным изучением и

проторилась у белоречан дорога и к олимпиадным успехам, и в «трудные» вузы.

Заинтересовалась я, что за учитель? Признаться, представила себе выпускника столичного университета, бессемейного энтузиаста, не обремененного житейскими заботами.

Всплыл в памяти примелькавшийся образ — этакий молодой ученый, окруженный вундеркиндами, пишет на доске трехэтажные формулы, а из школы мчится на «Волге» в свой НИИ. Впрочем, откуда это? Из фильма «Расписание на послезавтра»? Или из каких-то еще лент в том же роде? Но жизнь в своих ярких проявлениях не укладывается в придуманные схемы. Хазанкин — местный, белоречанин. Окончил тут техникум и пединститут в Магнитогорске. Служил в армии. Недолго стажировался в Москве. Вернулся в родной Белорецк к матери. Женат. Трое детей.

Заинтересовалась еще больше. И встретились мы с Романом Григорьевичем не в модерновом, как в фильмах, здании из стекла и бетона, даже не в школьном кабинете, а на широкой лесной поляне возле домиков летнего трудового лагеря «Сигма». Но где можно узнать об учителе больше, как не на традиционном сборе его учеников разных лет?

В математике сигмой обозначают сумму из многих слагаемых. И в лагере действительно сложилась традиция: к школьникам из математических классов, выезжающим на три недели работать в совхоз, присоединяются в августе студенты, ученики Романа Григорьевича. В сумме народу набирается изрядно.

Что их всех тянет сюда? Режим в лагере отнюдь не легкий. Утро — в поле. Уборка лука,

ранних овощей. Прополка моркови, капусты, свеклы. Возвращаются к обеду. Днем — занятия в летней математической школе. В свободное время математические бои, подготовка к математической лагерной олимпиаде. Только вечером развлечения: игры, КВН, танцы или костер. Так что их сюда тянет? Удивляются моему вопросу: жизнь, общение с друзьями. Они же тут все свои, как одна семья. И конечно же хочется побыть с Романом Григорьевичем. Почему? Как это объяснить?

Настойчиво советуют мне прочесть их размышления об уроках математики, которые они писали, прощаясь со школой. По моей просьбе Роман Григорьевич привозит из дому стопку тетрадей.

Вечером разбираю ее. Торопливо, разными почерками испещренные листы. Тема вроде бы прозаическая, а эмоции из этих тетрадок переливаются через поля. Единодушное объяснение в любви. Иначе, пожалуй, и не назовешь. Но именно объяснение, а не просто лишь признание.

Первые же впечатления от занятий с Романом Григорьевичем: радостное изумление, неожиданности одна за другой. Все не так, как прежде. Ломка привычных представлений о школьных уроках. Сняты шоры. Глодают полной грудью свежий воздух. Выражают это ощущение изящным слогом крупного ученого прошлого века: «Очарование, сопровождающее науку, может победить свойственное людям отвращение к напряжению ума и заставить их находить удовольствие в упражнении своего разума».

Впервые чувствуют себя старшеклассниками, взрослыми.

Саша Зайцев, выпускник самого первого ханкинского класса, рассказывал мне, что для него школа началась, в сущности, с девятого класса. Все, что было «до», он уже не помнит, хотя учился неплохо: на четверки и пятерки. Жизнь, однако, протекала однообразно. Что в ней было для души в часы досуга? Занятия в горнолыжной секции. Игра в футбол. Да еще праздное гулянье вечерами по самой людной улице. Деваться-то все равно было некуда. Любознательностью Саша, по его словам, в то время не отличался.

В математический класс попал он случайно, вслед за другом. Набралось их двадцать восемь учеников из разных школ. Держались кучками — каждый со своими. Не все, кто увлекался математикой, решились сюда прийти. Кто-то шел «на медаль», нелегко было расстаться со своей школой. Кто-то привык у себя быть лидером — зачем искать, где будет лучше?

На первом уроке Роман Григорьевич задал странный вопрос: кто хочет иметь пятерку по математике? Саша был бы не прочь, конечно, ее иметь, но оглянулся на других. Тут, по его словам, возникла тупиковая ситуация. Учитель оглядел класс: «Желающих нет? Я понимаю, что вы пришли сюда не за пятерками. Начнем же учиться читать, писать и говорить». Класс заулыбался. Но только через несколько дней ребята поняли, что это значит. С заданием прочесть, законспектировать и толково разъяснить статьи из «Кванта» мало кто справился. Оказалось, что заучить урок и разобраться в существе проблемы — не одно и то же. Шаг в сторону — и плутания впотьмах. С удивлением обнаружили, что часто бойко говорят о том, чего

не понимают. С этого, собственно, и начинается Роман Григорьевич воспитание бескорыстной потребности в знании.

Почти сразу Роман Григорьевич предложил им темы для докладов. Сашу Зайцева пленило незнакомое название: «Магический квадрат», и тогда впервые он взял в руки «Квант» — журнал для ребят, увлеченных точными науками, и книжку из математической библиотеки для школьников. Показалось интересно, но трудно. Зато, преодолев сопротивление материала, был очень доволен сам собой.

С первых уроков Роман Григорьевич начал решать с ребятами логические задачи, требующие сосредоточенности, сообразительности. Сначала люди у доски терялись. Потом, рассказывал Саша, начинали шевелить мозгами. На дом учитель вдруг задал сорок примеров! Класс охнул. Но он сказал, что проверять, кто сколько сделает, не будет. Пусть только каждый разберется в них. Саша стал решать и увидел, что примеры аналогичные. Потом уже стали в таких случаях писать, что решение аналогично предыдущему. Но бывали задачи, над которыми думали часами.

Аля Грицай в прощальном сочинении об уроках математики признавалась: «Казалось порой, сколько ни бейся, все равно не решишь задачу. Вот-вот не выдержишь и бросишь. А все-таки думаешь. Так развивается ценнейшее качество — настойчивость. Во всем. Я стала составлять распорядок дня. Научилась экономить время». В сочинениях этих ребята пытались проследить и осмыслить, как приобретали они рабочие навыки на уроках Романа Григорьевича.

Елена Щербакова писала: «Учение в этом классе развило во мне упорство и ответственность. Ведь на уроках математики у нас не спрашивали то, что проходили вчера. Да и стоит ли выяснять, как усвоился мелкий «кусочек темы», пройденный на прошлом уроке. Все равно строгого представления о теме у нас еще нет: сегодня ответил — завтра забыл. А тему полностью, если уж понял, забыть нельзя. И каждый становится ответственным за то, что он знает. А ответственность за себя и за дело — одна из главных черт человека. Бывает и так, что не понимаешь чего-то. Значит, образовался пробел. Садись и думаешь. Не сразу все становится на место, приходится посидеть. А потом находишь, что упустил, и в класс летишь, как на крыльях. А совсем упустить нельзя — на зачете это все равно обнаружится. Отлично знаешь, что там у тебя все спросят, да еще как».

«Возникло какое-то новое отношение к окружающему нас миру — восторженное, удивленное, более внимательное и тонкое. Меня этот класс разбудил. Другого слова не придумаю. Впервые я увидел, сколько интересного существует вокруг, стоит лишь приглядеться,— вспоминал позже Юра Хомяков, выпускник МИФИ.— Какое наслаждение можно получить, найдя доказательство, которого нет в учебнике. Задачи потребовали исследования, которое мы проводили сами, а не учитель. Мы поверили в свои силы и удивились своим возможностям. Первые же занятия зажгли нас, и мы вдруг почувствовали вкус не только к математике, но и к другим предметам. Казалось, ну что может выйти из того, что шесть зайцев не помещаются

в пять клеток? Однако, применяя нехитрый принцип, мы решали задачи по геометрии, по теории чисел. Лично мне математика помогла справляться с задачами по химии, причем довольно серьезными. Это ли не творчество, хотя бы и в малом? С каждым днем мы приближались к выполнению триединой задачи, поставленной перед нами учителем при первой встрече: научиться читать, писать и говорить. Речь наша становилась более уверенной, менее многословной. Но все это было бы, по-моему, невозможно без того восторженно-удивленного чувства, которое испытывали мы на уроках Романа Григорьевича, чувства, с которым воспринимали все новое.

А разве можно не сказать о том, как учение для нас стало радостью? Я, например, однажды с удивлением обнаружил, что жду не дождусь, когда кончатся каникулы...

И хотя с детства я мечтал укрощать атомную энергию, но лишь здесь появился настоящий интерес к квантовой механике, ядерной физике. Этот класс помог каждому найти себя».

Читала я все это и думала, как часто сетуем мы на то, что ученики перегружены в школе, им некогда ни охнуть, ни вздохнуть, мы лишаем их детства, гармонического развития... И панацеей от всех школьных бед иным видится простая разгрузка программ: попроще бы, полегче, не мучайте детей. Почему же эти-то обыкновенные девочки и мальчики, отнюдь не вундеркинды, да и где их столько набралось бы в одном маленьком Белоречке, добровольно выбирают то, от чего мы так хотим спасти детей? И не скажешь тут что-нибудь расхожее, вроде того, что дети, мол, разные. Разные-то разные, да ка-

кой-то все же толчок должен произойти, чтобы человек, до поры до времени не обнаруживавший в себе не только особой тяги к математике, но и к учению вообще, вдруг взваливал на себя ношу вдвое тяжелей, чем была, и с охотой ее нес?

Или чтоб девочка из самой обыкновенной семьи и самой что ни на есть обыкновенной школы, перейдя в новый класс, вдруг обнаружила в себе скрытый дар к науке и, углубившись в нее, влюбилась в эту науку без памяти.

Таня Сокова и была одной из таких обыкновенных девочек. «Передо мной раскрылся удивительный, стройный и прекрасный мир математики!» Действительно, раскрылся — без затруднений поступила на отделение математики в МГУ.

Сталкивалась ли я с учителем математики Бартевым в Евпатории, химиком Махаром Кулиевым из азербайджанского села Бозалганлы, словесницей Кулаковой, физиком Бронфманом в Москве и вот с Хазанкиным в Белоречке — убеждалась каждый раз: усиленные и творческие занятия предметом, к которому есть хоть малая склонность, дают одинаковый результат. Разные учителя по разным предметам в разных городах, а ребята в их классах похожи. Похожи своей целеустремленностью, осознанным отношением к учению, бескорыстным интересом к нему.

Путь к призванию непременно пролегает через этот разбуженный интерес, проснувшуюся потребность узнавать, изучать, вникать в суть вещей. Но чем больше я думала над работой Хазанкина, тем глубже понимала, что сила его воздействия не только в мастерстве

математика, но и в подходе к ребятам, в том, как вводит он их в усиленный режим работы.

Первые три месяца восьмого класса Хазанкин повторяет с учениками то, что пройдено в шестом и седьмом. В девятом заканчивает школьную программу и идет дальше. Но главное — развитие культуры мышления, потребности мыслить.

В классе никого специально не спрашивает, отметок на уроках не ставит. Отучает учеников от детской привычки ценить отметку, не задумываясь, что за ней стоит. Помогает ребятам взрослеть. Подчеркну: **взрослеть!**

Через неделю после начала занятий восьмиклассники сдают зачет девятиклассникам. Появляется первая «молния». В ней перечислены только те, кто получил «5» и «4»: «Молодцы!» Молодцов человек десять, об остальных — ни слова. Вторая «молния» — еще через неделю, после следующего зачета. Теперь названы и те, кто получил двойки. Тоже не менее десятка. Но эти отметки только для ребят. В журнал Роман Григорьевич проставляет оценки лишь после первой контрольной, когда законченная тема будет всеми основательно проработана и усвоена. Оправдывают ли ребята доверие, которое им оказывает учитель? Не дают ли друг другу поблажек?

В то лето, когда я была в «Сигме», поступившая в МГУ на мехмат Ира Разнадежина объясняла мне: «На зачете каждый сдающий — «ученик», а каждый принимающий — «учитель». Лично мне сдать зачет всегда было легче, чем его принять. Принять — это не только выяснить, насколько сдающий овладел темой, но и ответить на все его вопросы, решить то, что он не

смог. Доказать свое право оценить его знания».

Как часто хочется нам сказать ребятам: «Будьте взрослыми!» Но надо ведь давать им еще и возможность проявить себя, свою самостоятельность. Хазанкин такие возможности дает им прежде всего в их главном труде — в учении. Система зачетов становится для них, в сущности, системой сознательного регулярного самоконтроля. С одной стороны, появляется известная свобода в планировании своих занятий и времени, а с другой — большая ответственность за свои знания. Надеяться на то, что авось «пронесет» и удастся укрыться за случайно полученными приличными отметками, не приходится. И научное общество учащихся (НОУ), основанное Хазанкиным, тоже полигон проявления самостоятельности старшекласников. Члены НОУ проводят занятия математических кружков в пятых классах. Делают доклады в секциях. Сами готовят задачи для городской олимпиады по математике среди школьников города и проводят разбор предложенных на ней задач.

Настоящее воспитание не может быть по преимуществу словесным. И палитра Хазанкина как воспитателя в «Сигме», где учитель и ученики все время были на виду, особенно радовала богатством и гармонией ее красок.

Сама рабочая обстановка была здесь необычной, соединяя серьезность с домашней непринужденностью и простотой. Занятия школы проходили в стандартном щитовом доме. Столы, некрашенные скамейки. На стенах — портреты великих математиков. Хазанкин в легкой рубашке, джинсах, ребята в шортах и футболках. За окнами — рукой подать — лес, солнце сияет.

Но настроение у всех деловое. По сторонам никто не глядит.

Помню, физтеховец Миша Горелов показывал оригинальный метод решения задач, с которым и Роман Григорьевич был незнаком. Отнюдь не стесняясь этого, он заинтересованно следил за ходом доказательств, задавал вопросы. В обсуждении участвовал весь класс, и никто не боялся сморозить глупость, попасть впросак.

В летнем лагере складывается особый стиль отношений между старшими и младшими. С одной стороны, братская заботливость и терпение, с другой — заинтересованность и внимание. Всегда аккуратный, собранный Игорь Копылов — аспирант мехмата МГУ — тут одно из главных действующих лиц. Его высокую фигуру я постоянно замечаю среди ребят. Во всех лагерных мероприятиях он неизменный участник. Вместе с Мишей Гореловым руководит математической школой, проводит олимпиады, собирает учеников на занятия, возглавляет жюри на КВН, решает с мальчишками и девчонками задачи. Правая рука Романа Григорьевича, первый ученик первого хазанкинского класса, он одерживал победы на республиканской и российской олимпиадах, пробился на всесоюзную. Был в свое время первым президентом научного общества учащихся (НОУ). Миша Горелов на год его младше и в школе шел за Игорем след в след. Тоже победитель олимпиад (на Всесоюзную олимпиаду по математике, проходившую в Ташкенте, они ездили вместе). Тоже президент НОУ. И путь оба выбрали в науку, только Игорь пошел в университет, Миша — на факультет прикладной математики и управления в Физтех. Оба отличники, с честью поддерживавшие мар-

ку школы все студенческие годы. Игорь был ленинским стипендиатом, заместителем председателя студенческого научного общества на факультете. В лагере они тоже неразлучны. Если за деревьями мелькнула накинута на плечи штормовка Игоря, значит, увидишь тут же где-то и белокурую шевелюру Миши. То Игорь и Миша усаживаются на скамейку у футбольного поля, то склоняются над тетрадами за сколоченным из досок самодельным столом под берегами у летней школы — и всюду они в окружении школьников, атакующих их вопросами.

Хотя Игорь и Миша — признанные математические лидеры, у них — ни тени зазнайства, высокомерия. Доброжелательны, выдержанны, справедливы. Не слышала, чтобы кто-нибудь из них хоть раз повысил голос, прикрикнул на школьников, однако ребята слушались их с полуслова.

Никакой существенной разницы нет, правда, и в отношении самого Романа Григорьевича к студентам и школьникам. Я спрашивала, приходится ли Хазанкину наказывать ребят.

«Нет,— сказал Миша Горелов.— И в походах, и в лагере он умеет без этого обходиться. У него очень развито чувство реальности, принуждать тебя не будет. Просто внутренне отойдет, перестанет обращать на тебя внимание. И обязательно почувствуешь, что он тобой недоволен, хотя слов никаких не будет сказано. Вот это и воспринимаешь как наказание. Пластичный человек!»

Такая же пластичность есть и в отношениях студентов и школьников в лагере. Авторитет старших держится на естественной основе: они больше знают и умеют и уже добились того,

чего младшим еще только предстоит добиваться. И потому сила их примера — средство воспитания младших. Об Игоре Копылове, например, от класса к классу переходят чуть ли не легенды. А начинается все с рассказов о нем Романа Григорьевича, рассказов, предшествующих знакомству ребят с самим Игорем. Хазанкин умеет вроде бы непароком создавать и поддерживать вокруг лучших своих выпускников ореол школьных героев, ими, безусловно, заслуженный. Тут он ничуть не кривит душой, обозначая вершины, к которым стоит стремиться.

По общему мнению учеников разных лет, у Хазанкина не бывает ни любимчиков, ни отверженных. Но это вовсе не означает, что он ко всем относится одинаково. Просто к тем, кто хочет больше работать, его интерес усиливается. Именно так он и сблизился с Игорем, поразительное трудолюбие и упорство которого не могло остаться незамеченным. Игорь заходил к Роману Григорьевичу за книгами, сидел с ним над задачами. Бывал у него в доме раза два в неделю. В девятом классе Игорь прочитал весь комплект «Кванта» с семидесятого по семьдесят шестой год. К концу первого полугодия занятий список книг и статей, им проштудированных, достиг трехзначной цифры.

Но что любопытно: Игорь, переходя в свое время в только что открывшийся математический класс, о математике как о будущем своем призвании вовсе не помышлял. Собирался по стопам старшего брата двинуться в медицину. И поначалу больше времени отдавал в школе биологии и химии. Занятия с Романом Григорьевичем раскрыли ему глаза на самого себя:

оказалось, что есть у него незаурядные способности к математике, и он самозабвенно увлекся ею. Впрочем, теперь, когда Игорь уже окончил на мехмате отделение механики, он вновь заинтересовался медициной, вернее, приложением механики к медицине. И вот что еще примечательно: в детстве, по словам его матери Агриппины Евсеевны, был ее Игорь нелюдимым, замкнутым — все время с книгами. А Роман Григорьевич нащупал в нем и общественную жилку.

Игорем Хазанкин, без сомнения, гордится, как художник самым совершенным своим творением. Но эта гордость во благо другим. ореол Игоря не ореол исключительности, а ореол человека, раскрывшего себя трудом.

Есть среди хазанкинских учеников другое яркое математическое дарование — Альберт Кагарманов, с восьмого класса начиная победитель олимпиад российских и призер всесоюзных. Но о нем, тоже поступившем на мехмат МГУ, Роман Григорьевич рассказывает мало, хотя и относится к нему с безусловным уважением. Я для себя объяснила это так: восхищение чужим талантом не зовет еще за ним вслед. Талант воспринимается нами обычно как дар природы — или есть, или нет. К себе его не примеришь, как не примеришь, скажем, музейную драгоценность, сознавая недоступность такой вещи. Альберт, начав заниматься у Хазанкина, перешел затем в тот московский интернат, где учились участники встречи с Колмогоровым, и несколько отделился от белорецких ребят, хотя к самому Хазанкину заглядывает. Главное же — это погруженность в себя. Игорь — иной человек. Он тянется не только к учителю, но и к его делу.

Игорь — весь нараспашку. Никаких загадок, никаких секретов. Готов часами размышлять вместе с ребятами. Самоотверженно и бескорыстно работает он с ними в лагере. Отношения Игоря и Миши Горелова с Романом Григорьевичем незаметно перерастают из отношений учителя и учеников в дружбу единомышленников. И ту духовную бескорыстную основу, на которой они строятся, ребята вокруг нутром чувствуют.

Вообще цепная реакция формирования общего интереса и уверенности в своих силах у подростков — явление, к которому стоит присмотреться. Тут и влияние яркой личности учителя, и потребность общения с незаурядными сверстниками, и притяжение неординарного коллектива, и голос собственного самолюбия, любознательности, наконец, соревновательный задор.

По признанию Саши Зайцева, прежде чем полюбить Романа Григорьевича, он начал его ревновать к Игорю, Косте Возию и Юре Хомякову. Особенно к Игорю. Знал, что эти ребята бывают у учителя дома, видел, как он приносит им книги из своей библиотеки, но сам попросить у него что-то почитать стеснялся. Брал книги у Кости. Не мог заставить себя подойти к учителю, заговорить с ним вне урока.

На городской олимпиаде по математике ученики первого хазанкинского класса заняли все призовые места. Саша попал в число победителей и поехал на олимпиаду в Уфу. И тут у него словно пелена с глаз спала: легко и просто почувствовал себя вдруг с Хазанкиным.

Их было восемь человек. Ехали впервые. И хотя для учителя это был экзамен, Хазанкин от них не потребовал никаких усилий. В то время как члены других команд, живших вместе с

белоречанами, не отрывались от учебников и задачников, они с Романом Григорьевичем осматривали город. Он водил их к дому, где, возвратившись из Шушенского, жила Надежда Константиновна Крупская. Осматривали дом Аксакова, музей Нестерова. Пошли в кукольный театр. Утром к завтраку Хазанкин притащил им фруктовые соки — по две бутылки на каждого: налетай, молодцы! Вечером перед олимпиадой белорецкая команда играла в шахматы. («Кто возьмет учебник — уकोкошу на месте!») Учитель оставался верен своему принципу: работа спорится, когда она в радость. Никакой переустраховки. Они отдыхали под проническими взглядами соперников, трудившихся в поте лица. В итоге заняли первые места. Среди десятиклассников — Игорь Копылов, среди восьмиклассников — Альберт Кагарманов.

Перед десятым классом Саша Зайцев мучительно думал, что делать дальше. В конце августа несколько раз доходил до дома, где жил Хазанкин. Когда же наконец решился зайти — не застал его. А Роман Григорьевич, узнав о его визите, запросто сам позвал его к себе. Саша стал брать у него книги, приходиться с задачами.

И притягивала Сашу в этот дом не только математика, но и сама его атмосфера. Светлана Александровна, жена Романа Григорьевича, по профессии психолог, всецело поглощена заботами мужа. Она не только радушная, гостеприимная и терпеливая хозяйка, но и располагает ребят к доверительным беседам о жизни. За чашкой чая с ней можно поговорить и о домашних неурядицах, и о любви, и о собственном будущем. Здесь Саша заинтересовался «толстыми» журналами, открыл для себя замечательных

поэтов, о которых прежде не слышал, заглянул в альбомы с репродукциями великой живописи.

— Я определил для себя нечто, быть может, более важное, чем то, кем быть, — сказал мне Саша. — Мне захотелось стать интеллигентным человеком.

Ездил ли кто из Белорецка поступать в московские вузы, первые выпускники Хазанкина не знали; кто-нибудь, наверное, ездил, но слухом об этом земля не наполнилась. Советовались с учителем: рискнуть или не рискнуть? Но Романа Григорьевича такая постановка вопроса удивила. Чего, собственно, бояться? Один раз не поступишь, кто заказал дорогу для второго? Пусть даже и после армии...

Сам-то он, прежде чем утвердиться в своём призвании, не боялся проб и ошибок. Мастер на заводе, солдат, тренер по плаванию (у него был первый разряд). Студентом стал, уже будучи взрослым человеком. Наукой увлекся в пединституте, на кафедре педагогики, которой руководил Федор Андреевич Орехов, человек одержимый своим делом. Но то были психология и педагогика. Математику, не жалея труда, он всерьез штурмовал уже после окончания физико-математического факультета, начав работать учителем. Когда семья укладывалась спать, ночами занимался математикой, выгородив себе крохотную каморку. Университетский курс одолел самостоятельно, самообразованием. По четыре-пять часов в день решал задачи! Человек в конечном счете делает себя сам.

Он внушал ребятам веру в их силы. А за их подготовку был спокоен. Шестеро сильных ребят из первого выпускного класса Романа Григорьевича в июле отправились в Москву. Риск-

нули сдавать экзамены в «трудные» столичные вузы, с большим конкурсом. В случае неудачи в запасе, правда, оставался еще август, когда проходит конкурс в большинстве вузов страны.

Саша Зайцев и Юра Хомяков подали заявления в МИФИ. Математику устно и письменно оба сдали на пятерки. Но на сочинении Саша провалился. Забрал документы и вернулся домой. И вот на этом крутом повороте в судьбах своих учеников Хазанкин не отошел в сторону.

Саше Зайцеву велел отдохнуть неделю у бабушки в деревне. А сам отправился в Москву. У Игоря Копылова тоже возникла своя трудность — он не добрал в МГУ на мехмате лишь полбалла. Роман Григорьевич пошел в приемную комиссию, обратил ее внимание на грамоты олимпиад — российской и всесоюзной. Словом, когда зачисляли несколько человек, не добравших по полбалла, Игорь оказался среди них. А потом вместе с Игорем Хазанкин обошел столичные институты с сильными математическими кафедрами. Оказалось, что не во всех этих вузах иногородних обеспечивают общежитием. В МИИТ Хазанкин направился уже вместе с Сашей, подъехавшим в Москву. Обсудили со всех сторон этот вариант и остановились на нем. Теперь Саша не жалеет, что, не теряя года, поступил именно туда, на факультет прикладной математики.

Саша Зайцев с теплотой и юмором вспоминает всю эту эпопею, в которой Хазанкин сыграл решающую роль. «Отдал я документы в приемную комиссию. Пришли мы с Романом Григорьевичем в общежитие. Там уже все поселились. Я был в каком-то оцепенении, и Роман Григорьевич сам выбрал мне комнату, куда

можно было еще поставить одну кровать. Раздобыл кровать у коменданта, притащил откуда-то стулья. Комендант только головой качал: «Ну, проворный мужик у тебя отец». Я говорю: «Это не отец, а учитель». Не поверил.

На экзаменах Саша получил три пятерки и тройку по сочинению. Ничему в жизни так не радовался, как этой выручившей его тройке.

Шестеро, проложившие первый путь в престижные московские вузы, помогли младшим преодолеть робость перед столицей. И это, конечно, было важно. Но у Романа Григорьевича целью было и остается стремление помочь каждому ученику раскрыть себя, овладеть своими способностями, научиться работать на пределе сил, а повзрослев в своем сознании и действиях, сделать наиважнейший выбор — определить свою линию жизни.

ПОВИНОВЕНИЕ СЕРДЦА

К Хазанкину тянутся разные люди, и точки соприкосновения у него с ними тоже разные, хотя в итоге получается, что сплачиваются в коллектив все его ученики. Ну что, кажется, общего между задумчивым поклонником муз, вечно погруженным в книги, склонным к рефлексии мечтателем Сережей Мазуром, студентом-филологом МГУ, и курсантом зенитно-ракетного училища волевым, четким Сашей Будуевым, человеком действия по самому складу его натуры? А ведь в «Сигму», едва приехав в Белорецк, заявили оба. Что же их обоих влечет в лагерь юных математиков? Ведь математика в ее прагматическом, прикладном значении теперь тут вовсе ни при чем.

С пристрастием допрашиваю Сережу Мазура, почему он, прирожденный филолог, избрал математический класс?

Сережа в первый раз увидел Романа Григорьевича, когда учился в седьмом классе. Хазанкин был дежурным учителем и не спеша прогуливался по коридору. На лице его было выражение мысли и спокойного достоинства. Сережа наблюдал за ним исподтишка. Молодой, со вкусом одетый, новый учитель самым своим видом больше воздействовал на окружающих, чем те, кто суетливо и шумно наводит порядок. Пожалуй, именно это его внутреннее достоинство произвело на Сережу впечатление. Приятно было встретить в школе и современного красивого мужчину, хотя это, может быть, наивно звучит. Однако Сережа все запомнил.

Потом он видел его окруженным учениками. От их группы веяло энергией. Чем-то они были увлечены, заняты. И Сережу все больше притягивала эта атмосфера жизни вокруг него, так непохожая на все, что было для него привычным. Потом — сообщения о победах его учеников на олимпиадах. А весной Сергей попал на слет туристов. Там проводили конкурс туристской песни. Роман Григорьевич пел песни вместе с учениками. Пел весело, молодо. Запевал, вел соло. Чувствовалось, что он еще не отошел от своего студенчества. И Сережа выбрал математический класс, потому что боялся упустить возможность учиться среди тех, кто хочет работать и кому это интересно.

Вот ведь оно как! Хочется быть среди тех, кто работает. Кого не заставляют учиться, а кто сам учиться хочет. И опять-таки любопытно: Сережа математикой начал заниматься

с удовольствием, а увлекаться все-таки продолжал литературой.

Как мало мы, в сущности, знаем самих себя, как много возможностей в каждом заложено, какие усилия нужны, чтобы в себе толком разобраться. Литература и математика, как выяснилось, друг другу не помешали. Даже напротив. Сережа и в литературу стал вникать более глубоко и серьезно. Не сосчитать, сколько он прочитал книг в десятом классе. Сережа поступил на филологический факультет МГУ со второго захода. Конкурс туда нелегкий. Что же все-таки дали ему уроки Хазанкина?

«У меня было, к сожалению, мало времени, — признается Сережа. — Я тогда штудировал М. Бахтина, а это, сами знаете, серьезное чтение. Перечитывал Достоевского, читал Эйхенбаума, Шкловского. Математике я не мог отдаваться так, как, скажем, Альберт Кагарманов, для которого это страсть, призвание, но мне было полезно поучиться у Романа Григорьевича, и я ему многим обязан. Его уроки приучили к организованности, дисциплине мысли, исследовательскому отношению к предмету, который выбираешь, и, наконец, к нетрафаретному подходу к явлениям...»

Сережа в лагере весь был погружен в свои проблемы. Вернулся из экспедиции, изучавшей старинные народные обряды, сохранившие элементы языческих верований. Он заинтересован работами академика Д. С. Лихачева, увлечен его «Заметками о русском». Сережа — эрудит, мыслит оригинально. Но весь еще в поисках своего собственного места в науке. Тянет его и в лингвистику, задумывается о возможности работы на ее стыке с математикой. Мне показалось, что

толк из Сережи должен быть, даже если в своих колебаниях от одного к другому он и ошибается в чем-то. Во всяком случае, не о карьере думает, а о работе. Это уже хорошо. Хазанкин пробудил в нем исследователя.

Что же касается его сегодняшней тяги к Роману Григорьевичу, тут Сережа задумался, как же это лучше сформулировать: «Понимаете, Хазанкин — внутренне свободная личность. Не боится браться за любую задачу, не стесняется признаться, что ошибся, не прав, чего-то не знает. Готов выслушать и принять ход мысли другого человека. Мы все ему дороги. Такая деталь. Купил он себе сборник стихов Баратынского, а подарил его мне. Тебе, говорит, это нужнее. А поинтересуйтесь-ка его библиотекой. В семье это единственная ценность, но добрая половина книг всегда на руках у ребят.

— Он хоть записывает, кому отдает книги? — не удержавшись, спросила я.

— Ну что вы! — передернул плечами Сережа.

— И книги не пропадают?

Сережа смутился: «С умыслом, убежден, никто не возьмет, а по разгильдяйству все-таки пропадают. Но дверь в библиотеку Хазанкин все равно не закрывает. Мало того, математические книжки покупает всегда в нескольких экземплярах, чтоб раздавать ученикам».

Эта щедрость — от внутренней полноты, от интереса к людям, к их душевной жизни, их росту и увлечениям. Хазанкин в Белорецке знает не хуже самого просвещенного москвича, какой литературный журнал надо достать, какой фильм не прозевать, какие пластинки нынче в моде. Между прочим, вместе со своим другом-журналистом организовал клуб кинолюбителей.

И хотя во вкусах он устойчив, к новинкам относится без всякой предвзятости.

«Роман Григорьевич человек — открытый для жизни. Человек — для людей, — размышлял Сережа. — А это, поверьте, всегда притягательно».

Впрочем, рассказывал мне потом уже сам Хазанкин, ребята, повзрослев, не остаются в долгу. Студенты-математики чемоданами тащат для школьников брошюры из «Библиотеки математического кружка». А Сережа Мазур привез Роману Григорьевичу «На грани веков» Н. Эйдельмана и Эккермановы «Разговоры с Гете».

Я невольно сопоставила это с тем, что рассказывал Саша Зайцев. Саша, уже студентом, достал абонемент в московский кинотеатр «Иллюзион», стал посещать ретроспективные просмотры фильмов знаменитых мастеров, читать литературу о них. Роман Григорьевич очень заинтересовался. Так, собственно, и родилась идея белорецкого киноклуба. В свою очередь Хазанкин обратил недавно Сашино внимание на Монтеня, которого тогда только что приобрел. Впрочем, взаимность проявляется не только в интеллектуальном общении. Однажды Саша Зайцев посетовал, что подошел покос, пора бабушке помогать, а времени в обрез. Вдруг Хазанкин говорит: «Кто мне приятель-инженер из Москвы приехал, мы тебе поможем...» Помогли.

А вот путь Саши Будуева к сердцу Романа Григорьевича совсем иной, и влияние учителя на его судьбу складывалось иначе, чем у Сережи Мазура или Саши Зайцева. Но тут, в сущности, отдельная проблема. Полезную работу в классе Хазанкин не мыслит без создания крепкого коллектива и сплачивает его отнюдь не

только в учении. Не сговариваясь, один за другим ребята формулировали то, без чего, им кажется, уроки математики не стали бы для них уроками жизни: «Роман Григорьевич умеет разбивать в людях чувство товарищества...»

У Хазанкина такой метод: в самом начале учебного года выкраивает с разрешения директора три дня, включая воскресенье, и отправляется с ребятами в поход! Первый поход он считает закваской, с которой начинается брожение, приводящее собранных с бору по сосенке учеников к слиянию в коллектив. По лесному маршруту и в горы. Чаще всего на гору Малиновка. А места тут дивные. Широта, простор! В походе Хазанкин, заядлый турист, чувствует себя как рыба в воде. Выясняется, что Роман Григорьевич неутомимый ходок, следопыт, в лесу человек смелый и умелый: палатку ли поставить, костер ли в сырую погоду разжечь. Отличный повар, умеющий быстро накормить три десятка человек. Позже, в летнем походе па плотях по Белой, они узнают еще, что он и классный пловец. В тот год, когда я приехала в лагерь, Хазанкин собирался уже в двадцатый раз идти по Белой на плотях. Для него это лучший отдых. Мужская хватка и сноровка чувствуются у Романа Григорьевича во всем. Вполне естественно, что те же качества ценит он и в своих ребятах. А в походе сразу видно, кто смел, мужествен, кто эгоист или нытик. Саша Будуев в первом же походе оказался незаменимым организатором и превосходным товарищем. Раньше всех встанет, самую тяжелую ношу возьмет. Заготавливать ли дрова, принести ли воды, вычистить ли картошку — все у него в руках спорилось, и как-то незаметно остальные начина-

ли слушаться его негромких указаний-просьб. Девочки сразу стали обращаться к нему как к старшему. И Роман Григорьевич отметил для себя это его спокойное умение подчинять себе ребят. Знаешь, на кого можно положиться. Дисциплинированный, безотказный парень, чуткий к чужим заботам.

В этом первом походе и прониклись Роман Григорьевич и Саша друг к другу симпатией. Что же касается математики, то дела у Саши в классе пошли вначале туго. Выручил характер — готовность к самопреодолению. Саша мечтал стать военным. Сперва танкистом, позднее — десантником и, наконец, остановился на самом, с его точки зрения, современном роде оружия — ракетных войсках. С детства весьма сознательно начал готовить себя к будущему. Упорно занимался легкой атлетикой, боксом. Тренировал волю. И когда услышал о математическом классе, то сразу решил, что это ему подойдет, хотя и отдавал себе отчет в том, что в математике несилен. Чувствуя, что исходный уровень у него ниже, чем у одноклассников, Саша выработал свою систему домашней подготовки. Начиная заниматься «легкими предметами». Затем уходил в спортивную секцию, а с десяти вечера до полуночи, перед зачетом же и до рассвета учил математику. Хазанкин Сашу не дергал, не допекал усиленным вниманием, деликатно давал освоиться с нагрузкой и ритмом работы в классе. Но Будуев, может быть, и оставил бы все-таки этот класс, если бы не ребята. И тут помог Саше уже завоеванный им авторитет. Я удивлялась вначале: разве не математика определяет авторитет человека в классе Хазанкина? Нет, не только математика. И это

очень важно для нравственной атмосферы в коллективе.

В походах, в лагере Роман Григорьевич и ребята открываются друг другу с тех сторон, которые в школе не видны, а в жизни имеют весьма существенный вес. Мы жалуемся на недостаток мужского влияния на подростков. Сетуем на отцов, которым не хватает времени на воспитание сыновей. Проблема, однако, и в том, что комнатных условий для воспитания характера отнюдь не достаточно. Жажда испытать свою волю, выдержку — нормальные потребности подростка, потребности возраста. А. С. Макаренко писал: «Нельзя воспитать мужественного человека, если не поставить его в такие условия, когда бы он мог проявить мужество, все равно в чем — в сдержанности, в прямом открытом слове, в некотором лишении, в терпеливости, в смелости».

Забота эта одолевала воспитателей всегда. Три с половиной сотни лет назад Монтень, сетуя на книжность и изнеженность воспитания подростков, искал поддержки у античных философов: «Поразительно, сколько внимания уделяет в своих «Законах» Платон увеселениям и развлечениям молодежи в своем государстве; как подробно говорит он об их состязаниях в беге, играх, песнях, прыжках и плясках». Проблема вечная. Но достаточно ли заботимся мы об этом теперь? Хазанкин заботится.

В походах, в лагерной жизни, в производительном труде Роман Григорьевич учит ребят ценить и укреплять в себе мужество, терпение, преодолевать лень, эгоизм, трусость.

И если Игорь Копылов и Миша Горелов были помощниками Романа Григорьевича по матема-

тической части, то Саша Будуев — его правой рукой в организации труда и порядка, хотя не проявлялось у него ни жесткости, ни железности. В чем-то он оказывался похож на самого учителя.

Их натурам присуще то бессознательно всеми ощутимое чувство справедливости, которое и дает человеку разумную меру требовательности к другим и более высокую к себе.

Ничто так не способствует нашему душевному развитию, как уважение окружающих и их интерес к нам. Роман Григорьевич и создает для ребят такие обстоятельства, в которых каждый может проявить себя с самой сильной стороны, каким-то своим умением заинтересовать других. В лагере для этого есть сто способов: побеждай в соревновании на совхозном поле и в математических боях, участвуй в спортивных играх, в состязании эрудитов, в конкурсе танцоров, в эстафете бегунов, в турнире шахматистов, пой или играй на гитаре у костра, прояви свое остроумие на вечерах КВН, рисуй, фотографируй, сочиняй заметки для лагерной газеты. Трудно даже перечислить все возможности как-либо отличиться. Зато и в классах Хазанкина не бывает униженных и оскорбленных. Ни у кого никакого комплекса неполноценности. И пусть не все блистают математическими дарованиями, но, окончив школу, все уверенно чувствуют себя в любом учебном заведении, на любом месте, потому что утвердились в самом важном — в своем человеческом достоинстве. Саша Будуев, кстати, весьма успешно стал учиться в высшем зенитно-ракетном училище и лидировать там по математике. Упорство его и тут пригодилось. Вообще нельзя не отметить такую закономер-

ность: хорошие ученики Романа Григорьевича в любых вузах страны, в том числе в самых «трудных», занимались и занимаются весьма достойно. Московский университет с отличием окончил Игорь Копылов, МИФИ — Юрий Хомяков (работает теперь в Обнинске, в Физико-энергетическом институте), Физтех — Миша Горелов. В аспирантуре Башкирского университета оставили Сабира Куркумбаева. Саша Свистунов, поступив в Обнинский филиал МИФИ, уже на первом курсе получил патент на изобретение. Олег Доброрадных не только отлично учился в МВТУ, но и увлеченно работал в СКБ института. Отличницу мехмата Таню Сокову включили в группу разработки нового сборника олимпиадных задач.

Закономерность эта объясняется просто. Ребята научились работать и организовывать свою жизнь. В одиночку эти рабочие навыки приобретаются нелегко, в коллективе же черпаешь опыт у других. Сама атмосфера дружного и целеустремленного сообщества, живущего одними интересами, питает каждого, направляет его помыслы, придает бодрость.

Своего мнения Хазанкин ребятам никогда не навязывает, о чем бы они ни спорили: о возможности существования технической цивилизации без человека или о стиле «рок» в музыке. А когда он вмешивается в их споры, то делает это ненароком и метко, находя веские и остроумные аргументы. Ловлю, например, обрывок спора о том, кого считать культурным человеком. Спор затеялся вокруг конкретного лица. И живопись-то он знает, и в музыке современной разбирается, и Вознесенского наизусть шпарит, но эгоистичен, завистлив... Хазанкин ми-

моходом: «Герострат тоже разбирался в искусстве...» Расхохотались, все стало на свои места, а если говорить языком математики, знание искусства — условие необходимое, но недостаточное.

В лагере, улучив свободные минуты, беседуем с Хазанкиным. Какую задачу ему особенно хотелось бы решить? Вместо ответа кивает головой на одного из заметных студентов: «Вот, например, нерешенная задача. Все впитывает в себя с жадностью, эрудирован, а вот отдает другим мало. Хотел бы я в нем эту потребность сформировать».

Спрашиваю, какое занятие у самого Хазанкина вызывает раздражение?

— Балдеж! — отвечает не задумываясь. — Отношусь к нему с остервенением и стараюсь внушить ребятам то же чувство.

— Какого умения не хватает нам сегодня в воспитании?

— Умения доверять и требовать одновременно.

На первом плане для него — человек во всей совокупности желаний, потребностей, устремлений.

...Просыпаются в лагере спозаранку. Утро начинается с зарядки. Командует Саша Будуев. Роман Григорьевич, как и ребята, без рубашки, в спортивных брюках старательно приседает, нагибается в полную силу. Легко, привычно бежит по кругу с учениками наравне, почти не выделяясь в цепочке бегущих. А после завтрака Саша Будуев поведет девичью команду на уборку лука и укропа. С девчонками он управляется лучше всех студентов: и пошутит, и поможет, и комплиментом одарит. Надо ли ночью лагерь

охранять, когда все на костер уйдут, или, наоборот, привести всех из лесу, проследив, чтоб там ни искры от костра не осталось, надо ли народ на срочную и тяжелую работу организовать — Саша Будуев тут как тут. Роман Григорьевич за ним как за каменной стеной.

Место здесь райское. Горы вокруг. До реки Укшук два шага. Рядом лес с грибами. И до города близко. Спортсмены каждый день ездят из лагеря на велосипедах тренироваться в свои секции. Вечером появляются соскучившиеся родители с провизией подкормить своих «беглых» потомков.

Поздним вечером сидим у костра в лесу. Потрескивают сухие еловые сучья. Пламя то разгорается, то сникает. Переходит из рук в руки гитара. Чаще всего она у Игоря. Поют негромко, вполголоса. Окуджаву сменяет старинная казачья песня с озорным припевом. А Романа Григорьевича тянет к туристской романтике. Впрочем, какую бы песню ребята ни затянули, он у каждой знает слова. И слушает чутко, с удовольствием.

Есть в этом общении у вечернего костра какая-то возвышенная просветленность, когда душа обнажена, чувства обострены, и не дай бог прозвучать тут фальшивой ноте.

Роман Григорьевич собрался уходить со школьниками в лагерь, мне показалось, в самый подходящий момент, чтобы оставить еще на часок студентов одних у костра. Они все-таки вольные птицы.

Когда собираются у костра люди молодые и близкие друг другу, как-то особенно чувствуется прелесть юности, для которой все еще впереди. Летом в студенческие годы после рабочего

дня на стройке в прохладной звездной полутьме северных вечеров мы так же сидели у костра, пели:

Я не знаю, где встретиться
Нам придется с тобой,
Глобус крутится, вертится,
Словно шар голубой.
И мелькают города и страны,
Параллели и меридианы,
И таких еще пунктиров нету,
По которым нам бродить по свету...

Все-таки немало хорошего сбылось из того, о чем тогда пели и мечтали. «Не дай душе твоей забыть, чем силы в юности кипели». Было бы только что помнить.

Педагогика у Хазанкина в крови. Как шахматист, видит он на семь ходов вперед. Умеет вдохнуть в обстоятельства, которые сам же предлагает, некий высший смысл. Не подумала бы, что у подвижного как ртуть кудлатого парня Тимофея Шишкина превосходная математическая голова. Сила так и играет в его мускулах — то он бегает, то прыгает, то куда-то уносится на велосипеде. Только вечером вижу его причаленным к скамейке — пришли отец с сестренкой. А у Романа Григорьевича тут же вспыхивает идея. Команды студентов и школьников играли друг против друга в волейбол вяло. И Хазанкин бросает клич: сборная лагеря против двух Шишкиных — отца и сына. Все население лагеря тут же сбегается на площадку. Ах, как красиво играют отец и сын, так, словно вся их судьба решается в эти мгновения! Зрители ликут, когда победу одерживают двое Шишкиных. Мальчишки в восторге от старшего из них, и я вижу, какой гордостью светятся

глаза младшего. А ведь подобные минуты немало значат в жизни. Кто бы сказал, что Шишкину-старшему нелегко даются отношения с сыном. Однажды отец в отчаянии после бурных словесных излияний схватил ремень и сунул Тимке в руки: бей меня за то, что не умею тебя воспитывать. Николай Васильевич это сам мне рассказал после игры. Все время, сетовал он, приходится придумывать для Тимофея нечто такое, что ему захотелось бы преодолеть, иначе начинает шалопайничать. И чего только отец не делал! Увлёк сына волейболом. Таскал с собой в походы. Наконец, определил по совету приятеля в математический класс. Исключительно в надежде на чудо. И, к удивлению отца, чудо состоялось!

Тимофёй начал учиться. Прежде залетит на минуту из школы домой — только его и видели до ночи. Теперь часами не поднимает голову от задач и книг. Один из способнейших школьных математиков. Такой поворот судьбы. Но Роману Григорьевичу кажется, что Тимофёй ещё не до конца в себя поверил, надо в пем эту веру укреплять. Его нельзя упускать из виду. Друзья-то у него пока ещё на стороне. Однажды пришлось Хазанкину хлопотать за Тимку даже в детской комнате милиции. Тимофёй сидел перед инспектором, склонив голову, когда Хазанкин пришел его вызволять. Инспектор по делам несовершеннолетних спросила: «Это случайность? Вы уверены?» Учитель сказал: «Да, готов поручиться». И вот теперь задача — поднять авторитет Тимофея среди ребят в классе. И Роман Григорьевич засыпает его поручениями, благо в этом парнишке словно вечный двигатель работает. Ввел в олимпиадную команду.

Есть непреложный закон воспитания, на котором сходились все великие педагоги: человека нельзя принудить стать лучше. Можно заставить его подчиниться обстоятельствам, правилам, требованиям, но нравственный рост его возможен только тогда, когда пробуждена его собственная тяга к самосовершенствованию, и потому нужны условия, которые пробуждали бы в душе это стремление.

Размышляя о своих педагогических действиях, Роман Григорьевич заметил: «Ребята не любят наставлений, выговоров, безапелляционных суждений. Я тоже не люблю. И всегда пытаюсь ставить себя на их место».

К его советам прислушиваются и выпускники, и их родители. Ольгу Емченко по ее просьбе распределили после окончания университета в Белорецк на завод. Брала ее там в лабораторию. А Хазанкин уговорил ее пойти работать в школу учителем физики. Я была свидетельницей одного их разговора. И, слушая Хазанкина, подумала, что на месте Ольги тоже, наверное, не устояла бы. Он расписывал ей, как они вместе будут соединять пути математики и физики и как это притягательно — помогать людям раскрывать себя в самую лучшую их пору. Но думаю, что на решение Ольги повлияли не только слова: она видела перед собой Учителя. Мне рассказывали, какую роль сыграл Роман Григорьевич в жизни ее младшего брата. Олег очень высок ростом и отлично играл в баскетбол. Но однажды упал на баскетбольной площадке и сломал обе руки. Случилось это как раз в десятом классе. Парень был в отчаянии. И Роман Григорьевич стал с ним заниматься. Писать Олег не мог. Все на слух. «Не слушает, а ест

глазами», — вспоминал потом Хазанкин. И Олег не только не отстал от ребят, но так продвинулся, что рискнул готовиться в Физтех и успешно поступил на факультет космических исследований.

В один из моих белорецких вечеров я долго ходила по дорожкам лагеря вместе с отцом Емченко, главным инженером белорецкого завода. Говорили о Хазанкине. При его огромных знаниях и опыте учитель никогда не репетиторствовал. К нему с таким предложением и подступиться-то никто не решился бы. Он внушает уважение своим умением высоко ставить и беречь свое профессиональное и человеческое достоинство. Для него равны все родители его учеников, со всеми он дружелюбен и внимателен, в требованиях своих ко всем одинаков. И потому, как ни занят был на заводе старший Емченко, вместе с учениками и другими родителями участвовал в ремонте школы, когда понадобилась тут срочно рабочая сила. «Хазанкину разве можно отказать?»

Не умозрительными доказательствами, а только примером, достигающим сердца, побуждают людей благодарить за добро или помогать ближнему, писал в «Последних мыслях» человек, умевший доказывать, великий математик Анри Пуанкаре: «...Повиновение сердца не может быть принудительным». Да, трудно стать любимым учителем! Он ведь не показывает пример, он так живет.

По соседству с «Сигмой» в пионерском лагере отдыхали дочери Романа Григорьевича. В свободное время забегали к нему, и сразу было видно, какой он трогательный и ласковый отец. Приезжала из города к Роману Григорьевичу

его мама, он долго и почитательно гулял с ней по лагерю под руку. Жизнь учителя на виду. И то, что он добрый сын, муж и отец, тоже по-своему воздействует на окружающих. Молодость всегда тянется ко всему естественному, крепкому, здоровому.

После поездки в Белорецк получила я как-то письмо от Романа Григорьевича Хазанкина. Прочитую некоторые выдержки из него: «Работать по-прежнему интересно и, что самое главное, есть с кем... Физику в моих математических классах ведет Оля Емченко, ведет очень талантливо, многие ребята здорово увлеклись физикой. Мне будет жаль, если она уйдет в аспирантуру. Был на встрече со студентами Магнитогорского пединститута. Рассказывал о своей работе каждому курсу. Результат встречи превзошел все ожидания. Как выяснилось, многим студентам (впервые!) захотелось стать учителями, а некоторые пятикурсники просили распределить их в Белорецк...»

Могу их понять. Он из числа людей, притягивающих своим богатством. Помните, у Маркса: *«Богатый человек — это в то же время человек, нуждающийся во всей полноте человеческих проявлений жизни, человек, в котором его собственное осуществление выступает как внутренняя необходимость, как нужда»*.

...Я не знаю, станет ли кто-нибудь из знакомых мне белорецких ребят звездой на небосклоне науки, но не сомневаюсь в том, что будут они мыслящими работниками. В маленьком Белорецке воспитанники Хазанкина почувствовали волшебную ауру науки — через «Квант», ступеньки олимпиад, собственное научное общество учеников и через своих товарищей, пе-

реступивших пороги лучших вузов страны. А у истоков многогранной работы с любознательными, способными, не пугающимися самоотверженного труда ребятами стояли люди, достигшие вершин,— первый глава Сибирского отделения Академии наук Михаил Алексеевич Лаврентьев, академики Колмогоров, Кикоин. По дорожкам, которые они прокладывали, прошли те, кто теперь уже говорит свое слово в науке.

Однажды в школьном лесничестве я ездила с юными лесоводами в питомник на прополку елочек. Оттуда зашли мы в молодой ельник. Потом прогулялись с лесничим Павлом Дмитриевичем Симаковым по лесу, который сажал он мальчишкой, когда отгремели под Юхновом бои, покалечившие природу в округе. Мне, если б не знать, и в голову не пришло, что этот лес выращен. Первый раз я тогда не только увидела, но и почувствовала жизнь леса, его медленное созревание, в которое вкладывается кропотливый и долгий труд. Так и с человеческими талантами. Со стороны не подумаешь, сколько вкладывается в их рост и ума, и сердца, и энергии. И как же полезно все это почувствовать, не только узнать. Но чтобы человек осуществил свои задатки, мало поддержать и направить его дарование. Личность определяется еще и характером, целеустремленностью. Ведь «возможности наши зависят от того, на что мы дерзнем»! А характер закладывается в детстве, как та чистая нравственная основа, на которой вырастает потребность в серьезной цели.

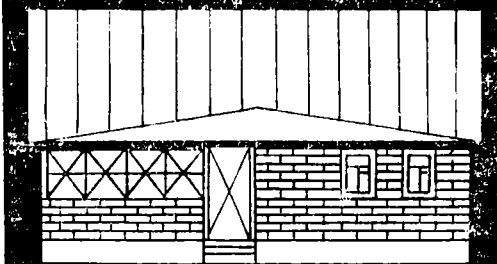
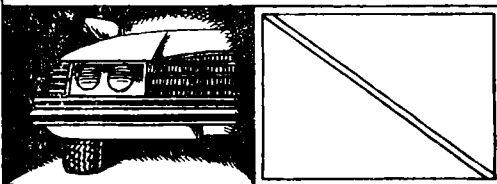
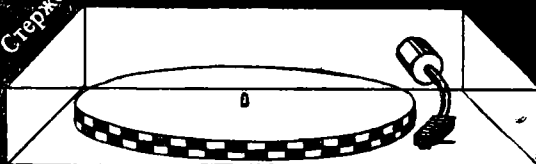
В кантовском трактате «О педагогике» есть такое созвучное, мне кажется, нам рассуждение:

«Родители воспитывают обыкновенно своих детей только так, чтобы они годились для современной жизненной обстановки, хотя бы и далекой от совершенства. Но они, собственно, должны были бы воспитывать их лучше, чтобы тем самым вызвать к жизни лучшее будущее». И далее: «Ребенок должен научиться действовать по принципам, в справедливости которых он сам убежден... Если же наказывать ребенка за дурное и награждать за доброе, то он будет делать добро ради выгоды. Когда он будет жить в свете, где не всегда бывает так и где он может делать добро, не получая награды, и зло, не получая наказания, то из него выйдет человек, который только и будет смотреть, как бы ему хорошенько устроиться в мире, и который будет хорошим или дурным, смотря по тому, что он найдет для себя более выгодным... Первая забота при моральном воспитании — выработать характер. Характер — это способность действовать по принципам».

Не о том бы думать иным из нас, как лучше «устроить» своих детей, а о том, как помочь им выработать такой характер, чтобы человек, не боясь сопротивления обстоятельств, полнее и смелее раскрыл свои возможности для себя, для людей, для общества.

Стержень характера

УЧИТЕ ДЕЛАТЬ ДОБРО!

Первые представления о ценностях, первые навыки социального поведения, первые уроки коллективизма человек получает в семье. Воспитывая, мы, в сущности, пробуждаем и направляем его потребности и желания. Но всегда ли ясно различаем сами то направление, которое даем?

Родители удивляются и сердятся, когда малыш, получив в подарок дорогую машину или нарядную куклу, тут же начинает их разбирать, ломать, раздевать. Но ребенок не владеть хочет дорогой и красивой вещью — ему интересно знать, как она устроена. Его потребность — узнавать. А мы боимся, что он расточителен. Мы хотим, чтоб он любовался вещью, берег ее. Не потому ли у детей самые дорогие игрушки — нелюбимые?

Они бесполезны, бессмысленны, неразумны. Но родителям приятно их сохранять, этих огромных мохнатых зверей и расфуфыренных кукол. Приучая их ценить, не сеем ли мы первые семена «вещизма» у детей?

В наше время родилось это странное слово — вещизм. Слово-кентавр, с корнем из родного языка срастился иностранный суффикс. Но оно пришлось кстати, обозначив и явление по сути

своей нам чуждое — страсть к вещам показным, парадным, престижным. Символам преуспевания и превосходства.

Никто не назовет неразумной саму по себе потребность людей в современном комфорте. Вызывает же осуждение рабское отношение к вещам, превращение их в фетиш, которому могут быть принесены в жертву собственные нравственные принципы и здоровье, покой и счастье других людей. И тут не имеет значения, идет ли речь об экзотических «тряпках», книгах, даче, антиквариате, украшениях. Предметы могут быть разными — все зависит от среды, в которой человек стремится выделиться, поднять свой престиж. Потребности неразумные продиктованы тщеславием, стяжательской алчностью, мещанским снобизмом, хотя сам человек редко себе в этом признается.

Возможно ли управлять желаниями ребенка, подростка?

Если б, как в сказке, собрать совет добрых фэй у колыбели новорожденного и попросить их одарить младенца, кто бы отказался, чтоб он рос талантливый, трудолюбивый, энергичный, самостоятельным, добрым, смелым, мужественным... Но вот малыш хочет мыть с нами посуду, копаться на огороде. А мы, торопясь, отваживаем его от этих занятий, не задумываясь, что у него просыпается великая человеческая потребность — бескорыстный интерес к процессу труда. Пройдет время, и мы, может быть, будем уже заманивать его трудиться посулами и наградами, не отдавая себе опять-таки отчета в том, что сами пробуждали в нем потребителя.

Взрослые часто завоевывают себе авторитет самым легким для них способом: подарками,

поблажками, перекладыванием мелких трудностей детей на собственные плечи. С годами, однако, ноша становится все тяжелей.

Имея в виду родителей, которые в конце концов позволяют детям сесть себе на шею, Эрве Базен, французский писатель, много книг посвятивший семейным проблемам, укоризненно заметил: «Уважайте себя, уважая детей».

В Институте общей и педагогической психологии группа ученых под руководством Софьи Густавовны Якобсон провела интересный эксперимент.

Мальчикам шести-семи лет предложили распределить игрушки в группах из трех человек. Из девятидесяти малышей семьдесят разделили игрушки поровну, а двадцать большую часть забрали себе. Психологи продолжили опыт только с группой маленьких эгоистов. Картину их поведения спроецировали на кукол. Деревянные матрешки на глазах детей делили цветные кружочки и квадратики: одна распределяла их честно, другая — эгоистично. Кукол назвали именами героев сказки: справедливую — Буратино, а жадную — Карабасом. Дети, как и следовало ожидать, были на стороне Буратино и осуждали Карабаса. Но в эксперименте с игрушками сами вели себя по-прежнему. Не могли отказать себе в удовольствии взять побольше игрушек.

Тогда одному из подопечных исследовательница перед началом очередного опыта сказала, что другие дети называют его Буратино и восхищаются им. И тут впервые этот мальчик взял себе меньше игрушек, чем отдал другим. Ему оказалось приятно почувствовать себя Буратино. Узнав, что окружающие считают их справедли-

выми и восхищаются ими, изменили свое поведение и другие маленькие эгоисты. Опыт повторяли несколько раз, и выяснилось, что нравственный результат закрепляется.

Помочь человеку улучшить, возвысить его представление о самом себе — значит, в сущности, натолкнуть и на возвышающие его поступки.

Желание получить удовольствие чаще всего сильнее страха перед наказанием. Что же можно противопоставить удовольствию от дурного поступка? Удовольствие от поступка хорошего. Радость почувствовать себя сильным, помогая слабому, а не обижая его. Радость дарить, а не отнимать.

Расскажу об эпизоде, ставшем счастливым открытием в семье. Мать читала вслух басни Крылова. Слушателю было семь лет.

— Тебе нравится муравей?

— Нет,— ответила девочка.

— Почему же? Он трудится, а стрекоза легкомысленная, ленивая.

Девочка задумалась:

— Не знаю... Стрекозу жалко.

Мать ухватила за этот поворот мысли:

— А как бы ты поступила на месте муравья?

— Приютила бы ее на зиму.

— Значит, тебе не нравится муравей из-за его равнодушия к чужой беде?

Но ведь легко воспринять басню и плоско: молодец муравей, все лето работал и теперь в достатке, а беззаботная стрекоза наказана. Бери пример с муравья!

Толчком к этому размышлению послужил разбор басен в книге Л. С. Выготского «Психология искусства», которую мать читала

в то время. Ей захотелось проверить, как чувствует ребенок поэтический подтекст.

С тех пор разговоры после домашнего чтения вошли у них в привычку.

— Мама, давай читаем и поговорим! — все чаще просила дочка.

Вопросы возникали неожиданные и непростые. Когда и почему взрослые не понимают детей? Это после «Маленького принца». Можно ли на всю жизнь с детства сохранить дружбу? Это когда читали «Белеет парус одинокий».

Девочка боялась темноты. И вот при свечах слушала «Кентервильское привидение» Уайльда, веселую сказку о том, как дети затравили и изгнали могущественный злой призрак. Представьте, помогло.

Девочка выросла. И как о самых дорогих часах детства вспоминает о непринужденном, на равных, общении с матерью. Именно тогда, как ей кажется, в этих беседах за книгой, в поездках в весенний лес, в старинные города, укрепились их душевная близость.

Позволю себе еще раз сослаться на заповеди воспитания в семье, написанные Базеном. Они дают повод задуматься. Из заповеди седьмой: «Поразительно, как много молчат в семьях!.. Однако именно о семье можно сказать: «Вначале было Слово»... Вызывайте детей на разговор о вашей работе, об их труде... Спорьте, ссорьтесь, не избегайте никаких тем». Из заповеди пятой: «Отказ — тоже дар, более трудный, потому что он нас унижает, но он приносит больше пользы, потому что учит отличать необходимое от лишнего». Из заповеди восьмой: «Всё должно делаться сообща: домашние поделки, мытье посуды, покупки, уборка, выбор развле-

чений и маршрутов поездок... Это самый верный способ для того, чтобы они (дети) чувствовали себя не в гостях у родителей, а у себя дома».

Раздумывая о том, как же влияет домашняя атмосфера на становление характера и направление потребностей человека, я часто вспоминаю историю, которая на первый взгляд может показаться странной. Но как раз в такого рода ситуациях резче, явственнее проявляют себя закономерности нравственного становления человека. Каким будет направление желаний человека, в немалой степени зависит от его окружения, от тех людей, влияние которых окажется решающим.

ДОБРО ИЛИ НАСЛЕДСТВО?

Дважды распадались семьи, в которых рос Гриша. Когда мальчику было одиннадцать, отец и мать его расстались. Сып предпочел жить с отцом. И вот неожиданно для окружающих Гриша ушел от отца следом за мачехой и ее детьми.

Гриша, когда я с ним встретилась, был худощав, высок, угловат, но внешне, пожалуй, уже не выглядел подростком в свои шестнадцать лет. И взгляд его был по-взрослому прям и тверд. Держался Гриша сдержанно, но не робко. Чувствовался в нем характер — упорный, независимый, склонный к сопротивлению обстоятельствам. А обстоятельства, в которых Гриша очутился, и, главное, решение, которое он, столкнувшись с ними, принял, оказались суровы и необычны. Сознывая это, он был настроен, недоверчив и внутренне собран, сжат как пружина.

Мы разговаривали долго. Он охотно обсуждал со мной выбор будущей профессии, но о семье с ним говорить было тяжело. Лицо его сразу стало новилось отчужденным:

— Меня все спрашивают о том, чего не объяснишь в двух словах.

— Ну а если коснуться лишь существа?

— Когда я уходил, отец сказал, что в нашей семье предателей не было. А раз, он считает, я позорю его фамилию, могу взять себе другую. Хотя бы девичью фамилию мамы.

— Твоей родной матери?

— Мамой я зову Людмилу Александровну.

— А как же родители? Не рубишь ли ты сплеча?

— Мать обходилась без меня пять лет, а отец не думал обо мне, когда ломал семью.

— Ты решил ему что-то доказать своим уходом?

— Я хочу жить с теми, кто мне близок.

Из дома ушел не изгой. Ушел тот, с кем связывали будущее, — наследник, которому, кстати, было что наследовать, если говорить о земных благах. Родные были ошеломлены.

Когда расходились родители Гриши, мальчик не случайно выбрал отца. В то время Алексей Григорьевич увлеченно возился с сыном: сажал рядом с собой за руль машины, брал в поездки, разговаривал с ним, как со взрослым. И мать поощряла близость двух мужчин — большого и маленького.

Из дома отец и сын ушли вдвоем. Вещей супруги не делили — разделили только детей. С матерью осталась младшая сестра Гриши. Сознал Алексей Григорьевич опасные последствия такого шага или нет, но он сделал все от него

зависящее, чтобы Гриша сердцем оторвался от матери. Мальчик избегал встречи с ней, не взял от нее подарка в свой первый же после разрыва родителей день рождения. И мать не смогла противостоять напору Алексея Григорьевича. Он отверг ее тогда со всей нетерпимостью своей крутой натуры. Впрочем, я не раз сталкивалась с такой позицией бывших супругов. «Мой ребенок», — с безоглядной убежденностью заявляет тот, с кем остались сын или дочь, и вкладывает в это «мой» всю полноту понятия собственности. И если воздух, которым дышит ребенок, насыщен недоброжелательством к родным, от которых он отрезан, эта внешне незримая преграда становится неприступной.

От сестры Гриша отдалился. Связь с матерью полностью прервалась. Без нее рос, судил о ней, как приучали. И она стала для него чужой.

Алексей Григорьевич и Людмила Александровна поженились, когда Грише шел тринадцатый год, а ее собственным дочерям исполнилось шестнадцать и девять. Оба были давно знакомы и рисковали обдуманно, соединяя в одну семью немаленьких уже детей и обещая друг другу взаимную заботу о них. Людмила Александровна знала, что с Гришей будет нелегко. До нее из этого дома уже ушла одна кратковременная хозяйка. И Людмилу Александровну предупреждали друзья и знакомые, что мальчик избалован, дерзок, эгоистичен. Весь, мол, в отца, замучаешься с ними обоими. Но решимость Людмилы Александровны эти предупреждения не поколебали.

С первых дней мачеха не делала различий между детьми, но и подлаживаться к Грише не стала, хоть чувствовала: Алексей Григорьевич

настороже, как бы не обидели сына. Столкновение не замедлило случиться. Гриша грубо стукнул младшую из сестер. Людмила Александровна обрушилась на него со всей силой своего недюжинного темперамента. Алексей Григорьевич хлопнул дверью и неделю с ней не разговаривал. Гриша тоже молча хлопал дверьми. Но мате́ха молчать не умела. «Ты же мужчина,— взяла она Гришу в оборот.— Ты должен быть сильным и добрым. Таким я хочу видеть сына».

Она старалась сродниться с мальчиком, за воспитание которого взялась с присущей ей энергией.

Заметив, как легко ранить его самолюбие, поддерживала в нем уверенность в его силах. Рассеянный, Гриша учился неровно, бессистемно. Нередко приносил из школы двойки. Она стала ему помогать. Сама учила с ним уроки. Терпеливо, настойчиво, без упреков. Во время экзаменов за восьмой класс взяла отпуск, чтобы быть с Гришей рядом. И на похвалу, на радость по поводу самого малого Гришиного успеха была щедрой. Могла шестым чувством угадать миг, когда он нуждался в утешении или ласке. Гриша часто болел, и Людмила Александровна возилась с ним больше всех, пребывая в вечной тревоге за него. Однажды, рассердившись на ее замечание, он в одной рубашке выскочил на зимнюю улицу. Не успев набросить пальто, она кинулась за ним: «Гришенька, милый, простудишься...» Она умоляла его вернуться, он упрямылся, злой, взъерошенный. Она обняла его за плечи, укрывая от ветра: «Давай помиримся». Протянула мизинец, улыбаясь сквозь слезы. И обида его растаяла. Как-то студенным утром шли вдвоем сдавать молочную по-

суду в магазин. Гриша забыл варежки. Заметив, она тут же сняла свои: «Немедленно надевай...»

Казалось бы, ерунда какая-то, сантименты. В скобках замечу: отец обещал устроить Гришу на водительские курсы, давать ему свою машину. Машина и варежки — сравнимо ли? И все-таки Гриша варежки запомнил.

В жизнь Гриши вместе с Людмилой Александровной вошла и Аля. Она была старше его на три года, но держалась на равных и стала верным товарищем. Гриша обрел себе семью, в которой его полюбили. Только отец как раз в эти годы отстранился от него. Алексей Григорьевич целиком погрузился в свою работу, занялся докторской диссертацией. Это совпало с повышением его в должности. Он стал руководить крупным учреждением. Возвращаясь вечером домой, тотчас углублялся в книги или ложился на диван с газетами. Разговаривал с Гришей изредка, да и то лишь мимоходом. Как-то решил было взять сына с собой на охоту. Гриша обрадованно готовился к этому событию, с гордостью рассказывал о предстоящей поездке в школу. Но отец, забыв даже предупредить сына, внезапно уехал с приятелем, нагрянувшим на Кавказ из Москвы. Иногда Грише хотелось взорваться, выговориться, но холодность отца его сдерживала. С девочками отчим был неласков, старшая, Аля, все чаще его раздражала, и он, не сдерживаясь, колот ее обидными замечаниями.

Со второй женой и детьми Алексей Григорьевич поселился вместе с отцом, вышедшим на пенсию. Дом принадлежал деду — внушительный дом, рассчитанный на большую семью. Рядом был еще и маленький дом — «временка», как они его называли, хоть прежде жили в нем.

Но прописывать невестку с дочерьми дед в этом поместье категорически не захотел, наследовать имущество будут сын и внук, чужих наследников не надо. Людмила Александровна и не настаивала. У нее была полученная еще до замужества двухкомнатная квартира, в которой жила теперь ее мать. «Девочки подрастут — там и устроятся, — думала она. — Как-нибудь все само образуется». События приняли, однако, иной оборот.

Свекор невзлюбил невестку и, не стесняясь, давал это понять на каждом шагу и ей и сыну. Правда, пока невестка ухаживала за свекровью, прикованной к постели, он еще как-то терпел ее, но, когда та умерла, атмосфера в доме накалилась до предела. И Алексей Григорьевич наконец захотел поставить точку в отношениях с женой, решив, что две семьи так и не соединились. Ему в голову не приходило подумать, как встретит развод Гриша. Сын был его плотью, и отец не мыслил его жизнь отдельно от своей. А Гриша, глубоко привязавшись к Людмиле Александровне, тоньше всех чувствовал ее страдания. И впервые в жизни он осудил отца, не находя в нем справедливости и великодушия. Так начался его бунт. И однажды он заявил отцу, что уйдет вместе с мачехой. Если б Алексей Григорьевич не отвык смотреть в глаза сыну, он бы насторожился. Но отец даже не догадывался, какой переворот совершался в эти дни в душе сына.

Малыша привязывает к родителям инстинкт, подрастающего человека — духовная близость.

В жизни семьи наступает рано или поздно этап, когда дети сознательно принимают или отвергают то, что мы исповедуем, чем дорожим,

как живем. И тогда либо отдаляются от нас, либо по-новому глубоко реднятся с нами. Чаше всего это происходит постепенно. Мы вообще обычно с опозданием замечаем, как взрослеют дети. Но бывает, что конфликтные обстоятельства резко ускоряют процесс кристаллизации наших новых отношений с повзрослевшими детьми. Они начинают нас уважать или внутренне отчуждаются от нас. Так и Гриша, узнав о решении отца развестись с Людмилой Александровной, впервые взглянул на него словно бы со стороны, анализируя всю цепь событий, совершавшихся в их доме.

Гриша вспоминал, как возилась Людмила Александровна с его покойной бабушкой во время ее долгой болезни, ни у кого не прося помощи. Как безропотно таскала с базара и из магазинов тяжелые сумки с продуктами. Они с Алей при случае помогали ей. Но отца никак нельзя было уговорить сесть в таких случаях за руль и подвезти жену: ему всегда не хватало на это времени. Гриша вспоминал споры Людмилы Александровны с подругой, работавшей под началом отца. Та часто жаловалась на его деспотизм и несправедливость, а Людмила Александровна его защищала. Но факты оказывались упрямыми, и нелегко давалась ей эта защита. А как старалась она сгладить грубость отца и деда по отношению к Але и к своей матери! Она защищала отца перед всеми, хотя перед ним самим никогда не лебезила и говорила ему то, что думала. Свои разговоры они вели не при детях, но Гриша и Аля догадывались об их ссорах по отдельным репликам, намекам, по их настроению. В семье трудно утаить взаимное недовольство.

Отец нередко бывал жесток. И хотя большей частью это касалось Людмилы Александровны и девочек, Гриша тоже чувствовал себя задетым.

И вот мальчик оказался перед выбором: принять позицию отца и деда и отречься от Людмилы Александровны, которую искренне полюбил, порвать отношения с ее матерью и девочками или доказать отцу, что тот поступает бездушно. Но как?

Гриша не знал этого.

А отец не считал нужным серьезно и откровенно поговорить с сыном и сделал роковой шаг — унизил его в минуту, когда мальчик чувствовал себя защитником обиженных.

— Я тебя ремнем пригоню обратно, если уйдешь, — осадил он Гришу, когда тот заикнулся об уходе с мачехой.

Людмила Александровна с детьми вернулась на старую квартиру и тотчас же уехала в долгую командировку. В доме остались одни мужчины. Грише разрешили перебраться во «временку», стоящую во дворе. Он перенес туда книги, стереосистему, пластинки. Ему купили новый письменный стол. Отец объясняться с ним после ссоры не стал, но, как бы между прочим, заявил, что, как только сын подрастет и сможет получить водительские права, они с дедом купят ему машину. Нарисовал сыну и его будущее. После школы — тот же институт, который окончил сам, потом отдаст его в хорошие руки — кому-нибудь из друзей на выучку. Словом, обещал обеспечить карьеру. Но радужные перспективы Гришу не обрадовали. Даже слова о машине пропустил он мимо ушей. Тосковал по утраченной семье. Тосковал с каждым днем все сильнее. После школы стал захаживать к

бабуле, как он звал мать Людмилы Александровны. Та, встречая его, накрывала на стол. Аля рассказывала о происшествиях дня. И Гришу нестерпимо потянуло в скромный уют этой квартиры, согретой привычным теплом.

Отец стал заглядывать к нему во «времянку», но беседы у них не клеились. Гриша чувствовал: заговори он с отцом о Людмиле Александровне, тот опять оборвет его, как ребенка.

В опустевший дом сын упрямо не шел. И настал день, когда Гриша, собрав в две сетки учебники и кое-что из одежды, сказал отцу: «Ухожу». Отец рассвирепел, а пришедшая в гости тетка с криком кинулась наперерез. Гриша поставил сетки на пол и ускользнул в чем был.

Узнав от Али, что Гриша готовится уйти из дому, Людмила Александровна пыталась было его отговорить:

— Ты не ребенок, но и не взрослый. Куда же ты пойдешь?

— Пока не знаю, но решил твердо.

По тону Гриши она поняла, что для него это не слова. Характер у парня сильный, упорный. Она это знала.

— Чем тебе помочь?

— Я бы остался с вами, но боюсь стать на хлебником. Вы и так сделали для меня много добра.

Гриша смотрел на нее испытующе. И она подумала о том, как много зависит от ее решения. Обманет ли она его доверие? И что с ним будет, если он окажется теперь один, всех от себя оттолкнув? Что ей делать?

Проще всего было, конечно, уйти от ответственности и предоставить Гришу его судьбе. Но Людмила Александровна испугалась, что он

наломает дров. Чего доброго, сбежит куда-нибудь, попадет в беду.

— Хорошо, оставайся. Но, как только захочешь вернуться к отцу, я удерживать тебя не буду,— сказала она.

...Чтоб побыть вдвоем, встретились мы с Людмилой Александровной в уголке парка. День выдался душный, жаркий. Место выбрали в глубокой тени под деревьями. А когда солнце начало припекать, я нечаянно взглянула на часы: сели на скамейку здесь утром, а стрелка продвинулась уже далеко за полдень. Но Людмила Александровна не замечала времени.

— Минутами я теряю ориентир, в чем права и в чем виновата,— волновалась она.— Меня вызывали в прокуратуру за то, что незаконно увела и якобы удерживаю чужого ребенка. Говорили: мы поднимем против вас общественность. Посылали мне на работу письмо, чтоб там занялись моим «воспитанием». Меня вразумляли: вы ему чужая.

Она говорила горячо, торопливо, словно боясь, что я оборву, не дослушаю.

— Да, я не имеею прав на Гришу. Их не дают ни моя сердечная привязанность к нему, ни моя забота о нем. Но разве не вложила я в этого ребенка часть своей души, если Гриша стал называть меня мамой? Так могла ли я выпшвырнуть его на улицу, когда он ко мне пришел? Мне твердили: вы опустошаете его душу, лишая любви к родителям. Вы обязаны его вернуть им. Но Гриша не ребенок, которого можно отвести домой за руку. А родные не нашли ничего лучшего, как заявить после его ухода, что мы с Алей «оказываем на подростка порочное влияние». Абсурдность предположения легко было

доказать. Но представьте себе, что испытывал Гриша, выслушивая все это, как говорится, в «казенном доме»? А Аля? Полагаю, вы поймете наши чувства. И я должна еще убеждать Гришу, что его родными движет любовь к нему, что они желают ему добра. Я не понимаю такой любви. И не хочу, чтобы эти люди искалечили ему душу.

Алексей Григорьевич словно бы не видел, что мальчик вырос. Что это личность со своим характером, со своими взглядами, со своей волей. Гришу вызывали в прокуратуру, в милицию. Но он домой не шел. И тогда его на время оставили в покое. Дома остались новый костюм, любимые вещи. Но Гриша не вернулся за ними. Целое лето Гриша работал на пилораме, чтобы заработать на зимнюю одежду. Ни одной лишней копейки не истратил за несколько месяцев, хотя раньше не знал ограничений в расходах. «Такой был сладкоежка, а тут вдруг заявил, что мороженое терпеть не может», — вздыхала Людмила Александровна.

Я встретила с родителями Гриши, и совершенно неожиданно для меня выяснился новый поворот событий. Алексей Григорьевич, изумив всех, вернулся к первой жене — матери Гриши. Мы разговаривали уже вместе. Она была против того, чтобы добиваться возвращения сына из-под палки, понимала: силой его теперь не возьмешь.

Когда я мысленно прослеживала линию поведения Алексея Григорьевича, убеждалась, как мало он думает об отношениях с сыном, о сущности человеческой близости вообще. Он словно бы и не видел, что у сына тоже есть чувство собственного достоинства, не предполагал

у Гриши естественной, как у всякого человека в отрочестве, обостренной потребности в уважении окружающих. Только на материальные блага, которые сулил сыну, делал ставку Алексей Григорьевич, не допуская мысли, что эти блага не заменят мальчику самоуважения.

Отец жаждал вернуть сына домой.

— Сколько ему было дано: неужели ничто не шевельнется там?—обращаясь ко мне, Алексей Григорьевич театрально прижал руку к груди и покачал головой. На лице его мелькнуло выражение, которое я уже видела у Гриши: они оказались разительно похожи внешне — отец и сын.— То, что мой ребенок не со мной,— это моя боль. И если с ним что-нибудь случится, прощения им не будет.

От сына Алексей Григорьевич отступаться не хотел. Отец предложил прописать Гришу в квартире, куда семья переселилась от деда. Сын отказался. Отказался Гриша и переезжать в другой город в семью друзей отца. Алексей Григорьевич никак всего этого не мог понять. Понять, что вступить в контакт с сыном сможет лишь тогда, когда сам в чем-то изменится.

Людмила Александровна позже писала мне, продолжая наш с ней разговор и все боясь, что чего-то важного не успела досказать: «Хочется внушить детям, что помимо тряпок и сытого желудка есть еще другие ценности в жизни. Удастся ли мне это? Поверят ли дети в то, что железобетонный эгоизм наказуем, или останутся с теперешним чувством незащищенности».

Ответы на вопросы «с кем быть?» и «как быть?» стали неотделимы для Гриши от того, «каким быть?». И вот как раз этого-то никак не мог понять Алексей Григорьевич.

Год спустя я вновь встретила с Людмилой Александровной. Она приезжала в Москву по делам. Гриша продолжал жить у нее, кончал школу. По ее словам, у него открылись глаза на многие вещи, о которых прежде он и не помышлял. Определились его взгляды, подход к жизни, и это еще больше отдалило его от отца и деда.

Два трудных выбора — трудных решения. Для Гриши — в его шестнадцать лет. И для Людмилы Александровны — в момент переломный в ее собственной жизни. Непросто ей было оставить у себя Гришу: и конфликт с бывшим мужем и тестем, отнюдь не склонным понимать и прощать, и вызовы в прокуратуру, и объяснения у себя на работе. А она женщина гордая, вспыльчивая.

Алексей Григорьевич, рассчитывая на то, что не выдержит она материальной ноши, которую взяла при скромном своем достатке, не давал на сына ни копейки. Не учел он только одного — она человек с принципами. Как она сама мне сказала, совесть ей не позволила бы Гришу без его па то воли и согласия передать в руки отца. Удерживать парня не стала бы, но оттолкнуть не могла, душу свою в него вложив. Он ведь и ее наследником стал.

Разобраться в душевных переживаниях Гриши не пытались ни в школе, ни в детской комнате милиции, куда его после жалоб отца поставили на учет. Вниманием он не был обойден, но вниманием, настороженно обидным для него.

Как же сильны еще в нас стереотипные представления о человеческих отношениях, потребностях, устремлениях и как легко закрываем

мы глаза на то, что этим представлениям противоречит!

Прошло немало времени, пока наконец не оставили в покое Людмилу Александровну и не урезонили Алексея Григорьевича в его попытках силой затащить Гришу домой. Понадобилось время, чтобы увидеть, как возмужал Гриша, стал хорошим помощником в семье, которая его приняла, начал серьезно учиться. Людмила Александровна и сама удивлялась. То, чего ей удавалось с великим трудом добиваться от Гриши в доме его деда, он теперь делал без просьб и напоминаний, как само собой разумеющееся.

Только Алексей Григорьевич в отчуждении сына, в его уходе усматривал влияние и злую волю Людмилы Александровны. Она же оказалась проницательнее, разглядев за поступками Гриши напряженную внутреннюю работу, совершавшуюся в нем независимо от кого бы то ни было. Да, она сумела ввести его в те отношения доверия, теплоты и обязательности, которые соединяли ее с дочерьми и матерью. Но она никогда ни одним словом не осудила при нем его близких. Сравнивал он уже сам. Но как было бы легко жить, если бы, делая такие сравнения, люди сразу становились лучше. У кого, как не у взрослых, учатся дети и лицемерить, и вести двойную жизнь.

Отцу и деду было чем приманивать подростка, и они отнюдь не пренебрегли этой возможностью. Окружающих как раз больше всего и удивляло, почему Гриша отказался от отдельной комнаты, любимой им радиотехники, щедрых карманных денег. Ведь мы уже привыкли думать, что именно эти потребности у подрост-

ков превалируют над всем. Признаться, многие удивлялись тому, как решительно Гриша пожертвовал благами, которыми привык пользоваться. Но, может быть, нас и тут подводит стереотип? У растущей, складывающейся личности особенно велика потребность самоутверждения. Но вот в чем она будет проявляться? Тут сказывается влияние среды и семьи. Это и вопрос воспитания. Сколько споров было вокруг джинсов, но вот появились они в магазинах, с наклейками и с заклепками, подешевле и подороже, наши и заграничные, и всем ясно стало, что не сами по себе были нужны эти штаны, а лишь как вещь престижная в молодежной среде, как средство самоутверждения в ней. Снизилась ее престижность, и вот, пожалуй, уже не ломятся к прилавкам толпы жаждущих.

Дедушки гордились в юности собственными аккордеонами с перламутром, внукам подавай стереосистемы. Престиж вещей меняется — потребность в самоутверждении остается. Но конечно же не только причастностью к моде она осуществляется, эта потребность. Просто одежда, вещи — это то, что сразу бросается в глаза. Но замечали ли вы, что подростки, глубоко увлеченные техникой, изобретательством, моделированием, спортом, готовящиеся к соревнованиям, к олимпиадам, меньше заняты внешнеюстью и больше поглощены своими занятиями? Особенно, если в той среде, в которой они вращаются, «тряпки» отодвинуты на задний план. Ведь увлечения требуют упорства, времени. Еще больше усилий души нужно для нравственного самоутверждения человека в обстоятельствах для него трудных.

Именно в такие обстоятельства и попал Гриша, выйдя из жизненного переплета, в котором очутился, повзрослевшим и духовно окрепшим. Как бы ни рвался подросток к самостоятельности, поддержка ему нужна. Поддержка людей близких, тех, кому он полностью доверяет. Именно потому так существенны отношения доверия между старшими и младшими в семье, где атмосфера зависит даже от мельчайших душевных движений людей, не говоря уже о поступках и событиях.

Заботясь о будущем своих детей, мы не можем не думать, насколько человеческими, порядочными и честными будут их отношения с другими людьми, с обществом. И тут важна ясность и четкость наших собственных взглядов и позиций, их проявление не только на словах, но и в поступках.

Людмила Александровна сумела пробудить и развить у Гриши хорошие задатки, которые есть у каждого, а в крутой переломный момент его жизни стала для него той опорой, в которой он более всего нуждался, чтобы выстоять. И Гриша нравственно преобразился под ее влиянием. Но сколько приходится слышать материнских жалоб на тему: «Я все для него делала, а он...» А он, имея рядом пример самоотверженности, вырос эгоистом, черствым и неблагодарным. Как же так? Почему? Но не всегда чувствуют и видят одну очень важную разницу во взаимоотношениях старших и младших в таких случаях.

Людмила Александровна никогда и ничего не делала за Гришу или вместо Гриши, не перекладывала на себя его ношу. Она умела увидеть и поддержать его хорошие порывы, умела возла-

гать на него те обязанности, которые, собственно, и укрепляют волю человека.

Нельзя вложить в другого человека свою душу, но можно в нем самом поддержать и взрастить те духовные начала, которыми дорожим. В конечном счете человек строит себя сам. Он гораздо раньше, чем мы думаем, способен брать на себя груз нравственной ответственности и выдерживать его.

ЧТО МОГУТ ДЕТИ?

С людьми недюжинными знакомимся мы обычно тогда, когда это уже зрелые, сложившиеся личности. Но вот представилась мне возможность встретиться с детьми, успевшими в короткой своей жизни совершить нечто замечательное. Пятнадцать ребят, имена которых занесены в Книгу почета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина, ее Центральный совет пригласил вместе с родителями в Москву на зимние каникулы.

Что же сделали эти дети? Шестиклассник Нериус Лашас и ученик четвертого класса Юра Андреев вытащили утопающих; семиклассник Олег Ефремов бесстрашно и находчиво спасал хлебное поле от огня. Андрей Корнилов и Женя Сопин получили медали ВДНХ за остроумные изобретения; Маррит Геррец победила на международном конкурсе юных пианистов.

За каждым поступком или результатом виделись неординарные усилия воли, мужества, упорства.

Когда детей, собравшихся в холле гостиницы «Орленок», посадили вместе, сразу бросилось

в глаза, какие они еще маленькие! Мальчики лишь начали входить в ту пору, когда им предстоит круто вымахать вверх. Дети как дети. А поступки и успехи по-взрослому серьезные. Хотелось узнать, насколько сознательно действовали ребята.

Нериус Лашас охотнее всего уклонился бы от разговора о себе, но его мама, медицинская сестра из Вильнюса Гановайте Прановна Лашене, милая скромная женщина, удержала его. Нериус признался: «Вдруг Инга узнает, что я всем рассказываю, как тащил ее из озера, и подумает, что я хвастаю». Нельзя не отметить было благородную обоснованность столь веского довода.

...В тот августовский день Нериус стоял на берегу и наблюдал за девчонкой, которая баловалась в воде с надувным кругом. И вдруг, когда она отплыла далеко от берега, круг выскользнул из-под нее. Девочка исчезла под водой. Нериус ждал, но ее все не было. Позже он так объяснил испуганной матери свои действия: «Если бы я не бросился ей на помощь, меня бы потом всю жизнь мучила совесть!» Прежде он никогда не говорил таких слов, и мать их запомнила, удивившись его взрослому рассуждению. Нериус не сразу увидел девочку в мутной воде. Лишь нырнув второй раз, схватил ее за волосы и поднял на поверхность. И тут она инстинктивно вцепилась в его левую руку: долго не заживали на ней следы этой судорожной хватки.

Нериус с огромным трудом дотащил девочку до берега. Казалось, по его словам, что не воду разгребает рукой, а землю. Вскоре мальчик заболел. Перегрузка оказалась велика для его

сердца. Год не разрешали заниматься спортом.

В поступке его выразились и умение стремительно сосредоточить в нужное мгновение свои силы, и готовность к самопожертвованию ради спасения другой жизни. В самом деле, кто бы упрекнул Нериюса, если б он не прыгнул в воду за тонущей Ингой? Не смог ее дотащить до берега? Во время его болезни выяснилось, что силы его были на пределе, лишь крайним напряжением воли он превозмог себя. В эти несколько минут мальчик, в сущности, совершил подвиг. И в основе его был не бесшабашный азарт, не самолюбивое ухарство, а — помните, как он сказал: «...совесть замучила бы» — сильный нравственный импульс.

Я спрашивала его маму, какой Нериус дома, в семье? В Москву этот крепкий белокурый парнишка приехал в легкой спортивной курточке. Выяснилось, что пальто не носит сознательно. Закаляется. Мечтает стать моряком. Увлекается книгами о море, о путешествиях знаменитых мореплавателей. Родители (папа Нериюса — летчик) дают троим сыновьям спартанское, мужское воспитание: закаливают физически, приучают к самостоятельности. Семья взяла садовый участок с каменистой, тяжелой для обработки землей. И за два года дети с родителями его обработали. Три лопаты и двое граблей сломали, но управились с землей. Даже у самого маленького из братьев есть своя грядка, за которой он ухаживает. И дома дети помогают матери в любом деле: варить ли обед, вязать ли теплые вещи, делать ли уборку — умеют все. Семья у них — маленький дружный коллектив. Вместе работают, отдыхают, даже книжки часто читают вслух.

И сын колхозных чабапов Сейбут Кенжесарин с детских лет приучен к работе. Его старший брат рассказал, что, как и всех местных мальчишек, Сейбута отец посадил на лошадь, когда ему было три года, а с семи лет он с отцом уже пас отару овец. 10 ноября после праздников, на которые вся семья собралась вместе, Сейбут вызвался один пасти отару, и отец доверил ему овец. Днем внезапно поднялся сильный буран. Мальчик пас овец в семи километрах от дома. Ветер, как на беду, дул со стороны жилья, а овцы против ветра не пойдут. И мальчик решил спрятаться с ними в горном ущелье. Взрослые знали, что мальчик мог бы бросить отару и довериться лошади, она домчала бы его домой. Но, зная характер Сейбута, боялись другого: растеряв отару, не застыдился бы мальчишка сразу возвращаться к родителям. Как-никак шестьсот овец! Не замерз бы в степи. Наутро, когда буран стих, Сейбут пригнал отару домой, ни одной овцы не потерял. Чтоб не замерзнуть ночью, то соскакивал с лошади и бежал рядом, то снова на нее садился. Ни спичек, ни еды у него не было. Волки, к счастью, на них не напали. Мальчик действовал смело, находчиво, недаром дома всегда хвалили его за самостоятельность, поддерживали проявления взрослого мужества.

Вот оно: «Уважайте себя, уважая детей». Доверяйтесь мужеству, которое воспитываете.

Мы с детства учимся помогать в беде, вступаться за справедливость, честно трудиться. Учимся, когда нас учат, и трудиться, и жалеть, и любить, и быть добрыми, прямодушными, непримиримыми к подлости, верными святыням Родины.

КАРИМ, СЫН ЕЛИЗАВЕТЫ ИВАНОВНЫ

В жизни взаимосвязь явлений очень часто не видна на поверхности. И даже когда ищешь ее, не всегда знаешь, где искать. Но порою связи эти вдруг выступают зримо, отчетливо. Так было, когда я поехала в Куляб, в семью Наимовых. Их младший сын Карим едва не погиб во время пожара, спасая чужих детей. И мне захотелось встретиться не только с Каримом, но и с его родителями, братьями, познакомиться с укладом их дома.

Но сначала о пожаре. Карим сам рассказал, как все было.

В предгорье светало поздно, и работу они начинали в девять. Подошел последний день их командировки в Ховалинг. Они осмотрели, отрегулировали, подремонтировали оборудование подстанции, проверили пять ее основных ячеек. В тот день предстояло испытать последнюю, ведущую ток к совхозу. А к обеду, пожалуй, можно было и отправляться домой в Куляб.

Это была не первая командировка мастера Карима Наимова, но он еще не научился стряхивать с себя напряжение, которое накапливалось, когда самостоятельно возглавлял работу. Всего девять месяцев прошло с тех пор, как Карим с дипломом инженера пришел на Кулябское предприятие электрических сетей. И хотя ему предложили место в производственно-техническом отделе, он отказался от него, предпочитая пойти на беспокойную службу подстанций, связанную с командировками.

Общительный по натуре, с людьми он держался уважительно, быстро сходился с ними, и бригада приняла нового мастера как своего.

Никаких предчувствий не было у Карима в то утро. Настроение самое радужное. Но только собрался вставать, как со двора закричали: «Пожар!» Монтеры и водители мгновенно высыпали на улицу. В тридцати метрах от их жилья, отделенный от территории подстанции дорогой, арыком и огородом, стоял крайний дом кишлака Шехмизон. Детишки из этого дома часто играли с дочкой дежурного подстанции.

Дом обращен был к ним застекленной верандой метров пятнадцати длиной. Дальше тянулась пристройка для скотины. Дым поднимался с угла веранды, оттуда, где находилась жилая часть усадьбы. Сквозь стекла мелькали блики огня. В одно мгновение схватив ведра, все семеро бросились к горящему дому. Карим подбежал к двери, но она оказалась запертой.

Двое монтеров выбили окно, и на их зов выбрались из дыма четверо перепуганных малышей. Их тут же вытащили в окно.

Бригада образовала цепочку от дома к арыку, передавая ведра с водой. Но просушенное жарким солнцем дерево легко поддавалось огню, и пламя росло. Тут к дому с исступленным криком подбежали две женщины — хозяйка и соседка.

— Ребенок на веранде!

Где-то в дымной мгле на кровати-качалке лежала девятимесячная Лутфия. Мать была в полуобморочном состоянии. Руками и ногами ломая рамы, Карим и молодой монтер, недавно вернувшийся из армии Амиралли Назаров, пробивались на веранду с разных ее концов. Уже загорелись пол и потолок. Но, по счастью, Амиралли почти тут же наткнулся на качалку. Вдвоем с Каримом они перебросили ее на руки то-

варищам. Один за другим, опаленные пламенем, перемахнули оба в огород. Один из водителей подхватил ребенка и, не мешкая, помчался в больницу. У Амирали и Карима обожжены были лица и руки. Вдруг в суматохе выяснилось, что в доме еще один ребенок — восьмилетняя девочка. Должно быть, потеряла сознание. Огонь между тем взвился над крышей, языки его лизали столбы, поддерживающие веранду, валил дым.

— Стой! Поздно! — крикнули Кариму, когда он снова бросился в пламя. Как он услышал сквозь треск горящего дерева тихий стон, он и сам не представляет. Схватив прижавшуюся к стене девочку, стремглав выпрыгнул с ней наружу. Мгновение — и крыша над верандой рухнула. Секунда отделяла Карима от гибели. Несколько минут он приходил в себя. Даже ледяной душ не сразу подействовал, хотя его облили не один раз. И тут возвратился водитель, повез в больницу Амирали и Карима. Им сделали перевязку, велели полежать. Но Карим решил вернуться на подстанцию. Как договорились с совхозом, после обеда они приступили к проверке последней ячейки. Карим попросил всех быть вдвойне осторожными после пережитого потрясения. Он не позволил себе ни на минуту расслабиться. Работал как обычно — неторопливо и внимательно.

Домой, в Куляб, приехали поздно вечером. Лишь на другое утро попали в больницу.

Я встретила с ними, когда оба поправились. На коже после ожогов остались лишь темные пятна и полосы. Событие отступило в прошлое. Люди исполнили свой долг, и их поступок был принят окружающими как должное.

Жизнь течет, и события сегодняшние вытесняют те, что были вчера.

Когда случается катастрофа, возникает внезапная опасность, когда судьба неожиданно сталкивает с чужим горем, человеку часто выпадают лишь мгновения на то, чтобы принять решение. Что победит в душе: инстинкт самосохранения, страх, осторожность или осознанная воля к нравственному действию?

Почему одна машина, не задерживаясь, промчится мимо лежащего на обочине дороги человека, а другая остановится, и те, кто в ней едет, круто изменят свои планы? Почему один человек бросится в глухую темень, услышав зов о помощи, а другой поспешит в сторону?

Был ли неожиданным поступок Амиралы и Карима для кого-нибудь из близких, для тех, с кем они работают? Нет, не был. Так ответили мне все, с кем я говорила: начальники, сослуживцы, родители, товарищи. Отвечали не задумываясь, хотя и затруднялись объяснить, почему так считают. Из хорошей семьи, говорили сослуживцы. Хорошие ребята, говорили товарищи.

Что же становится основой такой самоотверженной готовности? Самообладание? Твердость? Смелость? Доброта? Но доброта бывает и мягкотелой.

Ровесники — Амиралы было двадцать два, Кариму на год больше, — они по характерам оказались совсем разными, один — замкнутый, молчаливый, другой — открытый, веселый, но оба — люди уже определившиеся, внутренне собранные, того независимого склада, при котором человек остается самим собой при всех обстоятельствах. И, знакомясь с семьями Амира-

ли и Карима, я поняла, что истинное мужество — не просто черта характера, а сплав всех его черт — то, что у человека корнями уходит в почву, на которой он вырос.

О чем подумал Карим, когда второй раз бросился в огонь, уже испытав страх перед стихией пожара?

— Я увидел отчаяние матери, — сказал он. — Взглянул на ее лицо и сразу вспомнил о своей маме.

Два долгих вечера провела я у Наимовых, в тупике одной из тихих улочек, с обеих сторон огороженной дувалами. Вечера стояли теплые. И мы сидели за чаем во дворе под густой сенью виноградной лозы, вьющейся по жердочкам между двумя крышами. С огорода терпко пахло мятой. На гранатовых деревьях висели крупные, наливающиеся соком плоды. Семья расположилась на привычном месте, расстелив на земле курпачи. Встретив нас, отец Карима Абдурахман заспешил переменить рубашку — с сыном Анатолием, учителем по профессии, они выкладывали стену из глины.

Все семейство занято было перестройкой усадьбы. Женился Анатолий, близилась свадьба у Алоходжи, второго брата, шофера, который работал в то время на целине. Кончала по весне институт Галина, да и Кариму уже нужен стал свой угол.

Галя удивила меня внешностью: сероглазая северянка с русой косой, так несхожая со смуглым, черноусым Каримом. Но все разъяснилось, когда познакомилась я с Елизаветой Ивановной, их матерью, хозяйкой дома.

Узнав о происшествии и увидев Карима в бинтах, рассказывала мне Елизавета Ивановна,

она, расстроенная, не спала несколько ночей. Но Кариму об этом не обмолвилась.

Никогда она не позволяла себе рассказывать детям о своих сердечных тревогах за них, никогда не держала сыновей под своим крылом. Так было в детстве, когда маленьких поручала опеке старших и строго взыскивала лишь с того, кто был несправедлив. Так, не противясь, принимала она и самостоятельный выбор детей, когда они повзрослели, даже если их решения внушали ей беспокойство. Они рано научились в этой семье сами принимать решения. Когда Карим окончил школу и заявил, что поедет в Душанбе поступать в политехнический, мать с отцом не поверили, что ему удастся выдержать конкурс. Институт трудный, мало кто из его школы туда попадал. Советовали учиться в Кулябе. Да и денег в доме в ту пору было в обрез — отец только что вышел на пенсию, мать долго болела. Но Карим настоял на своем, лишь от помощи отказался без всякой обиды. Попросил только разрешения продать свой велосипед. С тем и уехал в Душанбе. Приехал с опозданием, и в общежитии уже не оказалось мест. Но благо, время было теплое — поселился на скамейке у Комсомольского озера. Это, однако, не помешало ему экзамены сдать успешно.

Братья по просьбе матери показали мне свои альбомы с фотографиями. Откуда у Карима так много друзей? Он попробовал перечислить. Во-первых, группа — одна из лучших в институте. Во-вторых, футбольная команда ТПИ. Он играл в ней нападающим. В-третьих, стройотряд. В-четвертых, самодеятельный оркестр народных инструментов, в котором он был рубобистом.

Как же он все успевал? Карим говорит, что рассчитывал время и не давал себе поблажек. Так приучили с детства. В комнате общежития его называли вестником погоды, являлся с утренней пробежки, когда ребята еще только просыпались.

Один из последних снимков слегка смутил Карима. При полном параде он снят был у памятника Авиценне, держа в руках свернутый в трубку лист ватмана — дипломную работу.

Личность этого великого человека давно увлекает его. По-разному, но всегда его интересовали сильные и яркие люди — в романах, в кино и в жизни. В детстве восторгался благородным вождем и защитником индейцев из фильмов с Гойко Митичем. Позже заставлял мать рассказывать все, что она знала, о ее брате Александре Ивановиче, военном летчике. Фотографии дяди, подполковника Рощенко, и брата Анатолия, снятого у памятника героям-пограничникам близ заставы, где он служил, — на почетном месте в альбоме Карима. Дядя и старший брат в пору отрочества окружены были в его глазах таким же романтическим ореолом, как герои любимых фильмов и книг. По примеру брата увлекся Карим и футболом, и искусством!

В семье Наимовых я почувствовала себя как-то сразу легко и просто, будто к старым знакомым приехала. Наверное, потому, что и прежде много раз бывала в таких же открытых, приветливых и радушных домах. Есть люди, для которых чуткое и бескорыстное отношение к окружающим — естественная норма бытия. В поведении их нет подстраховки, они действуют прямодушно, повинуюсь лучшим побуждениям.

Так берутся за работу, отдаваясь ей душою, отстаивают свои понятия о совести, проносят сквозь годы любви и верность, так растят детей. Устои их жизни и определяют тот нравственный выбор, который совершают дети, когда взрослеют.

На исходе второго вечера Елизавета Ивановна дала почитать мне свой дневник, начатый в июле сорок первого года: «Тут обо мне все сказано».

Из пожелтевших его страниц я узнала, как сорок девчонок, поступивших на курсы дошкольных работников в Ленинабаде, все до одной попросились на курсы фронтовых медсестер. Но им дали не менее важное задание: разъехаться по дальним кишлакам, чтобы обучать русскому языку допризывников.

Читая дневник Елизаветы Ивановны, я взглянула на мир глазами ее юности. Пустынные горные склоны, орлы, одиноко парящие над выжженной землей, глинобитные кибитки в кишлаках, чужой язык, пезнакомые обычаи. Но ни одной строчки жалоб. Только потки тоски по дому изредка прорываются в стихах, которые сочиняла тогда для себя Лиза. Пролетел почтовый самолет, защемило сердце, и родилось стихотворение — воспоминание о родном Оренбурге, городе летчиков.

В свои девятнадцать лет она умела сказать себе: «Надо». Уже через несколько месяцев после переезда в горы заговорила по-таджикски. Училась сама — учила других.

Утром Лиза шла в школу заниматься русским языком с детьми. А вечером обучала допризывников. С тех давних пор слезятся у нее глаза. Электричества в кишлаках не было. Уро-

ки шли при коптилках, а то и при свете костерка, который разводили у доски на земляном полу. Вела она кочевую жизнь, переезжая верхом на лошади из одного кишлака в другой. По два дня в каждом из трех кишлаков сельсовета. И снова — по тому же кругу. Когда же начинались каникулы, шла работать учетчиком на ферму. А еще учила женщин вязать шерстяные носки и варежки для фронта.

Маленькая, худенькая — на курсах ее прозвали «кнопкой», — она была сильным человеком. Эта ее сила не раз удивляла даже Абдурахмана, хоть он, фронтовик, и сам испытал немало. С Елизаветой Ивановной Абдурахман Наимов познакомился в школе, где, вернувшись домой, стал преподавать военное дело и физкультуру. Вместе водили учеников в походы, подружился. И через два года после войны справили свадьбу. Коллеги учителя сложили тогда свой двухмесячный заработок, чтоб помочь молодым начать новую жизнь. Их любили и желали им счастья.

Девичий дневник Лизы обрывается на этом событии, как чаще всего обрываются на дне свадьбы все девичьи дневники. Теперь дневник принадлежит детям, Галина хранит его среди семейных реликвий.

Сбылись ли те пожелания, которые высказали Наимовым их друзья в том далеком апреле срок седьмого года?

— Спросите ребят, слышали ли они хоть раз, чтобы мы ссорились? — сказала Елизавета Ивановна. — Никогда! Мы с мужем все в жизни делили пополам — горе, радость. И имена детям давали русские и таджикские — через одного. Как раз вышло поровну.

Счастье — сочастие, если заглянуть в изначальный смысл этого слова. Наимовы умеют отдавать и делить то, что имеют, и люди тянутся к ним, и они сами тянутся друг к другу. Когда я прощалась, Карим и Анатолий с гордостью показали мне возведенную за эти дни новую стену в их семейном гнезде. Получилась она ровная, ладная, крепкая, как и все в этом доме.

Другой обновленный отстраивающийся дом увидела я в кишлаке Шехмизон на окраине Ховалинга. Над ним уже была новая крыша. Кишлачный Совет выделил шифер, люди помогли погорельцам всем миром.

На не застекленной еще веранде снова стояла низенькая расписная деревянная кровать-качалка. Лутфия таращила из нее темные глазенки. Ручки ее еще были в бинтах, на лбу и щеках ожоги не совсем зажили, но дело уже явно шло на поправку. Когда она подрастет, в ее памяти не останется страшных следов происшедшего. Пусть только узнает о том, кто и как ее спас.

Завби, ее мать, сказала, что Амिरалы и Карима в семье Хола Боронова теперь считают братьями.

И тут я сделаю короткое отступление. Когда человек не оказывает другому помощь, хотя ему нетрудно это сделать, мы безоговорочно осуждаем его за равнодушие. Но если ценой такой помощи может оказаться твоя собственная жизнь? Осудим ли того, кто не найдет в себе сил превзойти самого себя? Наверное, не осудим. Но умеем ли тогда хотя бы восхищаться теми, кто на это способен?! Умеем ли восславить их отвагу, нравственную волю и великодушные?! Честно говоря, мне показалось обид-

ным, что поступок Карима и Амирали, хотя и, безусловно, одобренный окружающими, прошел как-то незаметно: ни поздравлений, ни цветов. Вернулись из больницы и приступили к работе как ни в чем не бывало. Случай редкий, и ритуала, восславляющего доблесть, проявленную в буднях, у нас нет. Так ведь и без ритуала можно найти, наверное, способ вознаградить, поблагодарить, выразить свой восторг тем, кто его заслуживает.

Что такое подвиг с точки зрения этики? Прочитаем в словаре: «Поступок, требующий от человека предельного напряжения воли и сил, связанный с преодолением необычайных трудностей, общественно полезный результат которого превосходит по своим масштабам результаты обычных действий».

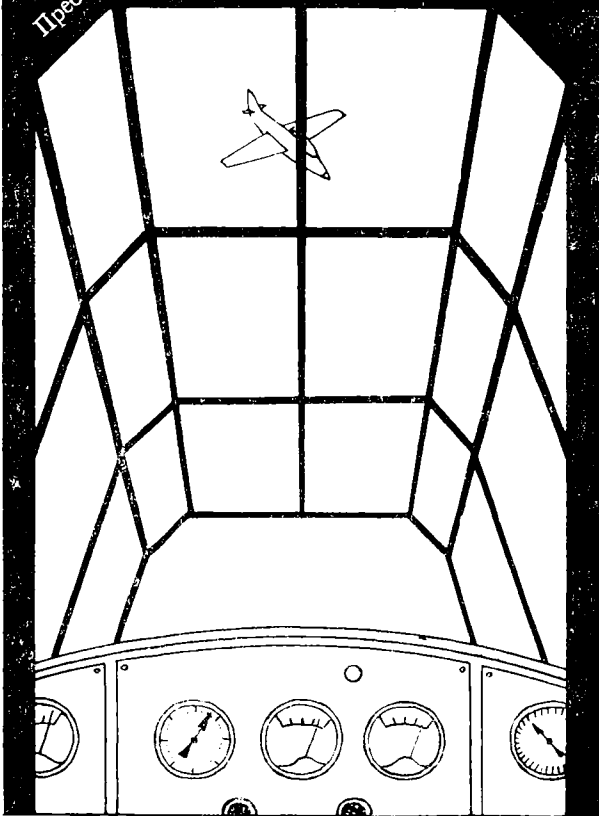
Справедливо говорят, что не стоит злоупотреблять высокими словами. Но и не надо скупиться на них тогда, когда в обычной жизни случаются обстоятельства исключительные и люди находят в себе силы в решительный миг сделать для блага других все необходимое, не щадя себя, рискуя по собственной воле. В конце концов одно из самых ценных человеческих качеств — умение в трудную минуту, когда «кто-то должен», сказать себе: «Должен я». Я говорила о мужестве поступков, за которыми видятся и характеры, и нравственные устои семьи, и повороты судьбы. Подвижниками, конечно же, не на пустом месте люди становятся. Но став ими, они пополняют запасы общей нашей духовной энергии.

Является Шоюбов — и на пустыре расцветает сад. Рядом с Хазанкиным пробиваются дарования, а из семьи Елизаветы Ивановны выходят

самоотверженные великодушные юноши. Подвижничество — это тоже талант.

Размышляя о жизни и смерти неутомимого первопроходца, мужественного исследователя Центральной Азии Николая Михайловича Пржевальского, Чехов сказал о людях, способных на возвышенные поступки: «Подвижники нужны, как солнце. Составляя самый поэтический и жизнерадостный элемент общества, они возбуждают, утешают и облагораживают».

Продолжи

«Мне шестнадцать лет, учусь в девятом классе, — писала Люба М. — Я на пороге самостоятельной жизни и совершенно к ней не подготовлена. Хочу сказать сначала, что я собой представляю. Самое главное — безволие, отсутствие трудолюбия и расхождение помыслов с делами. Мне хочется быть лучше, чище и не могу, не умею.

Хочу всего настоящего, настоящей работы, дружбы, настоящей жизни, наконец. Сегодня стало очень страшно, когда подумала, что пройдет это время, я успокоюсь, буду простым обывателем, заботящимся только о своем благополучии, что переживу эти сомнения, мучения, как болезнь, а дальше как жить? Я понимаю, что юность — это время уже почти сложившегося характера, воспитываемого всеми: и домом, и семьей, и школой, и этой жизнью. Значит, я уже имею сложившийся характер? Я не в силах, не могу что-либо изменить и боюсь, что не состоюсь как Человек. Я не чувствую вокруг жизни и очень хочу (еще с начала девятого класса) пойти работать. Нет, не для того, чтоб просто зарабатывать. Мне нужно знать, неужели из меня ничего не получится? Хочу куда-нибудь на молодежную стройку. Но, понимаете, хочу и в то же время боюсь, что не справлюсь. Боюсь потому, что не верю в свои силы,

не знаю, кто я и могу ли себя переделать. Но как-то люди становятся необыкновенными? Или это заложено в них?»

«Ты советуешься, не поехать ли тебе на стройку? — писала я Любе в ответ. — Не бросить ли школу? Но мой опыт многочисленных встреч с людьми убеждает, что покидать родительский дом и утверждать себя самостоятельно не следует, пока не станешь на ноги. Иначе отъезд не только не уменьшит, но увеличит число вопросов, которые перед тобой возникнут.

Твои мучения — болезнь роста, возраста. В тебе чувствуется хороший человек, и я думаю, что прививка против мещанства у тебя есть. Кончай школу, получай профессию, тогда и решай, на стройку ли махнешь в дальние края, дома ли останешься. Но ты права, мы становимся лучше и сильнее, когда попадаем в среду людей, увлеченных своим делом...»

Догадываюсь, что Любу мог разочаровать такой совет. Трезвые советы нас часто разочаровывают в пору душевного брожения. Но все-таки приходится их высказывать. В самом деле, нельзя же шестнадцатилетней девятикласснице при всем благородстве ее душевных побуждений всерьез советовать бросить школу и ехать на стройку. В этом возрасте легко примеривают к себе и скафандр космонавта, и полушубок таежного строителя, как в двенадцать примеривали плащ Д'Артапьяна. На пороге юности кто не мечтает о подвигах, о славе, о дальних краях! Сама мечта уже принимается как залог собственной незаурядности. На стройку Любу тянет не просто работа, а то, что поэт Михаил Кульчицкий назвал «работой в степени романтики».

Как стать Человеком? Вопрос этот решали великие умы человечества. Но юность вновь и вновь возвращает нас к нему.

Раскроем роман Достоевского «Подросток». Аркадия, главного героя этого романа, мучает тысяча вопросов о человеке, его предназначении, о смысле бытия. Он ищет идею, ради которой стоит жить и умереть. И он пристрастно расспрашивает об этом Версилова, которого любит и которому верит.

«— Скажите, чем в данный миг я всего больше могу быть полезен? Я знаю, что вам не разрешить этого, но я только вашего мнения ищу: вы скажете, и как вы скажете, так я и пойду, клянусь вам! Ну, в чем же великая мысль?

— Ну, обратить камни в хлебы — вот великая мысль.

— Самая великая? Нет, взаправду, вы указали целый путь, скажите же: самая великая?

— Очень великая, друг мой, очень великая, но не самая; великая, но второстепенная, а только в данный момент великая, наестся человек и не вспомнит, напротив, тотчас скажет: «Ну вот я наелся, а теперь что делать?» Вопрос остается вековечно открытым».

Действительно, проблема вечная. Не хлебом единым жив человек. Нужна ему в жизни еще Идея.

У Любы, как это нередко бывает в юности, вызывают неприятие обывательщина, мещанская потребность все и вся подгонять под привычный стандарт, циничное потребительство. И сам по себе этот протест — ценность, как ценно и самокритичное отношение к самим себе. Но, протестуя против штампов мещанского бытия, Люба витает в облаках песенной романтики.

Ее грезы далеки от почвы, на которой совершаются поступки. Между рождением мечты о славном будущем и реальным вступлением на стезю общественного служения, не говоря уже о подвигах, есть еще и время самоопределения и самовоспитания, которое в отрочестве и ранней юности, однако, многим видится пунктирно, неотчетливо, сквозь розовый туман. И потому этот отрезок жизни всегда так интересен в судьбах людей замечательных.

Вспоминаю мои разговоры со строителем из Сибири Василием Довгалюком. К нему в прославленную бригаду, работавшую на прокладке дороги Абакан — Тайшет, писали трогательные письма девочки-десятиклассницы из Ленинграда и девчата с Московского телеграфа. Просили адрес, дескать, хотим настоящих трудностей, настоящей романтики. Зато совсем другие письма были от солдат, готовившихся к демобилизации, которые спрашивали, какие нужны профессии, умеем, мол, то и то. Солдатам Довгалюк рассказывал об условиях работы и быта, с которыми встретятся будущие строители. А на девчонок-десятиклассниц негодовал: что нам с ними делать? Морозы лютые, работа на открытом воздухе. Наслушались песенок про любовь и тайгу, а делать ничего не умеют. И не только на девчонок сердился, но и на тех, кто бездумно «облегчает» романтику, превращая само это понятие в расхожий трафарет, за которым не видно сути. Там, где есть действительные трудности, говорил Довгалюк, требуются и люди, подготовленные к их преодолению. Только лишь восторженности и энтузиазма мало.

Тут мне приходит на ум меткое выражение писателя Ильи Зверева о том, что нужна ро-

мантика с сознанием ответственности — «романтика для взрослых».

У космонавта Валерия Николаевича Рюмина я брала короткое интервью вскоре после того, как он возвратился из своей почти годовой командировки в космос. Между двумя его полетами подряд было лишь малое расстояние. Я спросила, когда ему теперь захочется снова полететь? Похоже было, Рюмин удивился наивности этого вопроса: «Космонавт — профессия, как всякая другая. Профессия, к которой я готовился. В космосе — моя работа, и, естественно, я хочу ее делать».

Подчеркивая простоту и даже будничность его ответа, вовсе не хочу сказать, что необычные дороги выбирают люди во всех отношениях обыкновенные. Герои, с которыми мне приходилось встречаться, были как раз людьми незаурядными.

Во время войны трижды Герой Советского Союза, ныне маршал авиации Иван Никитич Кожедуб совершил триста тридцать боевых вылетов, сбил шестьдесят два самолета противника, участвовал в ста двадцати воздушных боях. Сплошной риск. Но человек побеждал в самых отчаянных обстоятельствах. Что тут — лихость, отвага, везение или же нечто другое?

Летчику-истребителю были нужны не только храбрость, но и самообладание, стремительный и точный расчет, безукоризненное владение машиной, физическая выносливость, говорил Кожедуб. Взяв в руки два спичечных коробка, он постарался нагляднее пояснить некоторые маневры самолетов в моменты воздушного боя, когда все решается в считанные мгновения и ошибка может стать последней.

Почувствовав, однако, что мне хочется докопаться до чисто человеческой сути, а не вникать в тактические премудрости, Кожедуб просто-душно улыбнулся и подошел к окну: «Ничего особенного я ведь вам не скажу».

Он в то время командовал авиацией Ленинградского военного округа. Окна кабинета выходили на Дворцовую площадь. Сеял осенний дождь, и Александровская колонна едва проступала сквозь туман.

— А я ведь мог стать художником, — неожиданно проговорил Иван Никитич.

Мальчишкой он, оказывается, любил рисовать. Получалось. Мог бы поступить в художественную школу. Но... выбрал техникум. Им руководило, пожалуй, более всего чувство времени. В воздухе тридцатых годов пахло грозой. Комсомол призывал молодежь в воздушный флот. Рекорды наших летчиков служили своего рода предупреждением будущему врагу. Кожедуба потянуло в аэроклуб, и там созрело желание стать летчиком. Терпеливо, с крестьянской основательностью, овладевал он летным делом. Пригодились и трудовая сноровка, и недюжинная физическая сила: подростком помогал кузнецу в деревенской кузнице. Эти с детства обретенные сила и сноровка не раз выручали его и на войне. Выручали не меньше, чем накопленное мастерство. Восвать начал не зеленым юнцом — сам был уже инструктором у новичков.

И бригадир строителей, отправившийся в свое время по комсомольской путевке из милого его сердцу винницкого цветущего села в суровую сибирскую тайгу, и легендарный летчик, вписавший свое имя в историю Великой Отечественной, говорили, в сущности, об одном:

в жизни есть место подвигу, когда человек готов к нему. Прежде всего, конечно, нравственно. Но не только. Во многих сложных ситуациях от человека требуются и безукоризненное владение своим мастерством, и физическая выносливость, и знания. И если считать, что подвиг может совершить каждый, то это верно лишь в том смысле, что каждый потенциально способен выработать у себя умение в нужный момент концентрировать свои силы, волю и способности. А это умение, в свою очередь, появляется у того, кто серьезно, не жалея сил, готовит себя к будущему делу.

Не имея случая столкнуться с физическими и психологическими перегрузками, мы, бывает, искренне полагаем: стоит только захотеть — и пересилишь себя, преодолеешь и страх, и холод, и боль, и голод. Но достаточно ли это — захотеть?

Сталкиваясь с людьми, способными к высочайшей собранности и самоотверженности в исключительных обстоятельствах, и знакомясь с перипетиями их судьбы, я убеждалась в другом, в том, какой нелегкой закалке они себя подвергали, какие высокие требования предъявляли к себе, как много умели, прежде чем стали героями.

Среди с детства врезавшихся в мою память имен героев того времени были и эти три: Гризодубова, Осипенко, Раскова. Валентина, Полина, Марина — имена рифмовались, складываясь в гармоничное мажорное созвучие. С газетных листов смотрели молодые и милые женские лица в летных шлемах. Но, отправившись в свой рекордный по дальности полет от Москвы к Тихому океану, летчицы исчезли. Валентина Гри-

зодубова, командир экипажа, была и раньше популярна. Установила на разных машинах несколько мировых рекордов. Известную летчицу избрали в Верховный Совет страны. Все трое не были новичками в небе. В мастерстве экипажа никто не сомневался. Но широким фронтом нависали над землей осенние циклоны. В бескрайних просторах тайги пропавший самолет казался иголкой в сене. Летчиц искали долго. С тревогой ждали вестей. В Москве у Валентины остался совсем маленький сынишка. Дочь Марины Таня была уже школьницей, и я живо воображала себе, как она с утра до вечера прислушивается к черной тарелке радиорепродуктора. Наконец экипаж «Родины» нашли. Вскоре в киножурналах замелькали кадры: среди торжествующих толп, засыпаемые метелью приветственных листовок счастливые летчицы ехали по улицам Москвы, выступали на митингах, обещая, если понадобится, сесть за штурвал боевых машин. Меньше двух лет оставалось тогда до июня сорок первого. Полина погибла раньше, в испытательном полете. Марина в начале войны набирала и готовила женский полк, командиром которого была назначена. Она погибла в непогоду при его передислокации к фронту. Драматическая судьба этих женщин — первых наших покорительниц неба — волновала и притягивала к себе. И вот однажды, спустя много лет после войны и незадолго до женского праздника, я позвонила Валентине Степановне Гризодубовой. Она сама взяла трубку: согласилась принять сразу без проволочек. Договариваясь о встрече, просила ее подумать, что бы она пожелала девушкам, мечтающим избрать профессии и судьбы, сопряженные

с риском, суровыми условиями, волевыми нагрузками.

Давно заметила: у людей, склонных не столько быть, сколько казаться, жилище чаще всего отражает капризные дуновения моды. В шестидесятых годах из-за стекол книжных полок всюду глядел на нас бородатый Хемингуэй в толстом свитере. Прошло лет пятнадцать, и на том же месте появились портреты Достоевского. Впрочем, так было всегда. Помните, «столбик с куклою чугуной» в онегинском кабинете? Пушкин иронизировал над тогдашней данью романтической моде: фигура Наполеона, томики Байрона...

В доме, в который я вошла, не было ничего напоказ, удобные, давно приросшие к своим местам вещи. Ничего лишнего. И все прямо связано с личностью хозяйки. На стене тарелка с изображением молодой Гризодубовой в летной форме, видимо, подарок тридцатых годов. Ее же портрет в военном мундире: твердый, пристальный взгляд больших темных глаз, тот прямой взгляд, который не отводят в роковую минуту. На шкафу какой-то авиационный прибор. Рояль. Музыка — ее глубокое увлечение. В столовой над диваном фотография — молодой человек в самолете, который прежде называли «летающей этажеркой». Степан Васильевич Гризодубов вошел в историю отечественной авиации среди первых ее конструкторов. И совпадение дат — рождение будущей знаменитой летчицы, открывшей список женщин — Героев Советского Союза, и появление первых самолетов отца — кажется для нее предопределением.

Девочку посадили на самолет, когда ей было два года. Сегодня вряд ли кого удивишь такой

фразой. Но самолет, на который отец взял дочь, он построил сам, по собственным чертежам, расчетам и моделям. Девочка привыкла играть среди стружек и обрезков металла, и она не испугалась, когда отец, привязав ее к себе сзади ремнями, поднял новую машину над полем харьковского ипподрома.

...На второй день войны Валентина Гризодубова — военный летчик. До самой Победы она командует полком бомбардировщиков дальнего действия. Многие летчики, как и она сама, пришли в него из гражданской авиации. В бомбардировщики переоборудовали поначалу и транспортные самолеты. На них еще нужно было научиться воевать.

Училась и Гризодубова. Первой полетела на боевое задание. Первой заходила на цель. Бомбардировщики летали со своим грузом обычно на высоте четыре тысячи метров. Она спускалась на восемьсот. Объяснила: «С высоты переправа — ниточка. Ну и идишь как можно ниже, лишь бы не ударило взрывной волной. Кажалось — уйду, хоть кверху колесами».

Но это не был слепой риск. Техниккой Гризодубова владела виртуозно. Когда-то в юности она колебалась между небом и музыкой, консерваторией и аэродромом. Но, выбрав долю летчицы, отдалась ей со всей страстью своего неукротимого темперамента. Осваивала разные машины. Летала в любую погоду. Часы, которые она провела в воздухе, сложились в годы. За ее мастерством и успехами — фанатическая преданность делу и четкая нравственная позиция.

Боевые товарищи Гризодубовой вспоминают, как эта позиция проявлялась. Полк базировал-

ся на аэродроме с двумя другими полками. Ночью прилетел с задания подбитый самолет из соседнего полка с зависшей под фюзеляжем фугасной бомбой. Бензина в его баках было еще с полтонны, опасность огромная. Командир соседней растерялся. Гризодубова, собиравшаяся было покинуть аэродром — ее экипажи сели, — бросилась на выручку. Самолет ударился о землю и загорелся. Срывая с себя планшет, куртку, чтоб сбить огонь, Гризодубова бежала к самолету.

— Поздно, все равно сторят! — пытался сосед ее остановить. Но за ней уже устремились ее заместитель подполковник Орлов, шофер и моторист. Вчетвером через разбитое окно кабины — двери Ли-2 заклинило — начали вытаскивать раненых. Пятерых из шести удалось спасти. Едва их оттащили, раздался взрыв.

Проходя мимо командира полка, экипаж которого она только что спасла со своими товарищами, Валентина Степановна, не стесняясь в выражениях, прилюдно высказала вслух все, что думала о его «доблести». Взбешенный, он пожаловался на нее. Впрочем, напрасно.

В полку ее звали матушкой, хотя ей было едва за тридцать, умела заботиться о людях. Полтора состава летчиков сменилось в полку за четыре года войны. Но связь с семьями погибших у нее продолжалась и десятилетия спустя: хлопотала о путевках для вдов, о пересмотре пенсий, помогала в трудных обстоятельствах детям. Матушка! А ведь никакой внешней благодати в ней нет: ершиста, колюча, язвительна. Никогда не робела ни перед чинами, ни перед авторитетами. Герой Советского Союза летчик-испытатель Марк Галлай в одной из своих книг

вспоминает, как глава солидной комиссии, проверивший руководимое ею предприятие в конце сороковых годов, сказал, что она недостаточно разборчиво набирает кадры. Речь шла об авторе книги. Гризодубова тут же парировала этот наскок. Она, мол, судит не по анкетам, а по тому, как человек воевал за Родину, и на сей счет она за своих испытателей спокойна, а вот с проверяющим на фронте не встречалась.

— Как человеку справиться с собой, преодолеть страх, когда он действует в зоне риска? — расспрашивала я Валентину Степановну. — Когда, скажем, прожекторы брали вас в щупальца, что вы чувствовали?

— Просила штурмана закрыть занавески кабины и вела самолет по приборам. Ничто не должно мешать сосредоточиться на цели. Вообще в минуты опасности мысль работала с быстротой и ясностью. Сознание опасности приходило ко мне обычно тогда, когда она уже была позади.

— Но ведь не у всех же так бывает? — допытывалась я.

Она отвечала коротко:

— Если есть подготовка и предусмотрительность, тогда делаешь все так, как надо.

За ее долгую жизнь к ней много раз обращались за помощью и советом девушки, рвавшие в небо. Она помогала, считая, что человек должен осуществить свое призвание. Именно призвание, к которому упорно стремится.

— Но ведь есть профессии, которые тяжелы для женщин? — высказала я общепринятую точку зрения.

— Нет таких профессий, — жестко возразила Валентина Степановна. — Есть разные женщи-

ны. Женщины-пилоты, которых я знаю, летали и летают не хуже мужчин.

Какие же качества, на ее взгляд, нужны человеку, когда он выбирает трудные дороги? Ну, скажем, рискует, берется за новое, никем еще не опробованное дело?

— Презираю трусость во всех ее проявлениях,— сказала Гризодубова.— А вообще-то для настоящей работы человеку нужна готовность брать на себя больше, чем требуется.

Жизнь полковника Гризодубовой необыкновенна, с какой стороны ни взгляни на нее: рекорды, подвиги, суровое мужское ремесло, две Золотые Звезды Героя.

И думая о Любе, девочке, письмом которой я начала эту главу, с ее мечтой о судьбе необыкновенной, с ее боязнью, что интересная большая жизнь про шумит мимо нее, я возвращаюсь к словам Гризодубовой: «...брать на себя больше, чем требуется». Сколько лет может энергично работать человек? Около сорока — сорока пяти, если считать время от окончания школы до вступления в тот возраст, когда можно идти на пенсию. Ну пятьдесят с лишком... Уже трудно.

Екатерина Петровна Михайлова учительствовала шестьдесят! И прожила жизнь если и обычную, то не обыденную. И кто усомнится в справедливости, если в один ряд поставить легендарную летчицу и неутомимую просветительницу?

У Глеба Успенского есть очерк «Выпрямила». В его названии — глагол, действие. Герой очерка, учитель из деревенской глуши, с простецкой фамилией Тяпушкин, по счастливой случайности попав в Париж, переживает необычай-

ный душевный подъем, увидев в Лувре Венеру Милосскую. Бессмертная статуя, воплощение совершенной красоты гармонического человека, вызывает в его воображении рой светлых образов. Он вспоминает и русских девушек-революционерок, и картину дружного труда крестьянских парней на сенокосе... В минуту озарения он и себя, деревенского интеллигента, одержимого не своими заботами, видит в одном ряду с ними. При всем неустройстве его жизни дело, которому он самозабвенно служит, нравственно возвышает его.

И благо, если, подобно сельскому интеллигенту Успенского, человек, размышляющий о своем пути у начала его, шире раздвигает перед собой тот ряд высоких предназначений, среди которых может быть и его собственное.

Взахлеб, не отрываясь, прочла я автобиографические записки Михайловой — полторы сотни страниц выцветшего машинописного текста. Екатерина Петровна оставила свои воспоминания всего лишь для архива. Вдруг пригодится кому-то факт, имя, подробность уходящего в историю бытия. Прожила она долгую жизнь: родилась в 1879 году — скончалась в 1971-м.

После гимназии поехала работать в дальнюю северную деревню Заозерье, где открывалась школа на двадцать пять учеников разного возраста. Учила там детей и взрослых, лечила, читала им вслух по вечерам книги, помогала составлять казенные бумаги... А когда уезжала, благодарные крестьяне тайком от нее послали родителям в Тихвин подарок — сотню яиц. Позже окончила Екатерина Петровна высшие женские курсы по историко-филологическому факультету (Бестужевские, как их называли по

имени ректора). С той поры продолжала учительствовать то в приволжском селе, то в частной петербургской гимназии, то в колонии для беспризорных, то в подмосковной экспериментальной школе. Учительница в семнадцать, учительница в семьдесят семь — никаких должностных перемен. Жизнь без стремительных взлетов, без бурных потрясений. Что же захватывает в воспоминаниях этой женщины? Прямой, пронизательный взгляд на жизнь. Верность своему предназначению, долгу, самой себе. Безукоризненно честное служение делу. В этом, собственно, и сходятся две дороги — вечной учительницы и героической летчицы. И оказывается, что сама обыкновенность пути еще не влечет к омещаниванию и душевному оскудению, чего так боится Люба.

«Делайте маленькое дело, но овладевайте им в совершенстве, относитесь к нему как к делу великому. В своей области вы станете великим человеком», — советовал молодым Андрэ Моруа, не раз обращавшийся в своих произведениях к жизни замечательных людей.

Со страниц рукописи Михайловой звучал голос интеллигентного человека — негромкий, но без единой фальшивой ноты. Почему она стала учительницей? Решение неординарное. Три деревни сожгли молодую колдунью. Семья тихвинского инспектора народных училищ, который был присяжным заседателем на судебном процессе по делу крестьян, совершивших этот страшный акт, с тревогой ждала исхода. И вот облегчение: девяносто крестьян оправдано, виновным признано их невежество. А у девочки, дочери инспектора, возникает цель в жизни — стать сельским просветителем. Первой из своего

городка устремится она на высшие женские курсы, за ней потянутся другие. Будет ходить на публичные лекции Тимирязева и на заседания юридического общества, заниматься в кружках философии и психологии. Будет морозными ночами стоять в очереди, чтобы попасть на гастроли Московского художественного театра, зачитываться Толстым и Чеховым. Возьмется за общественную работу — в университете народного образования, в совете всероссийского учительского союза. Познакомится с деятелями народного просвещения — Ф. Ф. Павленковым, издателем и организатором народных библиотек в России, Н. А. Рубакиным, известным поборником самообразования и пропагандистом книги. Всю жизнь она жадно вбирает знания, чтобы их отдавать. В тридцатые годы ей уже за пятьдесят, а она — участница семинаров у известной всему московскому учительству Марии Александровны Рыбниковой, ходит на занятия с учителями к Дмитрию Николаевичу Ушакову. Бескорыстная труженица, даже в то время, когда силы на работу иссякли, она не оставила общественной деятельности — возглавила комиссию по сбору воспоминаний слушательниц высших женских курсов, давших России блистательную когорту женщин-ученых, просветительниц, революционерок.

Читая рукопись, я ощущала безупречное нравственное чутье автора, вспоминавшего не о себе на фоне времени, а о времени, отразившемся в одной судьбе, о близких ей по духу людях из той русской интеллигенции, которая сердцем и умом приняла революцию. В память запали слова из последнего письма перед казнью бес-тужевки — Анны Венедиктовой, отдавшей свою

жизнь борьбе с самодержавием: «Я ведь такая маленькая величина в революционном мире». Тут важно не слово «маленькая», а слово «величина». Сознание себя единицей, а не нулем даже и во вселенском масштабе. Сознание ради действия.

Рукопись Михайловой, в которой упомянуты эти слова Венедиктовой, мне дали прочесть члены московского бюро бывших бестужевки. На их жизненные дороги можно было смотреть уже с вершины лет. Иные перешагнули за восемьдесят, а некоторые и за девяносто. Но кого не восхищала их деятельная старость, стойкость их связей, возникших в юности! Трогательная взаимопомощь и забота друг о друге, благодарная память о самом духе курсов, первого в России учебного заведения, открывшего на средства общественности путь к высшему образованию для женщин. Первое слово, которое они слышали, входя в мрачноватое здание за углом Среднего проспекта на 10-й линии Васильевского острова, было непривычное тогда для слуха барышень слово «товарищ». В этом слове или, вернее сказать, в том глубинном содержании, которое оно заключает, ключ к пониманию их отношений.

Барышни, с медалью окончившие гимназию, становились упрямыми курсистками, а затем сознательно ехали по российским весям не только учить и лечить, но и бороться с властью тьмы. Товарищество поддерживало их и на расстоянии друг от друга. Они чувствовали, что стоят в одном ряду подвижников. Это сближение происходит и во времени. Все светлое, что было в прошлом, если оно живет в памяти, укрепляет и возвышает наш дух.

Что же должно связывать людей вместе, чтобы общая работа стала для них работой «в степени романтики»? Десятилетия прошли, а не изгладилось впечатление от встречи, к организации которой и я была причастна. В Голубом зале «Комсомольской правды» собирались после долгой разлуки первостроители Комсомольска-на-Амуре. 12 июня 1964 года. Позже эта дата их московского сбора станет традиционной.

Накануне в коридорах редакции появились люди, которые, как пароль, произносили слово «Комсомольск», — строители, имена которых вошли в историю этого города: бригадир знаменитой бригады плотников Алексей Смородов, заложивший его первый камень; один из известнейших людей стройки — механик-краснофлотец Хазбулат Зангиев; секретарь первого горкома комсомола и член ЦК комсомола тридцатых годов Исаак Минкин; корчевщик, а затем ответственный секретарь первой в городе газеты Михаил Ильин...

Жизнь разбросала их в разные края. Смородов приехал с Дальнего Востока, где был начальником одного из промышленных управлений при Амурском облисполкоме, Минкин — из Ростова-на-Дону, где работал начальником товарной станции, Зангиев — из Ташкента, где руководил подразделением на одном из комбинатов, Ильин был начальником отдела на заводе «Амурлитмаш» и возглавлял совет первостроителей в самом Комсомольске. Строители собирались у подъезда «Комсомолки». Выделялась высокая, чуть сторбленная фигура И. А. Каттеля, первого начальника строитель-

ства; подошел секретарь первого комитета комсомола стройки С. Ф. Поликарпов; бригадир лесорубов полковник в отставке С. С. Шефтелевич; генерал медицинской службы в отставке Б. Д. Гуцин; Герой Советского Союза Алексей Маресьев. Многие не виделись лет по тридцать. Всмотривались в лица, кидались друг к другу в объятия, плакали, целовались.

Общаясь с ними в эти дни, и мы, газетчики, прикасались к тому, что было для них дорого.

...Зангиев направился в Комсомольск после флотской службы, прямодушный горячий кавказец, готовый в огонь и в воду за свою братву. Рассказывая, он как бы заново переживал все, что было, вспыхивал, восторгался, сердился, описывая былые авралы, собрания, штурмы, споры, словно не десятилетия, а считанные дни отделяли его от них.

Столь же обстоятельный в рассказах, Смородов был, напротив, скуп на выражения чувств, придиричив к собственной памяти.

Записывала их рассказы не спеша. Было такое ощущение, что нельзя упускать не только подробности истории, но и то, как отложились они в памяти героев сурового времени. Строительство Комсомольска-на-Амуре — эпопея, в которой остро и страстно запечатлелся облик участников первых пятилеток, тех, что с необычайным энтузиазмом и энергией «толкнули время вперед». Описывая героическое прошлое, порой опускают черты драматические и даже трагические. Мы это почувствовали, разговаривая со строителями Комсомольска. Возвращаясь к их рассказам спустя годы после встречи, я и хочу выделить в них то, что помогает понять, почему они выстояли.

Владимир Андреевич Фаворский, крупный советский художник, сказал однажды: «Основой подвига является забвение себя. Когда перед тобой возникает что-то большее, например Государство или Человечество».

На заре первых пятилеток на карту поставлена была судьба страны. Если бы мы не построили тогда свою индустрию, не укрепили тылы на востоке, что было бы позднее, в сорок первом?

С какой же мыслью ехали люди в тайгу? Безусловно, понимали, что берутся за дело величайшей исторической необходимости. Приходилось ли им сознательно идти на жертвы, на «забвение себя»? Только представим себе, как это начиналось.

...10 мая тридцать второго года к левому берегу Амура, близ села Пермское, после четырехдневного пути причалили первые пароходы. Тайга подступала к самой воде. Под ногами скрипела галька. Высплились впереди огромные сопки. Грозовая туча плыла по небу. Скользя на мокрых кочках, люди выгружали на берег ящики с продовольствием, мешки с мукой.

Над таежным берегом взвился красный флаг, и ранним утром новый город, состоявший еще из палаток, шалашей и землянок, послал первые свои позывные. В тот же день группа комсомольцев во главе с Алексеем Смородовым ушла на лесосплав по Силенке. На заре 12 мая новоселы начали наступление на тайгу. Плотники, столяры, слесари, токари занялись изнурительной работой — раскорчевывали заболоченные леса. Болота еще не оттаяли. А 26 мая внезапно выпал глубокий снег, превративший тропинки в непролазное месиво.

Михаил Ильин вспоминал, что еще не было построено ни одного дома, а на Релке, именуемой теперь Аварийной горкой, появились могилы. Унес несколько жизней сыпной тиф.

Летом над болотом поднимались тучи комаров и мошки. Болела кожа от укусов, опухало лицо. Слабые с тоской смотрели вверх по реке, откуда приходили редкие пароходы. Но упрямо метр за метром люди отвоевывали в тайге место для города.

Снаряжения не хватало. Бригада в двадцать пять человек имела один или два топора, две лопаты, пилу.

Зангиеву поручили создать мастерские. Он занял крестьянский сарай. Вывезли на самодельной тачке навоз. Сделали верстаки. Откопали на берегу токарный станок, по виду — времен Петра I. А когда получили они паек, набрал он у ребят пол-ящика конфет и печенья и выменял на них у кузнеца в Пермском старые мехи для кузницы. Оказалось — дырявые. Снял свои сапоги, срезал голенища. Брюки флотские были на нем, настоящего сукна, модные, с широким клешем. Обрезал и их. Починили мехи. А наковальню перетасили с одной баржи. Ребята смеялись:

— Костя и Кузьма Бородин пустили горячий цех!

Позже получили моторы. С американских тракторов. Свои тогда только начинали еще выпускать. Появился разный инструмент. Стали мастерские принимать заводской вид.

«...Мы в тяжелых условиях, без спецобуви и одежды, буквально вручную выкорчевывали многолетние деревья, расчищали еще не оттаявшую землю. И одержали победу...» — так пи-

сали комсомольцы «Дальпромстроя» летом 1932 года.

В тайге работало тогда уже около семи тысяч комсомольцев. Лишения, с которыми столкнулись строители, оказались непредвиденно велики. Нелегко было доставить в тайгу в сложных условиях огромную массу людей и оборудования, да и страна была тогда небогата. Об автоматике только еще мечтали. Все решали люди. Их самоотверженность становилась необходимой нормой жизни.

Возникали трудности и нелепые, безобразные из-за халатности, нерасторопности тех, кто должен был обеспечивать город: выдали строителям лапти — о портянках забыли. Вместо самых необходимых продуктов и инструмента в конце мая привезли из Хабаровска партию фарфоровых унитазов.

Мы много раз справедливо говорили и, наверное, еще будем говорить о том, что нельзя энтузиазмом одних затыкать прорехи бесхозяйственности и разгильдяйства других. Конечно, нельзя. Есть точная ленинская формула: «Не на энтузиазме, а при помощи энтузиазма...» И все-таки жизнь настолько сложна и противоречива, что и теперь такое случается. Но из-за чьей-то бестолковости, бюрократизма или халатности разве остановишь дело, если оно уже движется?..

И надо выполнять свой долг.

Шло сражение, быть может, более трудное, чем военная битва. И люди сознательно терпели лишения, шли на жестокое самоограничение в потребностях. В их языке не было слова «жертва». Они действовали по собственной воле, по внутреннему убеждению. Хазбулата

Зангиева — на стройке его звали Костей — отправили в Хабаровск в больницу, но, едва начав выздоравливать, не выпуская еще из рук костылей, он уже рвался назад, на стройку.

В сильнейшие морозы аммоналом взрывали землю. Работали и тогда, когда за три месяца до навигации подошли к концу запасы продовольствия, пришлось добровольно снизить норму выдачи хлеба на каждого до 300 граммов. Люди торопили завтрашний день. Комсомольцы еще жили в шалашах и норах, а все-таки в тайге открылся вечерний строительный техникум.

Тайга и Амур преподносили опасные сюрпризы.

Осенью запас леса для стройки сплывали сверху по Амуру. В начале ноября по реке пошла шуга — мелкий лед, а в ночь под праздник поднялась дьявольская пурга. Лед прорвал запань. Лес стало растаскивать течением.

Не снимая одежды, комсомольцы двое суток работали в студеной воде. Багром цепляли каждое бревно, обвязывали и тащили на берег. Сушили у костров. Тут же стоял бочонок со спиртом. Растирали замерзших. Одежда покрывалась ледяной коркой. Соперники — бригады Макаренко и Смородова — работали рядом. Лес, с огромными усилиями заготовленный летом, спасли дорогой ценой: шестьдесят человек заболели воспалением легких.

В феврале 1934 года на лесозаводе кончилась древесина. Достать ее можно было лишь на противоположном берегу Амура. Автомашин, тракторов, лошадей мало. И пришла на первый взгляд бредовая, но спасительная мысль — топорами продолбить во льду Амура канал в десять километров длиной и баграми проталки-

вать по нему бревна. Прорубать канал были мобилизованы лучшие бригады. 26 марта по каналу проплыло первое бревно. За первую смену было пропущено 210 бревен. За второй день — 647, 4 апреля — рекорд: 1443 бревна!

Возникает вопрос: как люди выдерживали? Что им помогало? Ведь были среди строителей и совсем зеленые юнцы.

...Январским утром триста комсомольцев из нового пополнения ушли из Хабаровска в Комсомольск по глубокому снегу. На четверти пути на них обрушилась пурга. Люди обессилели. В двух шагах не видно было ни зги. Кожа трескалась на щеках от мороза. Ночевали в палатках на снегу. Продовольствие и вещи несли в заплечных мешках. И все дошли до цели. Потому что сильные поддерживали слабых. Сильные брали на себя вторую пошу, подхватывали уставших под руки.

Алексей Смородов рассказывал: «Сильные поддерживают слабых — это стало законом у нас. Что греха таить, были среди строителей и нытики. Некоторые бежали через реку и гибли где-то в лесах. Некоторые совсем не умели работать. Мы брали нытиков в бригады по два-три человека и учили их жить. Наш комсорг Гриша Пойда был замечательным воспитателем. Возьмет под опеку парнишку и с ним везде и всюду — на работе, в бараке, на собрании. Зарплату приучает правильно расходовать. Смотришь, пройдет несколько месяцев — человек оживает».

Алексей Маресьев приехал в Комсомольск-на-Амуре в 1934 году из Камышина. Имел уже тогда специальность токаря шестого разряда, механика-дизелиста, а работать послали

лесорубом. Пришлось учиться держать пилу и топор. Лишь когда стали воздвигать заводские цехи, потребовались специалисты. И он стал работать механиком-дизелистом на катере.

Несмотря на все трудности, жизнь в Комсомольске строилась по новому образцу. Работали и учились. Свободное время отдавали спорту.

Маресьев мечтал научиться летать, но в родном Камышине в аэроклуб его не приняли по состоянию здоровья. А тут аэроклуб создавали сами. Записалось семьдесят пять человек. Кто хотел, тот занимался. Достали старый самолет. Узнали, что на водном транспорте работает один механик, который как будто раньше был бортинженером. Пригласили его. Бензин собирали по капельке на аэродроме. Опрокидывали каждую пустую бочку, сливали все, что там оставалось. Сами построили парашютную вышку. И когда первая группа собственных летчиков-комсомольцев была выпущена, Маресьев уехал служить в армию на Сахалин.

На его долю выпала трудная участь. Во время войны его самолет был сбит. Восемнадцать суток он находился в лесу, на морозе, в снегу, без еды. «Меня часто спрашивают, — вспоминал он, — что помогло мне выдержать, победить, как удалось воспитать волю, характер. Я всегда отвечаю: таким меня воспитал коллектив строителей Комсомольска-на-Амуре. Он воспитал во мне умение преодолевать трудности и те качества, которые пригодились, когда я оказался в сложных условиях».

Добавим, однако, что коллектив особый, складывавшийся по им самим установленным нравственным меркам и побуждавший людей дотягиваться до них.

— Я советую молодым, — сказал Х. Н. Зангиев, — идти туда, где все начинается с закладки фундамента. Преодолевая трудности, они будут расти, мужать, найдут себя.

Легко ли давать такой совет? Могу поручиться, что Хазбулат Начеевич давал его от души, искренне, потому что себя считал счастливым человеком. Вчерашние безвестные мальчишки почувствовали себя командирами, взяли под свою ответственность работу, за которой следила страна. И это вдохновляло, вызывало потребность подняться над самим собой, выложиться сполна.

Молодежи конечно же легче выдвинуться там, где заваривается новое дело, там, где трудно, куда неохотно едут «старички», уже где-то осевшие, пустившие корни. Естественная логика вещей: огромный масштаб действия, самостоятельность.

ОГНИ ГОЛУБОГО ГОРОДА

Говорят: «голубая мечта», «голубые города». Почему «голубой» соединяется в нашем сознании с мечтой? Не потому ли, что это цвет неба, к которому мы поднимаем глаза?

Для нескольких поколений Комсомольск остался символом тревожной и бесстрашной молодости, ее подвижничества и осуществленной мечты. Голубым городом юности.

У каждого времени есть такие вехи: Днепротэкс, целина, Братск, КамАЗ, БАМ... Дела, вокруг которых круто замешиваются энтузиазм, коллективная мысль и энергия.

В конце шестидесятых поехала я в полярный Норильск.

С Игорем Аристовым, секретарем Норильского горкома комсомола, мы познакомились двумя годами раньше на теплоходе, на котором отправлялась из Владивостока в Иокогаму наша делегация на фестиваль советско-японской молодежи. Делегация была большая: рабочие, ученые, артисты, спортсмены. Аристова я вначале тоже приняла за восходящую звезду искусства. Элегантный, остроумный, доброжелательный, он держался скромно и независимо, не стремясь выделиться и все-таки выделяясь среди других.

Игорь рассказывал о своем городе с восторгом. И об остром чувстве современности в его стиле, и о стремлении людей к общению друг с другом, и о разнообразии их интеллектуальных интересов, и об особенном присущем ему духе товарищества. Признаться, мне казалось, что он бессознательно что-то преувеличивает, и все-таки захотелось побывать в Норильске, понять, почему этот дальний, отрезанный от Большой земли город с его бесконечной полярной ночью-зимой и мимолетным белым летом, город, продуваемый жгучими ветрами тундры и опаляемый долгими морозами, стал таким дорогим и притягательным для одаренных и энергичных молодых людей?

В первое же норильское утро, когда еще рано было куда-нибудь идти, я купила «Заполярную правду» и сразу заметила имя известного в ту пору строителя Евгения Французова. Заметка называлась «Всегда впереди». И это «Всегда впереди» отнюдь не было газетной гиперболой. Не год, не два впереди, а из года в год, начиная с 1956-го, когда приехал в Норильск эшелон первых добровольцев комсомола.

Чего только не строил Французов, бригадир строителей, в этом городе! В будни и на воскресниках, в деревенящую стужу, когда снег с макушкой укрывал столбы электропередачи и когда ветер сшибал с ног. Шесть бригад вывел в лучшие. Наконец решил возвратиться домой, в Москву. А через год опять затосковал по Норильску и вернулся назад.

Решила непременно повидать Французова, потому что особый дух города, говорили мне, создали добровольцы первого эшелона, те, кто приехал сюда в памятном пятьдесят шестом году. Тогда Французову, ровеснику Комсомольска, было двадцать четыре, а ребятам из его первой бригады — по восемнадцать.

Через два дня у него дома мы рассматривали фотографии начала стройки. Рядом за тем же столом его сын-третьеклассник готовил уроки. Второй, полуторагодовалый норильчанин егозил по комнате. Новая квартира была еще явно не обжитой.

— Опять все сначала, — заметил Французов. — Как видите, заново устраиваемся.

— Почему же вы вернулись? Не оказалось подходящей работы в Москве? — спросила я.

— Да что вы! Работы везде навалом, — возразил Французов. — И в Москву я вернусь. Но пока не могу отсюда оторваться.

Зазвонил телефон. Товарищ Евгения по бригаде тоже переселялся на новую квартиру. Бригада ему помогала. Французов, приязанный к дому детьми, доставал машину. А позвонили, что машина уже нашлась. По собственному почину приехал на ней бывший член бригады: оформил все как следует у себя на работе и явился.

— Ни о чем не просили человека. Случайно узнал о переезде и тут же вызвался помочь, — сказал Французов. — Без рисовки есть нечто такое в наших отношениях здесь, что заставляет любить этот город. Уехал, и тоска засосала.

Французов рассказал и такой случай. У одного из друзей первого их призыва произошла неприятность на работе. Он хоть и был виноват, но наказали его неоправданно строго: сгоряча решили снять с работы. Вечером собрались старые друзья на совет. В беде не оставили. Добились, что справедливость восторжествовала.

Каждый день я узнавала что-нибудь, чем они все гордились, хотя и относили к нормальному порядку вещей.

В Талнахе, в тридцати километрах от Норильска, когда мы заходили в бытовой комбинат, в клуб, в школу, мне бросилась в глаза нарядная внутренняя отделка зданий. Пожалуй, она могла бы даже показаться слишком яркой и праздничной. Но здесь, на севере, скучают по цветам, зелени, синеве неба.

— Это Коля Мельпиков! — тут же сказали мне. — Начальник отделочного участка. Между прочим, один из первых, наш комсомольский «кадр»!

Когда комиссия принимала школу, то спохватилась вдруг, что по смете цветной бордюры из керамики и живописное панно в холле не были предусмотрены... Перерасход? Оказалось, ничего подобного. Все излишества — из сэкономленных материалов. Отделочники старались бескорыстно ради красоты. А краски здесь как витамины.

Я начинала чувствовать то, чем так гордятся норильчапе, рассказывая о своем городе, — дух

Норильска. Начинала понимать и придирчивое внимание, с которым относилась к новичкам гвардия первого комсомольского эшелона. «Старички» протягивали молодым руку, вводили в свой круг, приобщали к его нравственным обычаям.

Кто знает, как бы повернулась жизнь Иры Черваковой, если бы не встретили ее в Красноярском крайкоме комсомола норильский секретарь Анатолий Подсекин и Евгений Французов. На хрупкую выпускницу библиотечного института в крайкоме взглянули с недоумением: в Норильск? Да не запрашивали оттуда такого специалиста! Но что-то тронуло в ней Подсекина и Французова. Сумели разглядеть в этой неприметной с виду девчужке силу характера, заставлявшую ее преодолевать робость. Стала она инструктором горкома, избрали ее позже вторым секретарем. В тогдашний мой приезд Ирина работала на телевидении Норильска, заведовала молодежной редакцией. Спустя годы мы встретились с ней в Москве. Ирина Михайловна работала в отделе пропаганды ЦК ВЛКСМ. Позднее вернулась к журналистике.

Сколько людей сама Ира сумела найти, открыть, не упустить в Норильске! Нетрудно познакомиться с человеком, но вот увидеть в нем то, о чем он и сам еще не подозревает, — ценим ли мы этот особенный дар провидения? Люди делают разные большие открытия: новые элементы, новые месторождения, новые звезды. Открывать людей — это тоже талант! Мне говорили, что у Иры природное чутье, интуиция на людей. Таким ее открытием был молодой инженер Аристов.

Игорь Сергеевич Аристов в восьмидесятих годах стал первым секретарем Норильского горкома партии. До этого долгое время был заместителем директора Норильского горно-металлургического комбината по кадрам. Работа с людьми оказалась его истинным призванием. А втянула его в общественную деятельность именно Ира. Встретившись с ней, он еще и не помышлял об этом поприще, мыслил для себя инженерное будущее. Но вот как-то на собрании молодых мастеров Аристов выступил с критикой рудничных порядков. Толково выступил, безбоязненно и аргументированно. Тут-то его Ира и заметила. Познакомились. Общим увлечением оказались поэзия, искусство. Игорь и не заметил, как вступил в круг забот горкома комсомола. Его, как и многих, потянуло к незаурядным людям, которые в нем работали.

Коллектив — не механическая сумма людей, это организм. Он может ослабевать и крепнуть, болеть и выздоравливать, хотя люди будут по-прежнему работать бок о бок. В коллективе должна быть самодвижущая импульсивная сила, ему нужны самобытные личности, взаимодействие которых вызывает в нем биение мысли. В Норильском горкоме комсомола часто собирались творческие люди из разных организаций, ставшие здесь друзьями. Собирались не по обязанности и не потому, что их вызвали, а потому, что волновали их одни и те же общественные проблемы. Хотелось проверить, обсудить с друзьями самые неожиданные идеи, пришедшие в голову. У этих разговоров не было формального регламента, протокола, просто собирались, кто свободен: завуч школы, диспетчер управления строительства, директор школы

рабочих-подростков, учительница, бригадир с рудника, режиссер телевидения... Их коллектив спланировался вокруг самого притягательного в человеческой жизни — творчества.

Так «обкатывалась» в горьком идея передачи «Прометей», задуманной молодежной редакцией телевидения. Режиссер Игорь Шадхан предложил вести прямо с экрана разбор сложных житейских ситуаций, в которых отрицательное явление представляло бы не в обнаженно любовном виде, а так, как чаще всего бывает в жизни, — в осложнении многих обстоятельств, кажущихся извинительными.

Представим себе, что на экране идет суд, развивал свою идею Шадхан. Одни актеры — обвинители, другие — защитники. Ведущий — арбитр. Идея понравилась. Но Ира Червакова предложила от актеров отказаться. Пусть судят рабочий, учитель, врач, выражая собственную позицию, размышляя вместе со зрителем.

Первый суд был над хамством. Хамством завуалированным, утопчённым, прикрывающимся заботой о деле, принципиальностью. Второй раз судили расхлябанность, расточительство времени своего и чужого. В передачах участвовал горьковский актив. После первой же из них к участникам ее подходили на улице, на остановке автобуса незнакомые люди, говорили «спасибо». «Прометей» быстро обрел популярность.

С Игорем Шадханом Ира меня тогда и свела в норильской телестудии: эрудит, выдумщик, умница с острым взглядом на вещи. Воистину творческая натура! Пройдет много лет, и я с увлечением буду, как и многие, смотреть по телевидению серию передач «Контрольная для

взрослых». Спорные вопросы воспитания, конфликты между взрослыми и детьми выносились на обсуждение аудитории в их обнаженной противоречивости и сложности. И мы вместе с заинтересованными людьми волей-неволей включались в это не отрепетированное заранее действие и, следя за драматическими перипетиями разговора, думали, волновались, выдвигали собственные аргументы. Одним из двух авторов «Контрольной для взрослых» оказался режиссер Ленинградской студии телевидения Игорь Шадхан. За этот цикл он и его коллега получили премию Союза журналистов СССР. А я узнала в этой передаче знакомый почерк. Узнала то зерно, из которого выросла оригинальная творческая форма цикла, — ну конечно же норильский «Прометей»!

Мыслящие люди тянутся друг к другу. Вместе со своим «Прометеем» Игорь Шадхан попал тогда в круг друзей горкома. Стал руководить самодеятельностью в вечерней школе рабочих-подростков. Увлёкся самой идеей этой школы. Дело рождалось в муках. Провели городское собрание против равнодушия и, уходя от общих слов, постарались проследить, почему стали хулиганами несколько подростков. Потом долго готовили пленум с трансляцией по телевидению. Потом создали отряд «Юные коммунары» и подростковые трудовые лагеря. За две тысячи километров в совхоз на Енисее увозили ребят. Через несколько лет таких лагерей стало четыре. Один — под Туапсе.

И наконец, организовали «Современник» — вечернюю школу для рабочих-подростков города. В первый год существования ее директор-энтузиаст Федор Кузьмич Помораев руками

разводил: самая беспокойная школа в городе. Любимое детище горкома, но, как все любимые дети, доставившее ему массу неприятностей. Это был эксперимент. Сами твердо не могли сказать, что из него получится. Но так ведь и интересно работать, когда знаешь, что можешь экспериментировать, пробовать, искать, не боясь ошибиться. Это все-таки лучше, чем, сталкиваясь с трудной общественной задачей, сетовать и разводить руками или действовать по инерции.

Творчество, право на эксперимент, стремление уйти от канонов, если в них нет нужды, — это и сближает людей, способных к действию, молодых, полных сил.

Другое наиважнейшее условие — чистота нравственной атмосферы коллектива. И прежде всего, как я не раз убеждалась, определяют ее такие человеческие поступки, которые становятся для всех своеобразным эталоном поведения.

Свою квартиру в Норильске Ира Червакова уступила друзьям, у которых родился ребенок. Они маялись без жилья, она была тогда еще одна. И, недолго думая, не спрашивая ничьих советов, переселилась временно к подруге, на год уехавшей из Норильска на материк. Решила — как отрезала: спорить с ней было бесполезно. Конечно, трудно ожидать, что так все будут делать. Но, если говорить о нравственном возвышении человека, влияние таких поступков на окружающих неоценимо. Если такой человек есть, если он на виду, само его присутствие не может не воздействовать на нас.

В жизни приходится сталкиваться со множеством трудностей и преодолевать их. Но есть люди, которые сами стремятся к риску: вступают в единоборство с природой, ищут встречи с опас-

ностью. Как-то вечером на телестудии около часа просматривали мы с Ирой пленки: четверо молодых норильских туристов, инженеры Юрий и Валерий, рабочий Володя и аспирант Саша, за двадцать шесть дней прошли на двух самодельных плотках по северным рекам Котую, Мойеро и частично пешком тысячу километров. По кадрам видно было, как обрастали усами и бородой, худели. Покрывался мешковинными заплатами шикарный свитер Валерия. Спали по шесть часов. Двое гребли, двое спали. Штурмовали пороги. Тащили на себе тяжеленные рюкзаки. Бегом бежали последний километр до эвенкийского селения Эконда. В горком пришла телеграмма: «Мы счастливы».

Куда только не ходили эти норильские туристы! И по Таймыру, и на Саяны, и Среднюю Азию на мотоциклах проехали! Одна из групп шла через горы из Норильска в Волочанку восьмьсот километров на лыжах. А тут надвинулся с Ледовитого океана циклон, снег смело, шли по земле...

Инженер Юрий Шевелев мне попытался объяснить, что влечет его в рискованные тяжелые походы по тундре, по северным горам и рекам: «Человеку нужна встряска, тогда появляется второе дыхание, вкус к жизни».

И точно так же объяснил мне бригадир рудника «Заполярный» Роберт Емченко свое решение сколотить бригаду именно из молодежи.

В руднике на нижнем горизонте участок не выполнял план. Осваивали новые методы дробления руды. Порода здесь оказалась слабее, сыпучее. Добытчики, работавшие внизу, расхолодились. Тариф им платили в любом случае: самое тяжкое место. Роберт и стал добиваться созда-

ния здесь комсомольско-молодежной добычной бригады. Как он заметил, «нужна была самоотверженность, хотя бы на первых порах». Добился. Бригада стала одной из лучших в городе. И смежные профессии освоили, и рационализацию ввели. Но прежде нужен был толчок. Усилия выше обычной меры. Потребность попробовать себя есть у каждого, рассуждал Роберт, но ее надо разбередить. Коллектив бригады на том и сплотился: захотелось встряхнуться, показать, что не лыком шиты, хоть и молоды.

Потребность выложиться, преодолевая себя, успливает сознание, что дело, в котором участвуешь, срочное, важное, у всех на виду. Ира Червакова вспоминала, как начиналось освоение Талнаха. Место это испокон веку считалось гиблым. В переводе на русский само его название — проклятие. Но залежи руды тут богатейшие. Строить рудники в Талнах направляли из Норильска добровольцев. Строители начинали с палаток, с временок. Морозы ударили неожиданно рано. Волосы ночью примерзали к сеткам кроватей. Наладить быт строителей стало главным делом. Ира, работавшая в горкоме, в то время не вылезала из Талнаха даже тогда, когда могла не ехать туда. Я осторожно спросила ее об этом.

— Мы ребят агитировали туда ехать. А условия сложились тяжелее, чем можно было предположить. Нельзя было не разделить с ними их тяготы. Да и хотелось, чтобы люди знали, что о них думают ежечасно. Талнах был для нас, норильчан, как второе дыхание. Всколыхнул, сплотил, проверил.

Несколько раз я слышала тогда эти слова — второе дыхание.

Способность к подвижничеству, самоотречению ради дела, ради других людей, наверное, самая удивительная и возвышенная из человеческих способностей. Способность драгоценная, и ее надо беречь.

Но бывает и такое, что энтузиазм расточают без надобности. Бывает, что во главе конкретного дела оказываются люди недалекие, зашоренные, за сиюминутными заботами упускающие из виду главные ценности.

Ира вспомнила незначительный вроде бы случай. Однажды на целине они, четырнадцать студентов, оказались на очень дальнем участке. И три дня им не везли хлеб. То ли машина сломалась, то ли про них забыли. До усадьбы совхоза около сотни километров: не сбегаешь поругаться. Что делать? Бросить работу? Кто бы их посмел упрекнуть? Но они продолжали работать. Варили какую-то бурду и работали. Они вдруг поняли, что стоит им сложить руки и захныкать, как хуже всего будет им самим.

Сложный вопрос. Может быть, даже спорный. Но все-таки чувствую и теперь, возвращаясь к нему: Ира права. Размагниченность, расхлябанность, растерянность, уныние, какими бы причинами они ни были вызваны, оборачиваются прежде всего против тех, кто растерялся, кто расслабился.

Сходный конфликт недавно произошел у студентов, поехавших убирать картошку в подмосковный колхоз. Им не сразу дали помещение, где можно было бы просушить одежду, не повезли горячий обед. И часть ребят тут же уехала домой. Вышел скандал. Обе стороны оказались не правы, пострадало дело. А беда в том,

что у ребят не было коллектива, который мог бы и трезво оценить обстановку, и постоять за себя, и сдерживать эмоции у тех, кто не в меру горячился.

Работать на севере тяжело — азбучная истина. И люди едут на север, зная это. Едут вполне сознательно. Кто-то из них хочет побольше заработать, кто-то крепче встать на ноги. Кого-то влечет «работа в степени романтики». И люди выбирают ее не потому, что меньше любят жизнь со всеми ее благами. Они, может быть, даже больше ее любят и испытывают жажду ощутить всю ее полноту. Говорят, кто не знает холода и тьмы, не узнает и всех радостей тепла и света.

Но тепла там, в одном из пяти самых северных городов мира, людям надо, конечно, больше, чем в краях поюжнее.

«Мы сейчас создаем на заводах и рудниках зоны полного и быстрого обслуживания рабочих. В этих зонах — столовые, магазины, пункты химчистки, проката, билетные и сберегательные кассы, спортивные сооружения. Такие блоки проектируются и строятся одновременно с производством», — рассказывал Игорь Сергеевич Аристов. Виделись мы с ним в Москве. Он был делегатом XXVII съезда партии. Естественно, сравнивали вчерашний и сегодняшний день Норильска. Как всегда, говоря о себе, Игорь Сергеевич все-таки говорил о городе, потому что целиком живет его заботами. Счастлив, что, создав мощную строительную базу, норильчане стали ритмично строить жилье: ежеквартально сдается четверть тех домов, что запланировано построить за год. «В конце пятилетки все, кто к нам приедет, получают жилье сразу».

Дальний полярный город стал для тех, о ком я рассказывала, дорогим. Это не родной город, который любишь уже за то, что он родной. И каждый, кто живет здесь, не забывает, что он еще и москвич или ленинградец, одессит или волжанин. Многие отсюда через несколько лет возвращаются в родные места. Крайний Север — это все-таки Крайний Север. Но они навсегда остаются норильчанами, и каменный пятиэтажный остров среди тундры сквозь ночь и вьюгу, сквозь годы посылает им свои огни — голубые, когда на них смотришь сверху, с самолета.

ПРАВСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

На крутых поворотах истории время требует самоотверженности и бескомпромиссности от своих героев, ставит личность в жесткие условия выбора: да или нет, за или против. «Мы летим в истории, — писал в письме один из первых московских комсомольцев, комиссар Анатолий Попов, сын писателя Серафимовича, погибший на гражданской войне. — А там, за огнем, за разрушением, сквозь огонь, кровь, сквозь слезы и отчаяние уже просвечивает будущее... Каждую минуту нам грозит гибель. Клянусь Вам, мне жизнь сейчас не дорога. Борьба. Победа только и волнует».

В двадцать восьмом году, в годовщину десятилетия комсомола, вышла небольшая книжечка «Безумству храбрых поем мы славу». Книжечка о тех, кто погиб. На шершавой бумаге, с плохой печатью, с нечеткими портретами: трудное было время. Несколько лет назад я впервые ее увидела и, читая коротенькие статьи, всматривалась в юные лица. Убит на фронте, сторел

от туберкулеза, пал от пули бандитов, умер от тифа, не выдержало сердце. Как же надо было перенапрягать себя, чтоб не выдержало молодое здоровое сердце! Все заметки написаны были руками друзей, и первое чувство, которое захватывало,— чувство приобщения к братству, где все друг друга знают, связаны особыми узами идейного товарищества.

Готовность ринуться на передний край, не давая себе передышки, полное подчинение личного интереса общественной потребности момента становились тогда добровольной моральной нормой, продиктованной тяжелыми условиями действительности и беспощадной классовой борьбы — борьбы, которую вела страна за свое существование, за независимость, за социализм. Выбор линии поведения определялся сурово и четко, да и не мог определяться по-другому.

Мы живем в иное время. Подрастает уже второе поколение, не знающее, что такое война, голод, разруха. Иными стали и потребности человека, и требования к нему общества.

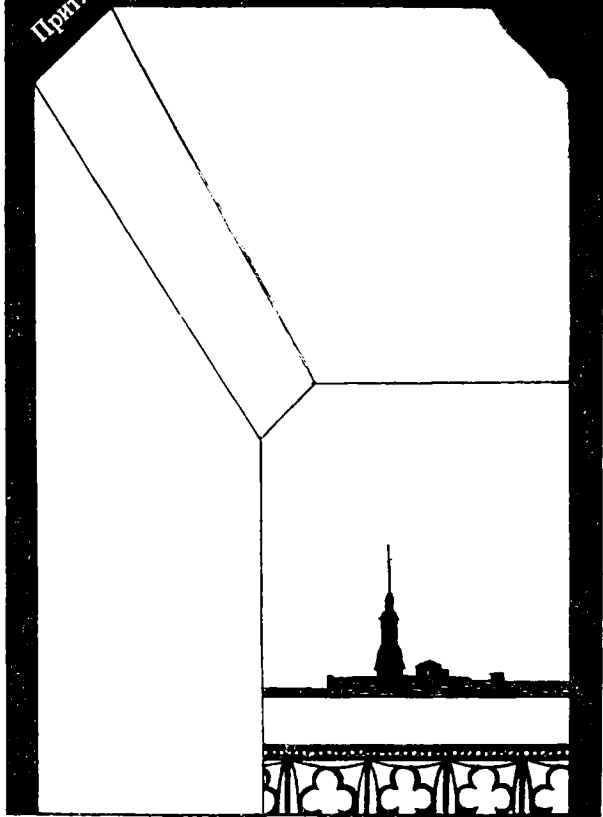
Строители Комсомольска и Магнитки начинали с землянок, боролись за чистый барак, за грамотность. Их потомки начинают работать, имея за плечами среднее образование или вузовский диплом. Заботятся, чтоб в снежном Талнахе, в зоне вечной мерзлоты, распускались цветы в зимнем саду. Торопятся открыть в новом поселке музыкальную школу. Блага — для человека. Не через десять лет, не завтра — сегодня. И у той шкалы, по которой оцениваем мы поведение человека, теперь стало больше делений, больше тонких градаций. Обществоведы констатируют: усложнились, стали более многообразными и разветвленными социальные связи

личности. Нет жестко заданных решений, общество предоставляет человеку больше свободы выбора, ориентируясь на его собственный самоконтроль. И это безусловное благо уже воспринимается нами как нечто само собой разумеющееся. Не могу не заметить, столкнувшись за десятилетия журналистской работы со множеством конфликтных ситуаций: мы более бережно и чутко относимся к человеческой индивидуальности, к личности в ее своеобразии, терпимее и осторожнее судим о ее поступках, ошибках и заблуждениях. Да и человек, особенно молодой, гораздо чувствительнее воспринимает и обиду, и несправедливость, наконец, просто равнодушные. Закономерность, которая радует.

Но в жизни нашей немало еще противоречий и трудностей. И там, где желаемое выдают за действительное, где интересы дела попирают в угоду бюрократическим или карьерным соображениям, где упрямо держатся за то, что устарело, — там человеку творческому и смелому покоя не видать. Стремление во всем добиваться справедливости и двигать жизнь вперед приводит на путь не всегда усыпанный розами. И такому человеку бойцовские качества еще как бывают нужны. Так же, как и умение бороться.

Притяжение прямоты

Когда наши личные интересы совпадают с общими, мы, чаще всего не задумываясь, поступаем как надо. «Хочу», «могу» и «надо» сталкиваются, если приходится выполнять свой долг, преодолевая себя, рисковать, идти на жертву. И хоть человек не из металла отлит, находится тот, кто и в самых трудных условиях действует, как подсказывает ему совесть. Вокруг таких людей возникает словно бы силовое поле духовного напряжения, которое одних притягивает, других отталкивает. Такие люди определяют климат коллектива, из них выходят и наставники по призванию, по внутренней потребности изменять жизнь.

В Куртамыше Курганской области я встретила с Анатолием Тельминовым, художником-керамистом, выпускником абрамцевского художественного училища. Музыкант, спортсмен-разрядник, мастер на все руки, он не умеет жить для себя, на работе не исчерпывает свою нравственную энергию. И вот решил заниматься с детьми. Сколотил отряд из подростков — мальчиков и девочек от девяти до пятнадцати лет, взял и нескольких ребят, состоявших на учете в милиции. Учил их приемам самбо и акробатике, картингу и спортивному ориентированию в лесу. Тех, кто захотел лепить, привел в свою мастерскую.

Я была с его «семнадцатью отважными» из отряда «Эдельвейс» в походе по берегу Тобола. Ребята тренировались в лазанье по веревке над обрывом, играли в лапту и в «Захват знамени», собирали ягоды. Еду варили на костре, вечером слушали соловья, а потом пели песни под гитару, на которой играл Анатолий. Ночевали в палатках. Устав отряда звучал как стихотворение в прозе, но был строг. Согласно уставу, из отряда могли и исключить. Один не выручил товарища в лыжном походе, другой не единожды уличен был во лжи — исключили. Решали сами ребята. Первое слово — за командиром и комиссаром. Анатолий владел умами ребят, не командуя, доверяя совету отряда. Он не пытался поставить себя над ребятами, а был рядом, вместе с ними. И вот что интересно: мальчишки, в своих классах считавшиеся середнячками, ничем не примечательными, в отряде расцвели. Здесь оценили их волю и ловкость, силу и мужество, а возросшее самоуважение словно бы выпрямило их. И учиться стали лучше, и держаться с достоинством. Родители безоговорочно доверились Тельминову. Казалось бы, что может быть естественнее, чем восхищение его энтузиазмом? Между тем ему приходилось защищать и отряд, и свое право работать с ребятами. Противники нашлись в детских учреждениях. Возникла масса вопросов. Кто ему дал право воспитывать детей без педагогического диплома? Что это за самодеятельность такая — отряд? Кому отвечать, если случится в походе беда? Не отвлекает ли он детей от уроков? За всеми этими вопросами чувствовалось самое обыкновенное недоверие: с какой стати молодой художник бесплатно тратит свободное время на чужих детей? Что им

движет: тщеславие, тайная корысть, душевное отклонение? Но с какой стороны к нему ни приглядывались — ничего подозрительного не обнаруживали, хотя пробовали его с детьми даже из похода возвращать в приступе подозрительности. Наконец признали: любит детей, и они отвечают ему взаимностью. Станный человек, чудак, Дон Кихот своего рода, этаким добровольный рыцарь детства. Но пока все не успокоилось, «рыцарю» пришлось пережить немало тревог, обид и неприятностей. В пору было махнуть на все рукой. Удержали ребята. Вернее, долг перед теми, кого не просто приручил, но и позвал к горным вершинам чистоты, благородства, мужества. Недаром отряд назвал себя «Эдельвейсом». Не вправе был Анатолий отступать. Рыцари нравственного бескорыстия — люди, однако, беспокойные, неудобные для всех, кто привык жить по трафарету. Ведь одно дело — действовать как должно, боясь осуждения, другое — по внутреннему велению, по вдохновению. Одно дело — признавать и одобрять привычные моральные предписания, другое — спешить делать добро по собственной инициативе. Люди, вокруг которых возникает это поле нравственной активности, притягивают к себе, на первый взгляд таких же, как и они, но, приглядевшись, замечаешь: рядом с ними и другие просто становятся лучше.

Знаменитый ижорский сталевар, Герой Социалистического Труда Сергей Иванович Ильин пошел работать мастером-наставником в СПТУ. Спустя полгода после начала учения мы с Сергеем Ивановичем и директором училища просматривали личные дела его подопечных пз вновь организованной по его же предложению

группы будущих подручных сталевара. Специальность тяжелая, и выбрали ее в большинстве иногородние с успеваемостью ниже средней. Школьные характеристики, казалось, любого могли бы повергнуть в уныние, до того досадно похожи были друг на друга: «Учился посредственно», «Ни к чему не проявлял интереса», «В общественной жизни участия не принимал»... Сплошные «не». А в глазах Ильина — усмешка. Оказывается, группа у него теперь — одна из лучших в училище.

Что за метаморфоза такая? Со своими подопечными, оказывается, Сергей Иванович с утра до вечера вместе. Начал с того, что повел их в свой цех на субботник. Ну а в цехе, естественно, Ильин — авторитет. И ребят, давно свыкшихся с тем, что в школе и дома их шпыняют, тут вдруг встретили с почетом, как именинников. Они сразу попали в «силовое поле» Ильина, любимца цеха, и конечно же не могли ударить в грязь лицом. Работали в полную силу и полной чашей вкусили похвал. Неудивительно, что им в цехе понравилось.

В совхоз на уборку овощей Ильин тоже сам поехал с ними. И рядом с ним они опять никак не могли работать спустя рукава. Ильин и в общежитии навел порядок, и о питании ребят позаботился, и на спортивную площадку с ними отправился. Не поленился и лодыря утречком рано самолично вытряхнуть из постели, заметив, что тот повадился было опаздывать на занятия. Ребята души не чают в своем Сергее Ивановиче, и он с ними счастлив. Мне так назвал один из принципов своих с ними взаимоотношений: «С молодостью нельзя лукавить».

Наставничество стало у нас распространенным явлением. Наставниками к молодым рабочим на предприятиях, к школьникам на производственной практике стремятся определить людей опытных, умелых и порядочных. Так, разумеется, и должно быть. А все-таки наставник в глубоком смысле слова — прежде всего яркая личность с гражданским темпераментом, с острым нравственным чутьем. Наставничество, учительство — прежде всего воспитание примером. Но само понятие примера гораздо сложнее, чем часто мыслится. Человек может быть добросовестным и умелым токарем, врачом, бухгалтером, учителем. Его можно ставить в пример другим, и никто возражать не станет, но и не воспламенится от соприкосновения с этим человеком, не увлечется, не пойдет следом. Мало тут мастерства, добросовестности, честности — еще и внутренний жар нужен. То, что не всякому дано. Своего рода талант человеческий.

Такие люди как дрожжи, как бродило. Там, где они, непременно возникают точки роста, развития, перемен. Благо, когда они есть в коллективе. Еще большее благо, если они вносят в молодой коллектив не только свой душевный огонь, но и поддерживают его своим авторитетом.

Когда-то А. И. Герцен метко и верно сказал: «Ничего в свете не очищает, не облагораживает так отроческий возраст, не хранит его, как сильно возбужденный общечеловеческий интерес». В разное время и в разных обстоятельствах добровольных энтузиастов, способных этот интерес будить, называют ребячьими комиссарами, наставниками. Я встречала среди них рабочих,

комсомольских работников, газетчиков, ученого, летчика.

Сталевар Сергей Ильин, художник Анатолий Тельминов, газетчик Евгений Волков, физик Сергей Литвиненко, партийный работник Зинаида Николаевна Немцова...

О Зинаиде Николаевне я хочу рассказать особо. Знакомство наше длится четверть века. С судьбой ее соединилась целая цепь интересных людей, которые рядом с ней учились социально мыслить и совершенствовать себя, совершенствуя действительность. Это громко звучит, но это так.

ПО ПОРУЧЕНИЮ ПАРТКОМА

Миновав Литейный мост, выхожу на Выборгскую сторону, иду по набережной, вдоль шеренги именитых ленинградских заводов. Утреннее солнце ныряет в летучих облаках над куполами Смольного собора, что на том берегу Невы. Порывистый ветер дует в лицо, а из головы не выходят строки Бориса Корнилова:

Нас утро встречает прохладой,
Нас ветром встречает река.
Кудрявая, что ж ты не рада
Веселому пенью гудка?

Ликующая музыка молодого Шостаковича, так созвучная ритму страны, бодро и молодо отме-
рившей «размаха шага саженьи».

Мелодия издали, от начала тридцатых, песня из фильма «Встречный», снимавшегося на Металлическом заводе в годы, когда она, в то время Зина Немцова, боевой культпроп из Кировской гвардии, тоже была в расцвете своей молодости.

Впрочем, душой чувствуем ли мы возраст? Накануне ее восьмидесятипятилетия говорила с Зинойдой Николаевной по телефону. Низковатый голос ничуть не изменился: «Мне бы, родная, лет двадцать скинуть, я бы еще повоевала...»

«Повоевала» — она часто повторяла это слово. У нее, члена партии с восемнадцатого года, оно наполнялось исконным своим смыслом. Познакомились мы с ней давно, вскоре после того, как вернулась она в Ленинград, с которым долго рассталась в тридцатые годы. Вернулась назад почти через двадцать лет. Имея персональную пенсию, снова пришла на свой завод и сумела-таки повернуть вспять время: проработала еще двадцать семь лет. И хотя не занимала ответственных должностей, а была инженером-экономистом, инструктором-методистом парткома, работала в заводском музее, с авторитетом ее считались все — от директора до мальчишек, пришедших из ПТУ в цехи. Партком дал ей, как ветерану партии и блестящему пропагандисту, поручение помогать комитету комсомола, и она стала самым настоящим его членом — не почетным, а действующим.

Оглядываясь назад, я уже не могу представить себе заводской комсомольский комитет, в котором с перерывами бывала в разные годы, без нее, почти не менявшейся: узкие насмешливые глаза из-под очков, небрежно заколотый рассыпающийся пучок пышных волос, незатахавшая папироса из бумажной пачки «Беломора»...

Ее маленькая комнатка-боковушка в парткоме была наискосок от комитета. И, лишь приближаясь к двери, я уже слышала ее задири-

стую речь. Застать одну удавалось ее редко. А встречала она всегда так, будто разговор с тобой прервала на полуслове полчаса назад, и ты тут же оказывался в водовороте ее забот как доверенное заинтересованное лицо, от которого ничего не скрывают. Или принимала тебя как единомышленника, или отвергала напрочь. А принимая, чистосердечно открывала всю полноту правды.

Я увидела ее впервые на рядовом комсомольском собрании в цехе. Собрание шло вяло, комсомольцы, до отказа забившие душный и тесный красный уголок, перешептывались или дремали. Вдруг притомленную аудиторию точно током ударило. Поднялась сидевшая в углу маленькая седая женщина в мешковатой кофте и, окинув всех цепким, властным взглядом, яростно воскликнула: «Стыдно слушать! Спите вы, что ли?» И сразу заговорила о самом больном месте в жизни цеха: почему не поднимаются заработки молодежи, не растет ее квалификация.

Работая в молодежной газете на пороге шестидесятых, я несчетное число раз заходила в уютный особнячок за чугунной оградой, сбоку притулившийся к кирпичным корпусам Металлического. (Теперь на месте особнячка новый инженерный корпус.) А тогда у заводского комитета комсомола были на втором этаже две большие смежные комнаты. И с утра до вечера валил туда народ: комсорги, бригадиры, члены ударного штаба шефства над турбинами, туристы, молодые рационализаторы... Выдавшие виды стулья кочевали из комнаты в комнату. Кто-то непременно усаживался на подоконник. За высокими окнами открывался невский простор!

С заводского пирса лихтер «Лодьма» увозил по реке заводскую продукцию — колоссальные металлические конструкции турбин для электростанций, названия которых гремели по стране.

В комитете об этих подшефных гигантах говорили с ответственностью инстанции, от которой, несомненно, зависело их рождение в срок. Молодежные субботники, ударные вахты... В те годы запускалась серия трехсоттысячных паровых турбин, а в последний раз я была на заводе, когда тут испытывался миллионник, открывший новую серию.

Что ни говори, техника за четверть века шагнула далеко вперед. А вот человеческие проблемы?! Насколько же труднее они решаются. Но и теперь и тогда притягательными на этом заводе были не одни масштабы его техники.

В комитете комсомола собирались незаурядные, мыслящие люди. Они делились со мной, корреспондентом, не только радостями своих побед, но без стеснения обсуждали и трудности, конфликты, сомнения. Кипела жизнь, и в нее хотелось окунуться, узнать, что будет дальше. Мы были ровесниками. Это упрощало отношения. Я могла прийти к ним и на принципиальное собрание, и просто в гости.

Энергичная, ершистая Фира Черниховская, заместитель секретаря по оргработе, знала на заводе в лицо чуть ли не каждого из молодых ребят. Именно к Фире чаще всего обращались они по личным вопросам. Она умела без спешки вникнуть и помочь, взявшись за дело с неукротимым напором. Точный аналитический взгляд Петра Посикана, технолога кузнечного цеха, вносил во все затеи комитета здоровую ноту сомнения и реализма. Толя Девятов, матема-

тик-расчетчик, спортсмен, заядлый турист, здоровяк, притягивал к себе жизнелюбием, стихийной самобытностью натуры. Фрезеровщицу Лиду Кузьмину любили за ее совершеннейшее бескорыстие, обезоруживающую искренность и совестливость.

Помню первое впечатление от комитета. Примостившись в сторонке, жду, когда затихнет спор. Белокурый, студенческого вида парень в кургузом поношенном пиджаке упрямо доказывает, что никакая это не утопия — определить для каждого молодого рабочего и инженера перспективу его образования, роста, выдвижения. Коллектив должен вести человека к высшей отметке его способностей, пробуждать и поддерживать в нем стремление к самосовершенствованию.

Не могу сказать, что услышала это впервые. Но все окрашивалось у него той личной убежденностью, которую сразу безошибочно отличишь от повторения затверженных фраз. Володя Бирюков — секретарь комитета, инженер-сварщик, тогда недавний выпускник Ленинградского политехнического.

Секретарем Володю выбрали неожиданно и для него, и для всех: лишь полгода успел поработать в отделе сварки. Намечали на этот пост другого, но вокруг его кандидатуры разгорелись страсти. Слишком хорошо знали того парня, умного, но заносчивого, любившего быть на виду. Сгоряча избрали Володю. И тут же, как бывает в молодости, разочаровались. Сравнивали с предшественником — обаятельным, общительным Анатолием Павловым, которого любили и отпустили неохотно, когда его выдвинули на руководящую работу в один из цехов.

Володе трудно пришлось на первых порах. Был он методичен, основателен, сдержан по натуре. Фира поначалу иронизировала над его «бухгалтерской» страстью все систематизировать и рассчитывать наперед. Позже-то как раз и оценили это его инженерное качество. Володя в душе тяжело переживал прохладное отношение к себе ребят, но не стал к ним подлаживаться, не заводил с ходу друзей-приятелей. Имел мужество оставаться самим собой. Его достоинства — целеустремленность, глубина, упорство, честность — раскрывались для окружающих постепенно, в делах. Пожалуй, лишь Зинаида Николаевна полюбила и приняла его сразу. Позже она метко выразила главное, что их сблизило: «Меня подкупило, что Володя искренне страдал от непорядков, с которыми сталкивался».

Общественное нутро человека, его готовность «пострадать» за дело — вот то, чем она со свойственной ей пылкостью восхищалась более всего, что в людях поддерживала и наедине, и публично.

Помню, как впервые пригласили на заседание комитета комсомола руководство одного из крупнейших на заводе турбинных цехов. Перед этим в нем едва ли не месяц работала комиссия, в которую входили ветераны завода, молодые мастера, члены комитета, а от парткома — Зинаида Николаевна. Выяснилось, что хотя цех и прославленный, но молодежь в нем не выдвигают, есть мастера, которые ущемляют интересы молодых рабочих, не считаются с их достоинством.

Заседание комсомольского комитета проходило в большой комнате парткома. Аудитория на-

электризована. Володя Бирюков безоглядно критикует работу с молодежью в турбинном. Народу полно: комсорги, мастера, руководители служб... Начальником цеха в ту пору был маститый, талантливый инженер, удостоенный высоких наград, человек, однако, крутой, упрямый по натуре. Вошел он на заседание последним и, сев у двери, хмуро поглядывал на часы, всем своим видом подчеркивая, как дорого ему время, которое он тут тратит.

Но, слушая Бирюкова, он насторожился и помрачнел.

— Выдаст сейчас Володьке.— шепнул мне знакомый мастер из турбинного.— Видишь, как разозлился.

Я тогда каждым нервом ощущала напряжение, с которым говорил Володя. Обстановка-то непривычно парадная, начиная от собравшихся тут командиров производства и кончая массивным столом с львиными лапами и чинным строем кожаных кресел. Этому старинному великолепию Володя явно не соответствовал ни юношеской худобой, ни маковым румянцем, ни горячностью тона, ни волнением. Он, видно, и сам чувствовал приближение грозы.

Едва Бирюков кончил, начальник цеха тяжело поднялся и внушительно отчеканил: «Яйца курицу учат». Уверенный в своем авторитете, стал он распекать Володю, как мальчишку. Молодой заместитель секретаря парткома растерялся от неожиданности и шуткой попытался разрядить атмосферу. Но Зинаида Николаевна взорвалась:

— Мундирные амбиции мешают вам честно оценить критику,— напрямик заявила она начальнику цеха.— Не хотите подняться над мест-

нической позицией. А надо бы вглядываться в людей, а не только в турбины.

Чувствуя свою правоту, она не считалась ни с чинами, ни с заслугами тех, кого критиковала, сохранив навсегда привычки своих молодых лет.

Оправившись от смущения, Володя с достоинством заключил заседание комитета:

— Нравимся мы вам или нет, но нас избрала четверть коллектива, и это факт, который вы не можете отменить. Давайте же исходить из фактов.

Начальник цеха туча тучей сидел, не глядя ни на кого.

Пришлось вмешиваться в конфликт не только секретарю парткома, но и директору завода. Всюду Немцова ходила вместе с Володей: «Не отступать!» После того заседания цеховые проблемы по настоянию парткома начали рассматривать не на «треугольниках», а при участии комсorgh. И этот «четвертый угол», как тогда говорили, стал обнаруживать себя под немцовским влиянием все заметнее.

В блокнотах с заводскими записями нахожу более позднее постановление комсомольского комитета — «О работе инженерно-технических работников 21-го цеха по воспитанию молодежи». Принято оно было по отчету на комитете начальника другого крупного цеха, и тогда уже никто не удивлялся, что солидный руководитель отчитывается перед юнцами.

— Она учила нас бороться за справедливость. Доходить до сути вещей, — вспоминая то время, сказал мне недавно Владимир Михайлович Бирюков. За годы, что прошли с той поры, он был и директором филиала Металлического, и се-

кретарем парткома завода, и секретарем Калининского райкома партии. А в середине восьмидесятых стал заместителем генерального директора станкостроительного объединения имени Свердлова тут же, на Выборгской.

— Но ее максимализм, случалось, осложнял жизнь и ей, и вам,— заметила я.

— Без него бы она не была сама собою,— возразил он.— Такой сформировало ее время, из которого она пришла к нам, и такой мы ее полюбили.

Время, из которого она пришла! То, что на нас уже смотрит из глубины прошлого, обобщенное и возвышенное, очищенное от мелочей и подробностей, для нее остается неотъемлемой частью собственной жизни.

Росла в политической ссылке в Тобольске. Ее отец Николай Михайлович Немцов, «товарищ Макар», рабочий, член партии с 1897 года, руководил большевиками на Металлическом в 1905 году, избирался депутатом первого Петербургского Совета. После Октября он — председатель Тюменского ревкома, Тульского Совета. Позже член Верховного суда страны. Его связывали близкие отношения с кругом выдающихся деятелей революции: Калининим, Крыленко...

Любя дочь, он, однако, не оберегал ее от опасностей того пути, который избрал сам. Ни пули, ни аресты, ни тиф, ни туберкулез — ничто ее не сломило. Член подпольного кружка в Тобольске, разведчица на колчаковском фронте, газетчик, политотделец, чоновка, борец против детской беспризорности, партийный секретарь. И через все красной нитью — тяга учиться и потребность нести свои знания рабочим. Однажды в тридцать третьем году, после митинга,

посвященного тридцатипятию Второго съезда партии, когда дочь выступала перед рабочими Металлического вслед за отцом, старые товарищи, подшучивая над ним, сказали, что хоть он и закаленный оратор, по «Зпнка-то, пожалуй, его обставит». Она к тому времени была уже бойцом, испытанным в битвах: в Ленинград приехала из Москвы в когорте коммунистов, направленных на борьбу с оппозицией. О себе говорила: «Я — кировская». Неудобный, колючий человек — в глазах тех, кто ее побаивался и сторонился. Человек пронзительного обаяния — для тех, кто был ее единомышленником, кто к ней тянулся.

Перед ее восьмидесятипятилетием говорила о ней с рабочими в паротурбинном цехе, где она почти тридцать лет состоит на партийном учете. И старые ее друзья — коммунисты, известные на заводе токари Василий Иванович Андреев и Юрий Григорьевич Харитонов — сказали мне: «Она-то, может быть, из острых углов, только не слишком ли много развелось людей круглых?»

Я с детства не любил овал,
Я с детства угол рисовал...

Признаться, если уж выбирать, я тоже предпочитаю «угол» «овалу».

Мне приходилось слышать разные суждения о тогдашних членах комитета и о влиянии на них Зинаиды Николаевны.

— Безусловно, человек цельный. Но резка, прямолинейна, ригористка по складу, — говорили о ней одни. — Это же донкихотство — требовать от людей сегодня того, до чего и завтра, еще неизвестно, созреют ли.

— Но почему же она как магнит притягивает ребят — молодых, острых, современных? — возражали другие. — Ведь нравоучений они бы не потерпели. Есть иной стержень ее влияния.

— Допустим. Но стоять «на дышочках романтики» современным прагматикам в конце концов надоест.

Романтика? Прагматизм? Не прикладывался как-то к моим друзьям эти слова. У них было любимое выражение: «Несет идею». Точное, по моему. Так говорили они о самой Зинаиде Николаевне. Так позже говорили о Володе, о Пете, о Лиде — Владимире Михайловиче, Петре Пименовиче, Лидии Михайловне...

— Ну и что ж, что наступает на горло, — объяснял Володя молодым комсоргам. — Зато никто так не преподносит мысль, как она. Ночами сидит, перелопачивая ленинские тома. Она несет идею. Это главное.

Да, они были мечтателями. В самом полном и лучшем смысле этого слова. Мечтателями-романтиками и мечтателями-реалистами. Такое возможно — сама видела.

Их девизом можно было бы назвать любимые Зинаидой Николаевной слова Чернышевского о будущем: «Стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее все, что можете перенести».

Как-то, уже лет десять или двенадцать спустя, я попросила Владимира Михайловича Бирюкова — в то время он был заместителем главного сварщика завода и председателем общественной комиссии по его реконструкции — показать мне дневники, которые он вел в течение трех своих секретарских лет. И с увлечением прочла эти суховатые, деловые, краткие записи. Более

веско, чем иной патетический отчет, представляли они, какой смелой и последовательной была система действий комптета. Изю дня в день упорное систематическое продвижение вперед. Это могло касаться и всего коллектива, и одного человека. Упрямо повторялась изю дня в день фамилия парня, которого надо переводить на более высокий разряд или на другой участок... Это касалось и решения больших задач, которые ставил перед собой комсомольский комитет.

Взять ту же эпопею превращения захудалых общежитий в образцовые дома молодежного быта. Приходилось со всех сторон ломать укоренившееся, обыденное. Чтобы изгнать шпану, повадившуюся ходить в гости к девчатам, создали оперативный отряд. А как приучить жильцов общежития видеть в нем не казенное пристанище, а свой дом? Коллективно вырабатывали систему мер: ввели в советы общежитий крепких, энергичных комсомольцев, ежевечерне по очереди дежурили там. Начали проводить один за другим рейды, организовали конкурсы, о которых пз номера в номер писал «Турбостроитель». Подняли такой шум, что молодежь сама выскребла свои комнаты и стала создавать в них уют. Заинтересовалась общежитиями — с «подачи» комитета — дирекция. «Выбил» у нее комитет комсомола новую мебель взамен допотопной. Оборудовали удобные «уголки учебы»: тишина, настольные лампы, стеллажи с литературой. Если звать молодежь учиться, значит, нужны для этого условия. А как учиться, если работают парни и девчата в три смены, а вечерняя школа в одну? Добился комитет комсомола организации сменной школы. Это был первый серьезный шаг. А дальше?

Дальше возникла дерзкая идея, от которой у всех дух захватило. Почему бы не возродить на Металлическом завод-втуз! Существовал ведь такой в тридцатые годы. Разумеется, это был груз потяжелее сменной школы. Но ведь оспурили!

И опять-таки мечту подкрепила система действий, система обоснованной аргументации. Эту идею они прорабатывали во всех подробностях вначале с Зинаидой Николаевной. Культпроп парткома тридцатых годов, она хорошо помнила, как это было «тогда», в ее молодости. Она после окончания Института красной профессуры преподавала в этом втузе основы марксизма-ленинизма.

У Немцовой была идеальная особенность. Наталкивая своих молодых друзей на новые идеи, она сама умела тут же отодвинуться в тень, и подсказанная ею мысль так овладевала всеми, что казалась рожденной коллективно. Впрочем, в конце концов так и получалось.

В их работе акт коллективного продумывания системы действий был необычайно притягательным для всех. Ведь что такое, в сущности, общественное творчество? Люди вместе думают, как что-то сделать лучше, одержимые единым желанием достичь общего блага. А когда человек действует энергичнее всего? Когда сам что-то придумал, видит, как воплощается в жизнь его замысел. Я не раз приходила к ним в комитет во время такого коллективного совета. Разговор обычно шел шумно, весело. С шутками, с перепалкой. Обосновывая свою втузовскую программу, комитет провел настоящее исследование заводской молодежи: сколько народу захочет и сможет учиться в комсомольских груп-

пах, в бригадах. Кто приехал из деревни, кто из города. У кого какой багаж знаний, какие планы. Что может завод-втуз дать и людям, и заводу в перспективе. Идею поддержал обком комсомола. Затем понадобилась и поддержка обкома партии. Идея дальше прорабатывалась и на заводском, и на городском уровнях, и выше. А позже некоторые из первых мечтателей успели все-таки сами окончить заводской втуз. И вот он прочно стал на ноги, окреп, расширился, живет по сей день. Мечта моих знакомых, романтиков и реалистов, воплотилась в действительность.

Размаха и смелости им было не занимать. Молодежный заводской хор — сто человек! Первый в городе университет культуры — пятьсот человек! Не все, конечно, удавалось. Университет культуры продержался на общественных началах лишь чуть больше полугода. Тут они не рассчитали своих возможностей. И все-таки с его помощью — а приглашали туда лучших лекторов города — десятки молодых людей открыли для себя дорогу в театры, в музеи, в вузы.

Конкурс молодых рационализаторов, который проводил комитет, опекала инженерная элита завода. А какую изобретательность проявлял комсомольский штаб шефства над турбинами во главе с Толей Девятовым! И ведь старались не за страх, а за совесть. Когда зимой замерзла в сильные морозы линия теплопередачи, комсомольцы объявили аврал и отремонтировали ее в рекордное время, чтоб не задержать испытания нового агрегата. Это была «трехсотка». Когда расчетный отдел затянул работу, помочь делу взялся комсомольский пост во главе с Юрием Гродским (позже он защитил диссертацию).

цию, ушел в НИИ, теперь видный специалист). Его группа закончила расчеты во внеурочное время. И ведь никто никого не заставлял. Чистый энтузиазм. Желание оправдать те надежды, которые на молодежь возлагали, желание доказать, что она может брать на себя большую ответственность.

А сколько ребят проявило незаурядные деловые качества, было замечено, выдвинулось на заводе благодаря инициативам комсомольского комитета! Иной ведь может годы оставаться на одном месте, так и не попробовав, на что способен! Человек был всегда на первом плане, все мечты, все «мероприятия» комсомольского комитета, собственно, и рассчитаны были на то, чтобы раскрыть людей, дать им шанс проявить себя.

Турбины-то сошли бы с испытательных стендов в конце концов и без их энтузиазма. А вот рост молодых людей! Как важно, чтобы тут не было задержек. Чтобы не угасал интерес к делу, чтобы каждый день, месяц, год ощущали люди свое движение вперед. Набирались мастерства, знаний, уверенности в себе.

Вместе все члены комитета составляли круг людей очень близких друг другу. Фира и Лида пришли в него с производства. Лида была фрезеровщицей, потом комплектовщицей в цехе. Училась сначала в политехническом институте, а когда открыли завод-втуз, перешла в него на одном из последних курсов. Фира окончила библиотечный. Обе интересовались искусством, бегали на театральные премьеры, на выставки, иногда увлекая с собой и менее поворотливую мужскую часть комитета. Толя Девятов, математик с университетским образованием,

готовил во втуз многих заводских ребят. Месяцами занимался с ними по вечерам.

Володя Бирюков и Женя, его жена, жили вначале в разных общежитиях. Как молодым специалистам, им дали позже комнату рядом с заводом. Новоселье праздновали, разумеется, всем скопом. Женя родила дочку. Девочка росла слабенькой. Фира и Лида готовы были в любую минуту помочь друзьям. Комната, в которой поселились Володя и Женя, была сырая, с печным отоплением. Но Володе не приходило в голову заикнуться о жилье ни перед заводским начальством, ни в обкоме комсомола. Сколько лет прошло, пока семья его переехала в хорошую квартиру. Володя вступил в кооператив, уже вернувшись из длительной заграничной командировки. А ведь все время находился на виду! Но его щепетильность была предельной. В своих требованиях к себе они тогда стремились исходить из самых строгих норм, и в этом чувствовалось сильное влияние Зинаиды Николаевны.

Не навязывая своей точки зрения, Немцова бывала азартна в отстаивании ее. В своих отношениях с молодыми ничуть не заботилась о дистанции. И это было ее силой. В общении с ней мы забывали о ее возрасте. Ни малейшей натянутости, никакой необходимости выбирать слова, держаться начеку. Такой была тогда — такой и осталась.

Николай Молоканчиков, бригаду которого наградили знаменем ЦК ВЛКСМ весной восьмидесяти четвертого года, сказал мне, что с первой же минуты почувствовал себя с ней так, будто всю жизнь был знаком. Что это — особый дар? Опыт? У нее, по-моему, естественное свойство

человека, всю жизнь свою посвятившего людям. А ведь бывала и с друзьями резка. В горячке могла бросить: «Слушать тебя больше не хочу». Но проходило немного времени, и она же, не глядя на сорок лет разницы в возрасте и партийном стаже, не стеснялась заявить при всех: «Я была не права, забудь!» Истина существовала для нее вне соображений личных, без оглядки на авторитеты. Потому и легко было прощать ей свои обиды.

Зинаида Николаевна была в нравственном отношении, несомненно, тем камертоном, на который настраивались все те молодые ребята, кто был с ней близок. А она, при своей склонности завышать человеческие возможности, заставляла их тянуться к идеалу. Прежде всего именно в нравственном поведении. Теперь думаю, может быть, так и надо? Особенно в молодости, когда человек еще определяется и желания его могут круто меняться.

...Володя Бирюков пропадал в комитете с утра до позднего вечера. Ходил чуть ли не на все цеховые собрания. И все-таки успевал целеустремленно читать и думать. В его дневниках — множество выписок из Ленина, Маркса, Чернышевского, «Утопии» Томаса Мора. Помню, как я удивилась, увидев на столе секретаря комитета «Город Солнца» Кампанеллы. «Кто это у вас сдает экзамены?» — спросила между прочим. «Я сдаю, — сказал, улыбаясь, Петя Посикан. — Зинаиде Николаевне». Он тогда, помнится, еще работал технологом в кузнечном цехе и вместе с Зинаидой Николаевной возглавлял на заводе штаб по развитию движения за коммунистический труд. Позже он сменил Володю на секретарском посту.

— Обвинила она нас в невежестве, — продолжал Петя. — Мы ей сказали, что утопиями не интересуемся. А она пришла в ярость: лучшие умы человечества вглядывались, говорит, сквозь века, а вам неинтересно? Да кто из вас их читал-то?

И шуткой, и всерьез, и вопросам, и ссылками на того или иного писателя, философа, деятеля приучала она их обращаться к книге. Вспоминала: «Калинину задашь вопрос, а он в ответ: «А ты такую-то книжечку читала?» Мы книги читали с карандашом. Думая. Даже художественную литературу. Вошло в привычку: прочтешь и все, что задело, навело на размышления, обсуждаешь с товарищами...»

— Ваша беда — недостаток самостоятельной работы с книгой! — повторяла в комитете. — Работы!

— Знаешь, чем интересуется сейчас молодежь, — с увлечением заметила мне при последней встрече. — Биографиями революционеров: Дзержинского, Фрунзе... Но мы пока мало доносим то, что люди эти были мыслителями! Да, да. Мы сосредоточиваемся на их деятельности. А как формируется мыслящая личность? Конечно, рассказать, исследовать этот инкубационный период трудно, но ведь необходимо. Ох как необходимо! Сколько лет было Марксу, когда он стал редактором «Рейнской газеты»? Двадцать четыре! Всего двадцать четыре! Но взрослость приходит не с дипломом, а с умением мыслить социально! Не устаю повторять ребятам: ваша беда — полужнание.

Недавно перечитала ее статью «Революцией призванный», напечатанную в «Комсомолке» почти четверть века назад. Не устарела статья!

«Наука убеждать невозможна без смелой полемики, без столкновений и горячего спора... Как и без переосмысления самых сложных политических и философских понятий в практической плоскости». Она горячо писала о страстности партийного слова: «У страстности может быть и громкое, патетическое, и язвительное выражение. И может быть выражение проникновенно-задумчивое, непринужденно-интимное. Самое главное... это искусство учить человека мыслить, толчок к личным, самостоятельным раздумьям о судьбах нашего большого мира и о себе в нем».

Моих друзей занимала проблема, каким практическим образом может коллектив пробудить у человека потребность в самовоспитании и нравственном самосовершенствовании. Сравнивали десятки фактов, обдумывая, например, сколько человек должно быть в молодежной бригаде, чтобы она могла воздействовать на каждого. Спорили, поможет ли увеличение благ в нашем обществе возвышению духовных потребностей людей, задавались прямым житейским вопросом: как быть, если дорогой человек повел себя неискренно?

Зинаида Николаевна на равных участвовала в их спорах. Рецептов не терпела. Но помню, раскрыв синий том Ленина на статье «Как чуть не потухла «Искра»?», она прочла вслух: «Ну, а раз человек, с которым мы хотим вести близкое общее дело... раз такой человек пускает в ход по отношению к товарищам шахматный ход, — тут уже нечего сомневаться в том, что это человек нехороший... что в нем сильны мотивы личного, мелкого самолюбия и тщеславия, что он — человек неискренний... Это была настоящая

драма... Это был самый резкий жизненный урок, обидно-резкий, обидно-грубый».

— Хочу, чтоб вы сопоставили слова «урок» и «драма»! — сказала тогда. — Личные отношения разрывались во имя принципов. Разрывались с болью. Но принципы тогда и стоят чего-то, когда за ними — горячая кровь.

Сама она в своих требованиях к людям бывала бескомпромиссной.

Легко ли высказать собственное мнение, если оно расходится с установившимся взглядом на вещи? Легко ли осудить человека за непорядочность, если кругом предпочитают ее не замечать? Не проходить мимо? Да, когда кого-то бьют кулаками, тут все ясно. А если человек спивается на глазах, если корыстно пользуется служебным положением? Действительно, мы стали тоньше, осторожнее судить о людях, отдавая себе отчет в человеческой ранимости, сложности. Чураемся топорного вмешательства в личные, интимные отношения людей. Хорошо. Но замечаем ли грань, за которой осторожность переходит в равнодушие?

Уважаемому активисту Немцова написала в партийной рекомендации: надо расстаться со спиртным. Не так уж это и замечалось тогда: разве что был человек компанейский, веселый. Могла бы, казалось, ограничиться устным внушением. Нет, написала. «Знаете, — объяснила, — самое горькое — разочарование в людях. А мы их так легко упускаем из-за своего благодушия и соглашательства».

Спустя годы Волсдя скажет мне, что для каждого из них это было время определения своей нравственной позиции. И в ее выборе велика была роль тех, кто стоял рядом. Их настораживали

малейшие проявления эгоизма, честолюбия. Чем ближе был человек, тем придирчивее становились они. На этом оселке требовательности Зинаида Николаевна разошлась с одним из ребят, кого любила и ставила в пример. У него была комната. Он настойчиво добивался квартиры.

— Есть люди, которые ждут дольше и больше тебя отдали заводу, почему же ты хочешь их обойти? — напрямик спросила Зинаида Николаевна его однажды.

— Основная производительная сила сейчас — это мы, — отрезал он.

— По-житейски тебя поймут. Но, если встать на путь таких уступок себе, запомни, придет день, когда ты перестанешь советоваться с совестью.

В тот час она отрешила его от сердца.казалось, навсегда.

Через несколько лет он признался, что из этих столкновений с друзьями вышел чище и крепче, чем был, что благодарен Зинаиде Николаевне за тот разрыв. И хотя считал, что она предъявляла к ним слишком высокий счет, повторил спустя годы, что он перед ней все-таки преклоняется. Такие, как она, люди заставляют не мириться с привычным, прикладывать к себе идеальную мерку. И если не все способны ее достичь в реальности, то и отступить от нее становится горько.

Пройдут еще годы, и они снова сблизятся.

ВОСПОМИНАНИЕ О БРИГАДЕ

В заводском музее, теперь уже в числе исторических реликвий, хранятся материалы, посвященные одной из первых в Ленинграде

и в стране бригад коммунистического труда. Ее возглавлял в то время, когда присвоили ей это звание, токарь Михаил Ромашов. С фотографий четвертьвековой давности смотрят молодые лица: Петр Мазия, Анатолий Скобелев, Александр Лукьянов, Николай Мартыненко, Владимир Крестьянников, Георгий Торбаев, Борис Торцев. Почетным членом бригады зачислили и Немцову, с которой обсуждали они все свои дела и заботы, каждый новый шаг.

Зинаиде Николаевне, ставшей своеобразным наставником бригады, хотелось вместе с молодыми рабочими вывести принципы жизни молодежного коллектива, нацеленного в дальнейшее будущее. Если угодно, это был длившийся несколько лет социальный эксперимент. И успехи, и ошибки его поучительны, так как касаются человеческого фактора в том ключе, который и теперь важен. О бригаде этой и в то время, и позднее много писали. Драматург Николай Погодин посвятил ей пьесу «Цветы живые», в которой опирался на факты из ее жизни. В музее есть афиша одного из спектаклей. Бригада его смотрела и обсуждала.

В разное время люди, писавшие о бригаде, высвечивали то, что было, как им казалось, более созвучно злобе дня. И это в общем-то понятно. Но Зинаиду Николаевну огорчало, что подчас затушевывалось главное, ради чего все и начиналось. Не материальные расчеты, не то, как дать людям больше заработать, было на первом плане, хотя, разумеется, об этом никто не забывал. Дух новизны, смелости, который привлекал к ней внимание, проявился в другом — в создании такого коллектива, который побуждал людей жить целеустремленно, ставить перед

собой задачи не только ближние, но и дальние, направляя каждого к самосовершенствованию. И речь шла не только о том, чтобы каждый наметил себе такие цели, как получение более высокого разряда и образования, хотя и тому и другому придавали значение, но и о том, чтобы для каждого расширился горизонт его гражданского сознания и действия, активного участия в жизни завода, общества. Повторю слова Зинаиды Николаевны, произнесенные двадцать с лишним лет назад: «Особенность, которая отличает бригады коммунистического труда от обыкновенных производственных бригад, заключается в повышенном внимании к человеку. Коллектив интересуется буквально всем: как человек учится, чем занята его духовная жизнь, как он относится к своей семье, коллектив стремится помочь каждому стать лучше».

Читаю сейчас одно из постановлений бригады, касающееся учения, и слышу в его строках знакомый голос Зинаиды Николаевны с ее уважением к мнению каждого из членов коллектива: «В результате взаимного обсуждения, товарищеского совета и личного согласия каждого принять обязательства об учебе бригады...» Двое пошли в седьмой класс, двое — в восьмой, один — в девятый, один — на подготовительные курсы, двое учились в вузе.

С Крестьянниковым и Мартыненковым Лида Кузьмина сама ходила, как член комитета, в вечернюю школу. Они писали диктант. Уточнялось, в какой класс им поступать после долгого перерыва. Однако учиться в вечерней школе в конце концов так и не стали. Тяжело им это было и, полагаю, казалось бесперспективным. Для их жизни и работы в утилитарном смысле

повышать образование не требовалось. Задним числом думаю, их можно было понять, хотя на бригадных собраниях обоим и доставалось за это. Возникал вопрос: можно ли одинаковым путем учить тех, для кого образование — фундамент к профессиональному росту, и тех, для кого это удовлетворение культурных потребностей? Можно ли взрослых людей приобщать к культуре по-школярски? Николаю и Володе, токарям-виртуозам, не юношам и по годам своим, не свидетельства об образовании были нужны, а путь к книге, к искусству. Но подходящей формы образования для них тогда не нашлось. Долбить же школьную математику и грамматику не было у них ни надобности, ни желания.

А вот Михаил Ромашов вскоре пошел в техникум. И Толя Скобелев, сменивший затем Мишу на посту бригадира, поступил вновь в школу после восьмилетнего перерыва. Страшно сказать: сел в шестой класс. Маялся невероятно. Выяснилось, что все забыл. На уроке алгебры удивился: «Откуда буквы?» Начинал с азов. Столько лет перерыва в учении — не шутка! Но халтурить себе не позволял. Чтоб прочесть «Войну и мир», взял у бригады двухнедельный отпуск от общественных дел. Позже признавался: «Если б не бригада, не Зинаида Николаевна, бросил бы все к черту. Замучился!» И все-таки, окончив школу, поступил в техникум. Но, несмотря ни на какие уговоры, категорически отказался идти в заводской втуз. Его бы, конечно, вытянули. Но он поблажек не захотел. Не за дипломом гнался — специалистом хотел стать. И потому, трезво оценивая свои силы и возможности, заявил Немцовой: «Нет у меня знаний для института. Не та платформа». А ей так хо-

телось, чтоб Толя добрался до вершины! Но по-няла его тогда, даже обняла, расчувствовавшись. Оценила его честность.

Толя в бригаде возмужал во всех отношениях. Это было заметно, и Зинаида Николаевна им гордилась.

Однажды в общежитии он мне долго рассказывал о своей судьбе. Четырнадцать лет удрал из дому. Где-то в Ленинграде жила тетка, адреса которой он не знал. В солнечный зимний день вскочил на подножку вагона и махнул в Ленинград. Даже рукавиц не захватил. В Ленинграде поступил в ремесленное училище. Но компания сколотилась неважная. Самая отъявленная охтенская шпана при встрече ласково кивала: «Привет, Толик!» Ему повезло. Как раз подошел срок идти в армию. А дружков посадили. Это была сильная душевная встряска. Но когда возвратился на завод, едва не потянулся к прошлому. Он вернулся со службы, дружки — из тюрьмы. Удержала бригада. Никто, впрочем, не вел с ним душевительных бесед. Подействовало другое: интерес к тому новому, что он увидел в ней. До создания бригады они работали порознь. Он, естественно, знал всех, но, бывало, перекинутся: «Здравствуй» — и все. Бригада соединила их. Ходил по цеху Петр Мазия, черный, кучерявый. Работал на таком же, как он, токарном станке. В бригаде Толя узнал: после работы Петр отправляется в Политехнический институт, а после занятий едет часа полтора на трамвае, потом на поезде за город. Упорный парень, ведь несмотря на такую нагрузку, всегда в курсе международных событий. И когда все успевает? Почему же у него, Толи, ни на что не хватает времени?

Работает Николай Мартыненко — старикам завидно. Хорошо бы у него поучиться!

Зачастила в бригаду Зинаида Николаевна. Сколько ей лет? Шестьдесят? Могла бы сидеть со своим внуком на пенсии. А ее волнует, как он, Толя, будет учиться, почему Крестьянников не лечит уши? Зачем пропадает она с утра до ночи на заводе? Зарплату-то ей за это не прибавляют. Что же ее тянет к ним? Он присматривался к этим людям, думал, сравнивая их с другими.

Бригада завоевала на заводе сперва четвертое, потом первое место по производительности труда. О ней начали говорить. И вот вступила она в соревнование за коммунистический труд. Пришли в цех журналисты, кинооператоры, писатели. «Лучшая бригада, герои» — это слегка кружило головы. Тут и случилась история с Колей Мартыненковым.

Завод сдавал новый дом. Распределялась жилплощадь. Родные и знакомые Колю подстегивали: «Самый подходящий момент. Знаменитая бригада. Пусть посмеют отказать!»

Мартыненкову отказали. Он возмутился и потребовал расчет. Бригада раскололась. Одни — за Николая, другие — против. Созвали собрание. Вот тогда Толя и почувствовал, что такое коллектив. Это был разговор о справедливости по большому счету. Пусть сам Николай просмотрит список тех, кто получил квартиры, и убедится, что другие нуждались в них больше, чем он. Почему же помогать Коле за их счет? Он, член лучшей бригады, должен сам быть за правду. К концу собрания Николай остался один и сложил оружие... Зинаида Николаевна на том же успокоилась. Пошла к Мартыненковым до-

мой объясняться — в защиту Коли, чтоб не пилили его домашние. Малоприятное объяснение, но сочла его своим долгом.

Бригада совершила в душе Толи переворот — от укоренившегося житейского скептицизма к самому пылкому энтузиазму. Человек он был горячий, все принимал близко к сердцу. Только на веру не принимал ничего, требовал доказательств. Но если уж в чем-то убеждался, готов был идти напролом.

Первым возглавил бригаду Петр Мазия. Это было логично. Коммунист, демобилизованный офицер, за плечами — политическое училище. Студент-вечерник. Дисциплинированный, собранный, крепко стоявший на ногах, он пользовался у товарищей несомненным авторитетом. Но Петр сам попросил, чтоб его освободили от бригадирства, когда подошел последний курс. Его сменил Миша Ромашов. Славный парень — доброжелательный, миролюбивый, добросовестный, обязательный. Относились все к нему с симпатией, хотя он и не был безусловным лидером. По мастерству уступал Мартыненко-ву и Крестьянникову, по эрудиции и солидности — Мазия. А Толя Скобелев был среди них, наверное, самым острым и смелым в суждениях. Каждый по-своему определял лицо бригады. Но жизнь неожиданно все запутала. Когда пришла к бригаде слава, бригадир, помимо его воли, стал постоянно оказываться на виду: в президиумах, на слетах...

Однажды его пригласили в райком фотографироваться на Доску почета передовиков района. И кажется, впервые он задумался, имеет ли право один представлять в своем лице бригаду.

Посоветовался с ребятами. И они ему сказали: или все — или никто. Это заявление в райкоме расценили как наивную обиду членов бригады. Миша был не первым и не последним из бригадиров, которых фотографировали в таких случаях. Недоценили только, что именно эта бригада и в отношениях человеческих оказывалась коллективом, чувствительно отторгавшим малейшие проявления несправедливости, формализма. И вовсе не наивной была ее потребность в реальной оценке вклада каждого в общее дело. Своей щепетильностью в этих оценках бригада стремилась сберечь нравственное здоровье коллектива, свою искренность и дружбу. Но раздался еще один звонок сверху, и Миша пошел фотографироваться. Традиция брала свое. И он начинал принимать всеобщее внимание как должное.

Но остальных это продолжало задевать, смущало, что бригадиру все чаще приписывали черты, которых у него не было. В похвалах, бывает, допускают перехлест, не задумываясь о реакции ближних.

Миша нервничал, чувствуя недовольство ребят. И вот тут пришла беда. Он тяжело заболел. Грозил потерю зрения. Бригада была в тревоге за него. Противоречия сами собой стерлись. Друзья ходили к нему в больницу. С достоинством он сдал бригадирство, и, когда поправился, его без колебаний избрали комсоргом цеха. А бригада, посоветовавшись с Немцовой, решила должность бригадира у себя сделать сменной. Не побоялись отступить от заведенного порядка вещей. От сменности бригадира, правда, позже отказались, но в тот момент это решение укрепило коллектив.

Первые же шаги Толиного бригадирства совпали с неурядицами. Получил повышение и ушел начальник участка, который бригаду поддерживал. Новый начальник смотрел на нее косо: мол, пошумели, и хватит. Начиналась реконструкция цеха. Начиналась с накладками, а бригада привлекала к себе слишком пристальное внимание окружающих.

Часть бригады перевели работать на «галерку». Но там после ремонта вибрировал пол. Включишь стаяк — дрожит. А цеховое начальство слышать ни о чем не хочет. Станки наверх перенесли, а за инструментом, эмульсией, заготовками приходилось бегать вниз. Все заботы бригады о культуре труда рассыпались в прах. Между тем шло освоение новых деталей. Впервые несколько членов бригады не выполнили норму. Упала производительность. Что делать? Написали колючую заметку в сатирический листок, вызвав гнев цехового начальства. Выступили на производственном совещании в цехе. Наконец, Толя Скобелев, не вникая предостережениям, взял слово на заводской комсомольской конференции. Зинаида Николаевна поддержала его. В президиуме сидели тогдашний директор завода Александр Александрович Груздев, секретарь обкома комсомола... Толя выступил резко, с возмущением обрисовал отношение в цехе к элементарным требованиям рабочих. Он говорил не только от имени бригады и не только о ее интересах. Через день в цех пришла комиссия.

Пол перестлали. Но конфликт, разумеется, не мог легко разрядиться, хотя они отнюдь не просили для себя привилегий. В цехе все чаще раздавалось: «Вы из коммунистической бригады,—

значит, к вам и требования двойные!» Когда приехал Боря Торцев из отпуска с опозданием из-за болезни, еще не совсем здоровый, и принес табельщице медицинскую справку, она подала на него рапорт о прогуле в отдел кадров. Такие придирки больно их задевали. А ведь не будешь по каждому поводу жаловаться в комитет, в партком...

Вскоре после скандала с табельщицей Торцев ушел с завода. Но еще до его ухода встал со всей остротой вопрос о составе бригады. Ромашов из-за болезни вернуться к токарному станку не мог. Сашу Лукьянова призвали в армию. А тут попросил у бригады согласия на перевод в бюро механизации Петр Мазия. На собрании приняли кандидатами в члены бригады молодых рабочих Владимира Краснова и Геннадия Анисимова. Но все-таки комитет считал своей ошибкой, что с опозданием начали укреплять бригаду новыми людьми. Зинаида Николаевна называла это и своей ошибкой. Не будь ее, считала, не пришлось бы задерживать на какое-то время Петю Мазия, не ушел бы, может быть, и Торцев.

Когда рождаются новые отношения в недрах старых, привычных, это, что ни говори, кому-то всегда «против шерсти». Неумолимая диалектика. Вечный спор «да» и «нет», старого и нового. Бригада постоянно доставляла беспокойство окружающим: кстати, не только начальству, но и тем, кто работал рядом. И все-таки они держались.

Однажды за «круглым столом» в ленинградской газете «Смена» Зинаида Николаевна с гордостью рассказывала: «Ребята из бригады заметили, как начальник одного из участков выписал ложный наряд. Можно было бы промолчать,

но они так не поступили. Ведь борьба с очко-втирательством — общее дело». Начинается она с малого, с бригады, с участка, с цеха. Тогда ни на каком уровне неповадно будет кривить душой. Нужен рабочий контроль, говорила она позже на одном из собраний.

Бригада в своих новшествах нередко сталкивалась с незаинтересованностью в них администрации. Так возникла идея взаимных обязательств бригады и руководства цеха. «Когда мы составляем комплексный технический план повышения своей производительности труда, его подписывают и начальник участка, и начальник цеха. Чем не взаимное обязательство? Почему бы о его выполнении не отчитываться в таком случае обеим сторонам?» — предложили члены бригады.

Весьма примечательной чертой бригады было и возникшее в ней стремление включиться в жизнь за пределами цеха, производства. Подружились с воспитанниками детского дома. Соорудили им игровую площадку, зимнюю горку для катания.

Загорелись идеей взять на завод молодых парней, оступившихся в жизни, и помочь им стать на ноги. С Борисом, так звали парня, которого они приняли в бригаду, возились долго. Но вышла осечка. Он, как выяснилось впоследствии, оказался психически больным. И тут уже ничего нельзя было поделать.

Над одним из очерков о бригаде в «Комсомолке» неожиданно поставили заголовок «Бригада идет к коммунизму». Такая декларативность задела ребят на заводе. К сожалению, желание забегать вперед, называть реальные вещи более громко, чем следовало, сквозило тогда все чаще.

И звания торопились присваивать коллективам еще неокрепшим, и рапортовать торопились о все возрастающем их количестве. Это конечно же подрывало авторитет звания, стирало различия между теми, кто предъявлял к себе разносторонние требования, и теми, у кого были лишь хорошие производственные показатели и ничего более.

А держаться на той высоте, которую набирала первая бригада с Металлического в лучшее свое время, было трудно. И все-таки несколько лет она, безусловно, жила напряженно, увлеченно, ярко. И годы эти остались счастливым временем для всех.

Судьбы членов бригады сложились по-разному. Петр Мазия работает инженером в научно-исследовательском институте. Анатолий Скобелев, окончив техникум, пошел работать по своей новой специальности в строительную организацию, занятую оборудованием медицинских учреждений. Николай Мартыненко после тяжелой травмы перешел на инвалидность: работает токарем в мастерской, где нагрузка не так велика, как в цехе. Александр Лукьянов, Сергей Якушев, Геннадий Анисимов, Борис Тихомиров по-прежнему на Металлическом. Михаил Ромашов до последних дней жизни был сотрудником заводского музея. Влюбленный в природу, он увлекался художественной фотографией. По своим дневникам бригадной поры Ромашов написал книгу о становлении бригады. В его жизни это были звездные часы.

Александр Ильич Лукьянов, как и Тихомиров, принадлежит к заводской рабочей гвардии, на которую опирается сегодняшнее производство. Молчаливый по натуре, он искренне ожи-

вился при встрече, вспоминая товарищей по бригаде, их общий молодой энтузиазм, Зинаиду Николаевну, так умевшую разжигать и поддерживать у них общественные интересы...

Геннадий Аписимов — мастер цеха, коммунист, человек весьма уважаемый. Крестьянников умер: пристрастился к спиртному, и это его погубило. Из цеха его в конце концов пришлось уволить. Лидия Михайловна Ефремова (Кузьмина), бывший член комсомольского комитета, с грустью вспоминала о нем. Работали они в одном цехе, и ей до сих пор кажется, что не все они сделали, чтобы спасти его.

Не всем членам бригады сопутствовал успех в жизни. Если бы все шло так гладко! История бригады, однако, интересна уже тем, что оказалось возможным за короткое время сплотить, воодушевить, побудить к самостоятельному социальному творчеству, к нравственному анализу своих и чужих поступков молодых рабочих парней, отнюдь не отобранных специально, отнюдь не идеальных, стоявших на разных уровнях общественной сознательности и культуры. И пока они жили и действовали в дружном коллективе, он помогал им расти.

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Сладкое и терпкое это чувство — возвращение к собственной молодости, встречи с людьми, которых долго не видел и с которыми вместе можешь совершить этот прыжок в прошлое, возвращаясь к тем точкам отсчета, по которым мерили мы тогда свои планы и поступки.

Уехав из Ленинграда, я вернулась к друзьям первый раз через десять лет после того, как они

заключили свою комсомольскую работу. Толчком послужил их традиционный сбор.

Идея время от времени собираться вместе «на поверку» родилась у них давно. В день сорокалетия комсомола, в пятьдесят восьмом, человек тридцать комсомольских активистов Металлического собрались дома у Зинаиды Николаевны, в ее квартирке на Скобелевском проспекте. Комфорта там никогда не было: круглый стол, шкаф с книгами, тахта, несколько стульев. Ребята притащили доску, водрузили ее на стопки книг. На ней же утром и выжгли дату. Размечтались: что-то выйдет из них через десяток лет, какими они станут. Расходились утром. Фира и Лида шли вдвоем чуть поодаль от других. Фира и сказала: «Хорошо бы снова в том же составе встретиться лет этак через десять». Лида крикнула об этом ребятам. Идея понравилась. Зинаида Николаевна внесла потом поправку: «Вдруг не доживу. Лучше через пять».

И вот сидели мы с Зинаидой Николаевной зимой семьдесят четвертого года, и крутилась пленка с записью традиционного сбора. Я смогла приехать в Ленинград лишь через несколько месяцев после него.

Володя Бирюков был тогда заместителем главного сварщика. Фира Черниховская уже заведовала заводской библиотекой. Лида Кузьмина к тому времени окончила институт, стала технологом цеха, занималась на курсах по станкам с программным управлением. Юрий Гродский защитил диссертацию. Толя Девятов работал в завкоме. Виктор Волков возглавлял цех на другом заводе. Женя Глузман — вот уж неожиданность! — оказался главным механиком аэропорта... В общем, как говорится, выросли.

И вот прошло еще десять лет. И еще раз поменялись должности. Бирюков — заместитель директора объединения имени Свердлова, Кокин — главный инженер завода турбинных лопаток, Глузман — главный инженер аэропорта, Посикан — помощник генерального директора объединения «Металлический завод». Но есть в каждой жизни внешняя, заметная всем сторона и есть внутреннее ее течение, известное лишь близким. Есть очевидные с первого взгляда результаты. И есть та людская оценка, которая не всегда совпадает с ними.

Проходят годы, отсеиваются мелочи, стираются случайные обиды и восторги, накапливается житейский опыт. Мы судим себя и других строже и проще. Но кто, кроме друзей юности, помнит о былых наших планах? И как бы ни были эти планы самонадеянны, нет-нет да и стоит свериться по шкале юношеского бескорыстного максимализма: что могли и что сделали, что утратили, с чем смирились, в чем преуспели, чего добиваемся.

...Крутилась пленка, звучали голоса, и я уже не все из них узнавала.

— Прощу меня простить за длинную речь. Бутерброды черствеют, — смущаясь, говорил один из ораторов. — Но наша встреча для меня как толчок из юности. Здорово все-таки, что жизнь свела нас всех вместе.

Зинаида Николаевна сидела рядом со мной, жадно вслушивалась, бросая то хлесткие, то радостные реплики. Вот наконец зазвучал и ее голос: «Я убеждена, самое страшное — определение жизни только по материальным благам. Нельзя судить о человеке и только по труду, забывая, кто он есть в нравственном отношении.

Наше поколение входило в борьбу с мыслью: все для того, чтобы вырос красивый человек».

И сейчас, когда я думаю, что мои друзья приобрели и что потеряли, в чем укрепились, что было их силой, давшей им на всю жизнь высокий нравственный заряд, я возвращаюсь к нашему разговору с Зинаидой Николаевной за тем же старым круглым столом, за которым вместе с ней ребята когда-то до четырех утра спорили о том, как можно переделать человека и перетасовать из будущего в настоящее все, что только можно перенести.

Есть трудный перевал в жизни людей, вступивших на выборную работу. В комсомоле к нему подходят быстро. Авторитет организации мгновенно возносит тебя в глазах окружающих. Вчера ты смотрел на вещи с точки зрения участка — сегодня видишь горизонт с капитанского мостика завода. Ощутил себя руководителем, привык к масштабам. Но вот прошло два-три года. Куда теперь? Ведь по своим знаниям, опыту ты еще молодой инженер или рабочий, которому учиться и учиться.

— Знаешь, что ему помешало, — прерывает сама себя Зинаида Николаевна, называя вдруг человека, которого мы не вспоминали как бы по молчаливому согласию. — Он так и не окреп профессионально. Едва окончил институт, попал на общественную работу. Не успел вернуться к своей специальности, как его снова выдвинули. Кидали с места на место. Просто не думали всерьез о его судьбе. Да и сам он, когда можно было отказаться, легко уступал уговорам. Годы шли, а ни одно дело так и не стало его собственным. Эта податливость не лучше, чем жгучая

зависть у других: почему не меня продвинули? А знаешь, зависть и нетерпение всегда ведь заметны...

Это был ее пунктик. Она сама прошла школу, в которой карьерные соображения отбрасывались в сторону. В молодости не раз с солидной должности переходила на скромную — туда, где была нужней. И вспоминала об этом с гордостью: «Сергей Миронович рекомендовал нас после Института красной профессуры на заводы. Делал «подсадку»: сначала меня направили преподавателем ленинизма во втуз Металлического, а уже потом избрали культпропом».

Радовалась она за Лиду, которая решила вернуться в цех технологом, одобрила решение Бирюкова. Когда Володя уходил из комитета, встал тот же неизменный вопрос: куда? Были проекты направить его на работу «с перспективой». Но Володя рвался на старое место, в отдел сварки. Его убеждали: там нет высокого потолка. Кое-кто пожимал плечами: зачем было трубить в комитете три года? И никакого продвижения. Сейчас тебя знает весь завод. А потом сменятся люди, забудут. «Я еще не инженер, — говорил он в ответ. — Я должен им стать».

Это был его единственный непоколебимый аргумент. Он вернулся назад в отдел, потом руководил сварочной лабораторией, поехал на два года главным специалистом по сварке на индийский завод в Ранчи. Вернувшись, стал заместителем главного сварщика завода по исследовательской работе.

— Вы, может, думаете, работа спокойная? — рассуждал со мной об этом главный сварщик завода Станислав Николаевич Антонов. — За-

вод — это план. Ежедневно, ежеминутно! Когда шла непрерывная сварка рабочего колеса для красноярской турбины (восемь с половиной метров диаметром, вес — двести пятьдесят тонн), то доктор наук из Киева, наши инженеры, Владимир Михайлович сутками не выходили из цеха. И вот, с одной стороны — план, с другой — что ни новая турбина, то новшество в сварке, а внедрение его требует времени, экспериментов, стыковки разных служб, совместных действий с НИИ. Необходимо убедить, привлечь, подключить. У Владимира Михайловича как раз есть и энергия, и чувство перспективы, и творческая жилка, и упорство. Хотя его упорство не от самолюбия. Сто раз проверит себя, прежде чем займет позицию.

У Бирюкова я как-то спросила, часто ли приходится ему вступать в конфликты, доказывая на производстве свою позицию.

— На производстве главное — не доводить дело до конфликта и решать вопросы не в кабинетах высокого начальства, а на своем уровне квалификации, — ответил он. — Важно только продумывать аргументацию, чтоб убедить людей. Меня, например, можно переубедить. А вот заставить согласиться непереубеденным нет.

— Но твой опыт работы с людьми тебе пригодился?

— Видишь ли, вся моя работа с людьми. Тут нет разницы общественная она или нет. Помню год, когда я восемь месяцев провел в командировке на станциях как турбинный лекарь. На девяносто процентов успех зависел от взаимопонимания с людьми. Хотя если говорить об общественной работе, то кажется, что у меня и

жизни не было без нее. Даже в Индии оказался заместителем председателя общества «СССР — Индия» в Ранчи. Чего только мы там не делали: самодеятельность, соревнования, диспуты, поездки в другие города, выпуск газеты, вечера национальной песни, загородные вылазки... Как тут не вспомнить комсомол! А к мыслям о совершенствовании человека я возвращаюсь все время. Что-то мы не дотянули тогда, в чем-то поспешили, что-то упростили, но была такая самозабвенная искренность в наших делах и чувствах, что это вошло в кровь на всю жизнь.

Встречаясь со старыми друзьями по комитету, поражаюсь устойчивости их связей. Юношеская дружба осталась не одним лишь радужным воспоминанием.

«Помнишь, как, бывало, в комитете, так и сейчас на собрании скажет, как гвоздь забьет», — говорили о Лидии Михайловне Ефремовой (Лиде Кузьминой).

Над рабочим столом у Лиды — портрет Льва Толстого, виды Ясной Поляны. Она сняла фильмы о Ясной Поляне, о чеховском Мелихове. Сняла для себя, но показывала и в библиотеке. Лида стала тонким ценителем книги, интересуется пушкинской эпохой, собирает книги о ней. И хотя дома хватает забот, как-никак растет сын, Лида и библиотечный совет возглавляла, и заместителем заведующего народным книжным магазином была. Как шутили друзья, вечная «продвижница» культуры. И вот новость: Лидия Михайловна назначена директором заводского музея. Любимое детище Зинаиды Николаевны — а она была и основательницей музея, и его директором, и председателем

общественного совета — попало опять в верные руки.

Фиру я не могла оторвать от дел ни в субботу, ни в воскресенье. «Ташу вот папки — отчет по итогам работы пятидесяти двух библиотек обкома союза...» И тут же с увлечением: «Знаешь, как изменился читатель! Когда приходят писатели, известные люди, у нас только что на люстрах не висят».

Я удивилась тогда, заметив в списке, что и сама Фира стоит в очереди на популярную книгу. Не позволила себе, пользуясь правом библиотекаря, прочесть ее без очереди. А случается, говорили мне, Фирины собственные книги перекочевывают на библиотечную полку, если большая в них нужда.

Что же все-таки помогает моим старым друзьям оставаться самими собой? Какое нравственное начало? Скромность?

— Ох, не люблю я этого слова — скромный, — рассердилась Зинаида Николаевна, когда я произнесла его. — Очень уж им злоупотребляют. Критикует — нескромно. Требует положенное — нескромно. Критический подход к себе — вот это ясно.

Критический подход к себе! Вот оно то щепетильное свойство, которое вырабатывали они в себе сообща.

Вспоминая прошлое, мы вместе думали о том, как же все-таки трудно даются человеческие победы. Сколько коллективных усилий, страсти, энтузиазма, даже самоотречения приходится затратить, чтоб выпрямить чью-то единственную судьбу, если она пошла вкось.

— Я всегда была фантазеркой, — признавалась Немцова. — Мне казалось, что каждого че-

ловека можно тащить в гору. А сил, случалось, не хватало ни у нас, ни у него. Это только кажется просто — трезво оценить себя. И все-таки время теперь подтверждает: многие выросли из тех, кому мы помогали расти.

Немцову всегда заботила связь времен. Так уж сложилась ее жизнь. Представить только, сколько событий уместилось в ее памяти! Заканчивая последний класс гимназии, она в восемнадцатом году начала работать в Тобольском Совете. Молодые большевики создавали организацию социалистической молодежи. Немцова — в числе ее организаторов. На фронт ушла прямо из ревкома по тревоге. С винтовкой па плече и в чем была: легком костюмчике, в туфельках, которые вскоре пришлось подвязать веревкой. Потом уж нашли для нее реквизированную шубу.

Фронт в Сибири. Фронт на Кавказе. Работала в политотделе. Не легче, чем на войне, пришлось и позже — на фронте борьбы с детской беспризорностью.

Немцову часто спрашивает молодежь о том, что же отличало профессиональных революционеров, которых она знала.

— Что значило стать профессиональным революционером? Прежде всего, — говорила она, — полностью овладеть собой. Предъявить к себе очень высокий нравственный счет. Выработать способность к самоограничению, самопреодолению.

Требовался полный отказ от излишеств — от выпивки, например. К женщине относились как к товарищу. Чувство товарищества ставилось очень высоко. А превыше всего — служение общему делу, готовность пойти для него на любые

жертвы. И жертв было много, стоит об этом помнить.

Известных и неизвестных людей перебирает она в своих воспоминаниях. Одних — восторженно, других — добродушно, третьих — безжалостно. Говорит о них так, словно бы всматривается заново в каждую прошедшую на ее глазах жизнь. Всматривается пристрастно, оценивающе. И ее подчас остросубъективные суждения становятся дороги своей искренностью.

В ее рассказах о прошлом никогда не было благостной лакировки: все объемно, со светом и тенью, успехами и поражениями. Уроки честного мужественного признания ошибок не пугают, они помогают трезво оценивать силы, всегда утверждала она. И этот творческий критический дух вносила во все, что делала. Зимой восемьдесят третьего позвала она меня в музей на Ленинский урок. Участвовали в нем молодые рабочие с мелкомеханического участка гидротурбинного цеха.

Обстановка настраивала на возвышенный лад: как-никак музей — хранилище исторической памяти завода, памяти о тех, кто в разное время олицетворял лучшее, чем славен коллектив. А чувство своей причастности к истории люди не сразу осознают даже в водовороте великих событий, не только в обычной жизни. Музей этому чувству помогает возникнуть, смыкая день сегодняшний с чередой прошедших.

Стол, покрытый кумачом, установлен был посредине музейного зала. Вокруг стола вместе с молодыми рабочими сели руководители служб, члены комсомольского комитета. Вели урок Зинаида Николаевна и Петр Пименович Посикан,

помощник генерального директора объединения.

Необычность же урока состояла в том, что разговор шел отнюдь не парадный. Главными действующими лицами были молодые рабочие не с передового, а с отстающего участка. Урок готовился больше месяца. И это была самая ответственная его часть. Разбирались в причинах отставания. Слушая, как аргументированно и смело критиковали молодые рабочие беспорядки в организации труда, заботясь об улучшении производства, я вспоминала комитет комсомола конца пятидесятых, тогдашние выступления Зинаиды Николаевны.

«Что такое рассуждения о городе Солнца, о хлебе и о розах для всех, если рабочий боится сказать слово против своего бригадира, если в цехе внезапно урезали выходные дни по распоряжению ревнивого ревнителя экономики... Политика, высокие идеи будут внедряться в головы людей лишь в том случае, если в своих непосредственных руководителях и пропагандистах они увидят политиков, каждодневно переделывающих мир к лучшему», — не уставала она повторять в комитете.

Немцова всегда находила десятки поводов, чтобы окунуть молодых в историю завода, историю партии и страны. Знакомство с Зинаидой Николаевной у многих в музее и начиналось.

Комсомольский секретарь Металлического восьмидесятых годов инженер Борис Васильев зашел однажды в заводской музей на минуту, чтобы вместе с несколькими втузовцами-отличниками сфотографироваться у знамени. А Зинаида Николаевна задала им вопросы, заставившие покраснеть.

Почему в музее есть портрет Николая Крыленко и что они знают о прокуроре республики? Слышали ли о Розовой книге — книге о будущем завода, которую сочиняли здесь в дни блокады? Они застряли в музее на три часа. Рослый Борис метко определил свое ощущение: «Посмотришь — крошечная, послушаешь — глыба!»

Почему комсоргам интересны встречи с нею? Борис объяснял: «Ее советы конкретны. У нее масса идей. Бывают люди с возрастными шорами: суживают, фильтруют по-своему современную информацию. Немцова — открытый человек, умеющий с гражданским мужеством судить об острых проблемах».

...Перед своим восьмидесятипятилетием она вдруг разволновалась, решила лечь в больницу. Друзья ее отговорили. В день ее рождения я позвонила в Ленинград. Она с юмором: «Представляешь, люстру хотели подарить, а?» Улыбаюсь, зная спартаковский стиль ее быта: «Ну и как же?» — «Найдите-ка, говорю, лучше тома Ленина, которых у меня недостает. Привезли». В голосе ее услышала счастливые ноты: «Спасибо парткому. На юбилее все было сердечно, искренне. Говорили только друзья. И знаешь, почувствовала: нужна я еще заводу. Честное слово!»

Есть в Тюмени и Туле улицы, носящие имя ее отца. Но она не писала мемуаров. Равнодушна была к наградам. Не заботилась оставить память по себе. Ее могущество — в слове, в непосредственном воздействии на людей, умении зажечь их идеями, мечтой. «Мечтатель», «фантазерка» — это всегда звучало похвалой в ее устах.

На юбилее своем она выступила совершенно в своем духе: «Я удовлетворена тем, что всю жизнь работала в гуще рабочего класса...»

Красная косынка молодости осталась при ней навсегда.

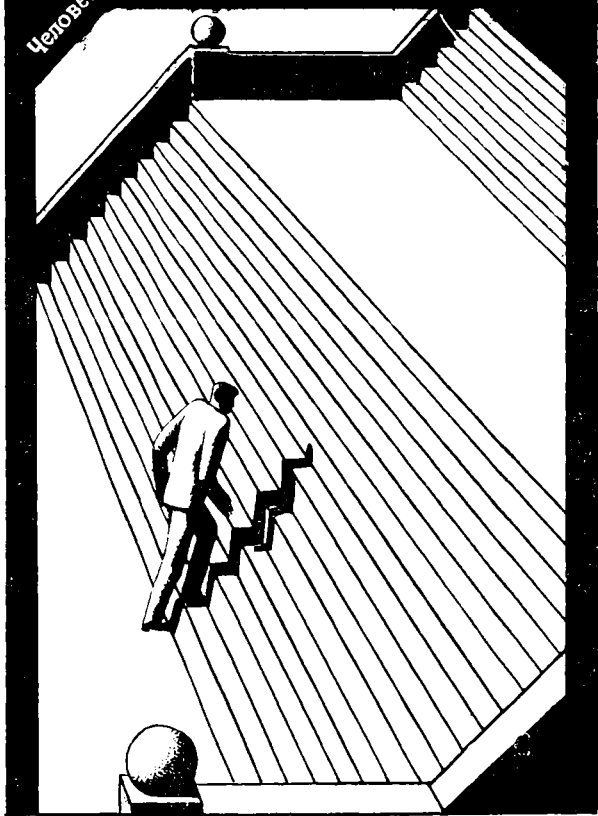
— Сила ее воздействия на нас,— говорили мои друзья в канун ее юбилея,— притяжение прямоты. Нравственное воспитание не может быть гладким, оранжерейным.

...В «Комсомольской правде», куда я мечтала попасть в юности, есть Голубой зал. С ним связано то странное ощущение, когда верится и не верится, что твоя голубая мечта сбылась. Это сладостное и беспокойное ощущение я испытала, когда пришла работать сюда стажером. Тогда на стенах зала и впрямь были широкие темно-голубые плоскости. Потом их покрыли деревянными ребрышками, между которыми стали едва видны узенькие полоски голубизны. Но название осталось. В Голубом зале изначально проходят все редакционные совещания и торжества: заседания редколлегии, летучки, собрания, встречи, проводы, «круглые столы», вечера. Какие зажигательные речи мы произносили о том, как переделать газету и переустроить жизнь в лучшую сторону! Помню хлесткие редакционные «капустники» и задушевные «фронтовые землянки» накануне Дня Победы... Со всей страстью молодости мы были одержимы общественными интересами, «пропадали» в редакции с утра до ночи, рвались в командировки по зову читательских писем. Ради принципа готовы были лезть в любую драку. Мы горячо радовались общим газетным удачам и с таким же азартом ругались из-за ошибки, пустого слова, фальшивой ноты в строках. Мы были, по-

жалуй, идеалистами в том смысле, что многие вещи, нам тогда представлялось, сделать легче, чем оно оказывалось на самом деле. Но, я думаю, люди должны быть мечтателями: жизнь от этого становится светлее, быстрее движется вперед. И кто из нас не благодарен на всю жизнь Голубому залу, нашему пылкому молодому товариществу тех лет! Людей надо уметь увидеть рядом с собой, ими надо уметь дорожить.

Смотрю на события, то приближаясь к ним вплотную, то отдаваясь на годы. Жизнь убеждает: человек сам стремится, не жалея себя, участвовать в общем деле, когда выпадает ему это счастье — товарищество, несущее идею. Товарищество в творчестве, в целеустремленности к будущему, в чистоте нравственных отношений, где бы ни складывалось это товарищество — у берегов ли Невы или в тундре на 38-й параллели.

Человек-стремлени

Когда мы оглядываемся назад, в историю, действия отдельных людей сливаются в великий поток неудержимых событий. И не всегда мы можем представить себе, что значит один человеческий поступок, одно проявление воли в масштабе действий тысяч и миллионов людей.

Со всей очевидностью почувствовала я это в Севастополе несколько лет назад.

...Весна. Середина мая. Акации в цвету. Горячее солнце и прохладный ветер. Город этот, рожденный заново, ни на какой другой не похож и, кажется, вечно был таким. Над синими бухтами ослепительно белеют в зелени его дома, колоннады, портики. Взбегают вверх лестницы. С высоких круч открываются сияющие холмистые дали. И только камни памятников то там, то тут приковывают взгляд, напоминая о прошлом. Хотя не думать о нем здесь невозможно. Мне рассказывали, как на Приморском бульваре двое приезжих спросили старика с медалями, какие исторические места стоит прежде всего осмотреть. А он обнажил голову и низко поклонился: «С этого места и начните. Все оно тут историческое».

Но чтобы памятники заговорили, нужен человек, знающий их историю, еще лучше — переживший ее.

Антонину Алексеевну Сарину, секретаря горкома партии в дни обороны и после освобождения, пригласили выступить в техническом училище. И я поехала с ней на Корабельную сторону. Ветер заносил в раскрытые окна троллейбуса запахи зелени и моря. На газонах горели красные брызги весенних маков такого чистого, пронзительного цвета, что глаз не оторвешь от их ярких точек.

— Когда мы вошли в город, — вспомнила она, — столько было этих маков, что люди говорили: земля-то ведь вся кровью полита.

И, направляясь на беседу с ребятами, возвращалась она мыслями в тот город, который погиб, как воин, сражаясь до конца, расстрелянный в упор.

Собираясь в Москву после освобождения Севастополя, она захватила с собой фотографии — аэросъемку руин: жуткий этот документ не требовал комментариев. Из центра выделили все, что только смогли; еще шла война. И тут же при ней председатель Совмина РСФСР позвонил в Иваново: «Поезжайте! Помогут!» Выступала в Иваново на митингах, ткачихи плакали. Ивановцы открыли все лари на фабриках: кусок ткани — два метра, кусок — три. Все брала. В городе-то ни простынь, ни занавесок. Два вагона увезла в Севастополь. Судьба ее срослась с судьбой города. Говоря о себе, она говорит о нем.

...В училище собрали две или три группы подростков. Они прыгали с места на место, шалили. Устали после занятий. Антонина Алексеевна широкими шагами прохаживалась по комнате, ждала, пока угомонятся. И мне показалось, что взяла она сразу слишком высокую

ноту в своем рассказе о прошлом. Но уже через несколько минут мальчишки неотрывно ее слушали. И не только потому, что выражала она свои чувства через те неповторимые подробности и интонации, которые сразу восстанавливают ощущение другого времени, но и потому, что она не описывала события, а размышляла о них.

Что могут один, два, три человека в трудной обстановке? Что от них зависит? Кто-то из нас ведь может не знать, что происходит за километр, в другом квартале, на другом участке. Может сказать себе: я все, что мог, сделал, но есть другие, их больше, у них надежнее позиция, они и выдержат.

Пять краснофлотцев во главе с политруком Николаем Фильченковым на несколько часов задержали наступление танков на узкой дороге между горами. По ней отходила к Севастополю Приморская армия. Эти часы были ей нужны, спасительны. Пятеро не могли знать положения армии. У них был свой пяточок — батарея. Маленькая точка в огромном сражении. Но они держались до последнего снаряда. Держались насмерть. И потом трудно было поверить, как много может горсточка людей.

Антонина Алексеевна старалась донести до ребят выстраданную ею истину: в любых обстоятельствах человеку важно помнить, что, если он дрогнет, уступит, могут сдать и другие. Именно он, не оглядываясь на других, принимает свое решение, делает свой выбор так, как если бы только на него ложилась вся тяжесть ответственности за события, какого бы масштаба они ни были. Нравственная атмосфера жизни

складывается из множества поступков, и за каждым из них чье-то решение, чья-то судьба. И нет тут маленьких или больших людей. От каждого что-то зависит.

Она рассказывала о молодой работнице Насте Чаус. Во время обстрела города девушка потеряла руку. Но отказалась эвакуироваться и одной рукой научилась работать, даже стала перевыполнять норму. Она никому ничего не хотела доказать этим. Она делала то, что сама для себя считала необходимым в той обстановке. И ее пример заражал, подбадривал других, подымал настроение людей. Севастополь до сих пор ее помнит.

Сарина рассказывала о почтальоне Заруцкой. Ее похоронили на кладбище Великой Отечественной войны рядом с бойцами и военачальниками уже после Победы. В часы кинжальных обстрелов в пылающем городе крошечная женщина как ни в чем не бывало продолжала разносить письма и телеграммы. По ее настойчивой просьбе спасли почту с потопленного врагом теплохода. Для кого-то из тех, кто стоял тут насмерть, это были последние вести от близких с Большой земли.

Антонина Алексеевна знала многих из тех, о ком рассказывала. Имена, ставшие названиями улиц, для нее оставались именами людей, с которыми она вместе работала и сражалась. Она возглавила историческую комиссию горкома, и трудно было бы найти для этой должности человека более подходящего по характеру, по темпераменту, по судьбе, по целеустремленности.

Сквозь вечность кинутые дороги,
Сквозь время брошенные мостки.

Провожая Сарину после ее выступления в училище, мальчишки тут же, неподалеку, на краю скверика, сорвали в траве десяток маков и неловко сунули ей в руку. Она была явно тронута этим незапланированным чистосердечным даром своих далеко не сентиментальных слушателей. Дошли, значит, до них ее слова, и даст новые ростки память, которую она считает себя призванной хранить и передавать другим. Память о тех надежных людях, которые и в аду кремешном сражений под Севастополем, каждый на своих метрах земли, защищали и отстаивали все Отечество, да и весь мир, если мыслить масштабами истории.

В наше тревожное время мы вновь и вновь обращаемся к этой памяти, черпая в ней веру в безграничные возможности человека, сознающего свой долг не только перед ближними, не только перед собственными детьми, но и перед потомками, перед будущим.

В новой редакции Программы партии говорится, что, «чем масштабнее исторические цели, тем важнее по-хозяйски заинтересованное, ответственное, сознательное и активное участие миллионов в их достижении». Каждого человека из миллионов, говорим мы себе. Каждой маленькой величины в большом мире. В словах этих не только желаемое, но и должное. Даже горстка людей, даже один человек с развитым чувством гражданского долга могут совершать невозможное, горы сдвинуть, как те краснофлотцы и работницы, о которых рассказывала ребятам Антонина Алексеевна Сарина. И сознание, что живешь ты в мире, где все взаимосвязано,— сегодня сознание ответственности каждого в самом широком смысле этого понятия.

А ответственность и надежность немислимы без преемственности, без повиновения сердца высоким нравственным чувствам. Вспоминаются слова, сказанные народным художником СССР Евсеем Евсеевичем Моисеенко накануне обсуждения его персональной выставки, подытожившей десятилетия работы.

— То, что хочешь выразить, копится долго. Тут твоя судьба, твоя память. А в ней ведь остается то, что для нас важно, что потрясло, захватило. Остальное забывается. Память — наша душа, наша совесть.

Действительно, картины Моисеенко заставляют волноваться и думать. Они о том, зачем человек живет, ради чего трудится, страдает, что он должен беречь, что ненавидеть, что почитать как святыню: глядя на его «Победу» или «Ветеранов», испытываешь и боль. А его «Вестники», «Товарищи», «Черешня» возбуждают тот же душевный подъем, что песни революции.

— Память — возвышение над повседневностью, очищение от нее, — говорил художник. — Помните у Багрицкого: «Но в крови горячечной подымались мы, но глаза незрячие открывали мы...» Правда тут — в реальности живых чувств, которые возбуждают в нас эти строки. Сколько молодых, самоотверженных, талантливых погибло за наши идеалы, и, чтобы наша жизнь была достойна принесенных жертв, свои поступки мы должны мерить категориями искренними, чистыми, опираясь на нравственные ценности, рожденные революцией.

Вслед за художником я думаю, что каждый из нас в меру своих сил может вносить в атмосферу жизни то самое ценное и возвышенное, что легло в его память, взбудоражило его

совесть. То, что нельзя упустить, потерять. Это чувство волнует меня, когда я пишу о встречах с такими людьми, как Немцова, Ильин, Кикоин, Кулакова, Тельминов, Хазанкин, Гризодубова, Шоюбов. Разные профессии у этих людей, разные судьбы. Но есть в их жизни одна закономерность — это люди, осуществившие себя через общественное служение, посвятившие ему свой талант, свои стремления. И каждого из них можно так и назвать — человеком стремлений.

Это непривычное определение я встретила у Яна Амоса Коменского, и оно поразило своей емкостью и точностью. Подвижники, каждый по-своему, выполняли и выполняют веление времени, воспитывая людей надежных. И я еще раз обращаюсь к сочинениям тех, кто на переломе от отрочества к юности старается не только выбрать свое поприще, но и задумывается о смысле всей жизни. Я приведу выдержки из сочинений о счастье, которые писали ученики Зинаиды Николаевны Кулаковой в 201-й московской школе.

«...Может ли человек, живущий спокойной жизнью и полезный для людей своей работой, с чистой совестью считать себя счастливым? Никуда не рваться, не стремиться к чему-то большему. Обывательщина ли это?»

«...Движущей силой человека может стать одно — неудовлетворенность собой. Любой активный человек в той или иной мере счастлив...»

«...Счастье, какое бы оно ни было, полное или минутное, — всегда беспокойное. Беспокойство — возвышает человека:

Лишь тот достоин жизни и свободы,
кто каждый день за них идет на бой...»

Этим юношеским порывам, запечатленным в школьных тетрадках, еще предстоит окрепнуть, чтобы стать зрелыми стремлениями личности. Но с этих-то юношеских порывов и размышлений и начинается осмысление своего места в мире, самоопределение личности.

Мудрые люди не однажды высказывали мысль, что жизнь человека измеряется не календарным числом лет, не годами и месяцами, канувшими в Лету, а тем временем, которое оставляет в душе неизгладимый след, днями, прожитыми со всей полнотой мыслей и чувств. У одних людей таких дней много, у других — меньше. А кто-то, может быть, и не ведет им счет. Это ощущение бесценности времени как раз и свойственно более всего натурам целеустремленным. Перелистывая как-то словарь Даля на букву «Т», я прочла, что «талант» и «талан» — это, в сущности, одно слово и есть у него еще более широкое толкование — судьба. Так, открывая для себя исконный смысл слов, бывает, по-новому вглядываешься и в связь вещей. Открыть свой талант и осуществить его для себя и для людей — не в том ли собственно предназначение человека? У каждого времени и поколения — своя первая шеренга — люди, делающие первый шаг, прокладывающие новые пути, принимающие на себя ответственность, когда надо. В эту шеренгу человека нельзя поставить, так же, как нельзя принудить его стать лучше. Встать в нее может только он сам, если захочет, если разбудили в нем это желание. И итог всего сказанного я не могла бы выразить лучше, чем словами еще одного сочинения, написанного на выпускном экзамене:

«...Человек может достичь своего усовершенствования только работая для усовершенствования своих современников, во имя их блага.

Если человек трудится только для себя, он может, пожалуй, стать знаменитым ученым, великим мудрецом, превосходным поэтом, но никогда не сможет стать истинно совершенным и великим человеком...

Если мы избрали профессию, в рамках которой мы больше всего можем трудиться для человечества, то мы не согнемся под ее бременем, потому что это — жертва во имя всех; тогда мы испытаем не жалкую, ограниченную, эгоистическую радость, а наше счастье будет принадлежать миллионам...»

Автор сочинения выполнил свою программу и стал истинным подвижником великого дела. Юношеское сочинение, написанное Карлом Марксом на выпускном экзамене в Трирской гимназии, стало пророческим в его судьбе.